

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Основана в 1977 году

М. В. Агбунов

**АНТИЧНАЯ
ГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

МОСКВА «НАУКА»

1992

ББК 63.2
А 23
Д. 913.1

Ответственный редактор
доктор исторических наук И. Т. Кругликова

Рецензенты:
кандидат исторических наук Л. И. Грацианская,
кандидат исторических наук А. В. Подосинов

А $\frac{0502000000-325}{054(02)-92}$ 6-91 НП

ISBN 5-02-005860-2

© Издательство «Наука», 1992

Введение

§ 1. Предмет и задачи исследования

Одним из важнейших аспектов изучения древней истории Причерноморья в целом и Северного Причерноморья в частности является рассмотрение вопросов античной географии этого региона. Это одна из наиболее интересных и вместе с тем крайне сложных тем.

Произведения Геродота, Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Страбона, Овидия, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Арриана, Клавдия Птолемея и других античных историков и географов донесли до нас краткие, но очень ценные описания Черного моря, его побережья и прилегающих к нему районов. Здесь даны общие сведения об истории освоения бассейна, указаны крупные реки, лиманы, заливы, острова, охарактеризованы местные племена и народы, названы существовавшие здесь античные города и поселения, гавани и крепости, маяки и святилища и другие географические объекты.

Вопросы о местоположении этих пунктов издавна привлекали внимание исследователей, разрабатывались на протяжении нескольких столетий и долгое время вызывали оживленные дискуссии и продолжительные споры. Дело в том, что при разработке рассматриваемых проблем ученые наталкивались на серьезные трудности.

Во-первых, в сведениях древних авторов имеется немало противоречий, неясностей, расхождений в определении расстояний и т. п. Иногда один и тот же пункт в разных источниках указан на различном расстоянии от того или иного ориентира — устья реки или близлежащего города или поселения.

Во-вторых, древние описания побережья расходятся с его современным географическим обликом. Они указывают острова, рукава и устья рек и другие объекты, которых нет в описываемом районе. И наоборот, целый ряд лиманов, заливов, островов не упоминается у античных географов.

В-третьих, в некоторых местах, где по данным источников должны находиться населенные пункты, не обнаружено никаких следов античных городов и поселений.

Все это значительно затрудняло исследования. Многие выявленные несоответствия в источниках ученые объясняли, как правило, ошибками древних географов, а неясные указания толковали самым различным образом. В результате один и тот же объект исследователи искали в пяти-шести, а то и в десяти различных местах, а некоторым пунктам вообще отказывали в существовании. Такой подход, разумеется, подрывал авторитет древних авторов, вызывал недоверие к их сведениям, затруднял полное и всестороннее использование письменных источников в решении важных историко-географических и археологических вопросов. И поэтому неудивительно, что даже продолжительные оживленные дискуссии и споры во многих случаях так и не приводили к единому мнению. А недостаточная археологическая изученность Северного Причерноморья до последнего времени не позволяла существенно продвинуть решение этих давних, крайне запутанных проблем.

При таком положении дел возникало множество споров о достоверности тех или иных сведений античных историков и географов. И в результате постепенно утвердилось мнение о том, что многие сообщения древних авторов недостоверны, ошибочны и не заслуживают особого доверия. В их адрес посыпалось множество обвинений в неточности измерений многих расстояний, в ошибочности и недостоверности различных сведений конкретного характера, всевозможной путанице, надуманности и неправдоподобности целого ряда указаний, элементарном незнании описываемой местности и многих других грехах.

В конечном счете к письменным источникам стали относиться с большой осторожностью, зачастую — с открытым недоверием. Такой подход еще больше осложнил решение многих и без того трудноразрешимых проблем античной географии Северного Причерноморья.

Перелом произошел в последние десятилетия. Ключ к решению многих проблем дала палеогеография. Оказалось, что для их разработки необходим комплексный подход — всестороннее изучение письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников. Такие комплексные исследования на стыке исторических и геолого-географических наук дали весьма существенные результаты.

Дело в том, что берега Северного Причерноморья в древности выглядели иначе. Сейчас твердо установлено, что в античное время уровень Черного моря был ниже современного, как минимум, на 5 м. За прошедшие 2,5 тыс. лет в результате повышения уровня моря (трансгрессия), опускания суши (тектоника), разрушения берегов (абразия), осадконакопления (аккумуляция) и других геологических процессов береговая линия моря и причерноморских лиманов в деталях существенно изменилась. При этом следует подчеркнуть, что в некоторых районах существенные изменения происходили уже в античное время. Поэтому береговая линия в середине I тысячелетия до н. э. была иной, чем на рубеже нашей эры, не говоря уже о настоящем времени.

В ряде районов происшедшие изменения оказались настолько значительными, что без их учета невозможно правильно понять имеющиеся сведения античных авторов и точно локализовать указанные ими пункты. Полученные палеогеографические реконструкции заставили другими глазами посмотреть на неясные и противоречивые сообщения древних авторов. Сопоставление письменных и палеогеографических данных позволило в большинстве случаев устранить противоречия, понять неясности, а также объяснить породившие их причины. Эти причины заключаются, как правило, не в ошибках античных авторов, а в происшедших географических изменениях. Результаты комплексного анализа показывают, что письменные источники в большинстве своем абсолютно достоверны и не должны вызывать сомнений в правильности конкретных историко-географических описаний. Но рассматривать их следует, исходя не из современной физической географии, как это нередко делается даже до сих пор, а из той географической ситуации, которая имела место во времена изучаемых источников, зачастую разновременных и разнохарактерных. А выявленные противоречия и расхождения, как правило, кажущиеся. Они обусловлены в основном двумя обстоятельствами: 1) палеогеографическими изменениями; 2) контаминацией разновременных источников, отражающих различные географические ситуации.

Это, разумеется, не означает, что в сведениях античных авторов нет ошибок, расхождений, путаницы. Конечно, они встречаются. И поэтому письменные источники требуют серьезного критического подхода. Но такой подход должен быть всесторонним и включать весь комплекс разнообразных факторов.

Результаты комплексных историко-археологических и палеогеографических исследований последних лет показывают, что сведения античных историков и географов заслуживают гораздо большего доверия, требуют тщательного анализа в каждом конкретном случае и являются в целом вполне надежным и достоверным источником для изучения важных и интересных вопросов древней истории и географии Северного Причерноморья.

К настоящему времени большая часть указываемых античными авторами городов и поселений локализована и отождествлена с конкретными археологическими памятниками. Этим надежно связаны разорванные прошедшими столетиями две цепочки исторических знаний — литературная и археологическая. Данные археологии позволили уточнить целый ряд датировок сведений письменных источников, выделить разновременные отрывки, пересмотреть некоторые важные вопросы структуры древних произведений, заимствования информации, использования не дошедших до нас трудов и т. д.

В результате комплексного подхода выявлены принципиально новые возможности для относительной датировки и выделения разновременных отрывков с помощью данных палеогеографии.

Таким образом, на современном уровне знаний открываются новые широкие возможности для дальнейшего изучения историко-географических сведений античных авторов о Северном Причерноморье и связанных с ними проблем античной географии этого региона.

Предлагаемая читателю монография не претендует на обобщение и окончательное решение рассматриваемых проблем. Ее цель гораздо скромнее — на основе комплексного изучения письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников дать общую картину историко-географического описания Северного Причерноморья античными авторами, провести сравнительный анализ их конкретных сведений, в первую очередь цифровых данных об измерении расстояний как наиболее богатого и показательного материала, и, опираясь на полученные результаты и сделанные наблюдения, осветить основные этапы развития географических знаний о рассматриваемом регионе в античной литературе.

Поставленные задачи определили и круг изучаемых источников, и структуру самой работы.

Учитывая важность и скрупулезность сравнительного анализа письменных источников, автор счел необходимым

собрать воедино в специальной главе основные историко-географические описания античными авторами Северного Причерноморья и прилегающих к нему районов. Это даст возможность читателю полнее понять те или иные выводы, расчеты и рассуждения и самому подключиться к проводимому анализу.

Изучаемой теме посвящено безбрежное море литературы — многие десятки книг и сотни статей. Практически каждый из рассматриваемых вопросов имеет более или менее обширную историографию. Приводить ее здесь нет никакой возможности. Она в большинстве своем собрана в обобщающих работах Л. И. Грацианской, А. И. Доватура, Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой, И. В. Куклиной, А. А. Нейхардт, А. В. Подосинова, Б. А. Рыбакова, М. В. Скржинской и других исследователей. Автор старался не загружать изложение сводками различных точек зрения, а сосредоточить основное внимание именно на сравнительном анализе конкретных географических сведений. Поэтому и прилагаемый в конце книги список литературы включает только основные работы по рассматриваемым вопросам.

В центре внимания предлагаемой работы — конкретные географические сведения, цифровые данные об изменении расстояний в Северном Причерноморье и соседних районах. Именно эти сведения дают возможность наиболее наглядно и убедительно проследить процесс изучения этого региона древними мореплавателями, развития географических знаний, их отражения в сочинениях античных историков и географов, заимствования тех или иных данных более поздними авторами у своих предшественников и т. д. А исторические и этнографические сведения, к сожалению, не дают такой широкой возможности: ведь исторические ситуации и границы расселения племен менялись. Поэтому такого рода сведения здесь специально не анализируются, тем более что им посвящены такие обобщающие книги, как, например, монография И. В. Куклиной «Этногеография Скифии».

Сообщения античных авторов цитируются мной по новейшим переводам произведений Геродота, Псевдо-Скиллака, Плиния, а также по известному сборнику В. В. Латышева и другим изданиям. Ссылки при цитировании даны по общепринятой системе: римские цифры указывают книгу, арабские — главу, параграф.

Эта монография в определенной степени подводит итоги 20-летних исследований автора в области античной гео-

графии и археологии Северного Причерноморья. В связи с этим автор считает своим долгом высказать теплые слова глубокой благодарности за многолетнюю помощь и поддержку своим учителям, коллегам и товарищам по работе. Особая признательность — И. Т. Кругликовой, ответственному редактору книги, а также Л. И. Грацианской и А. В. Подосинову — взыскательным, но доброжелательным рецензентам. Используются фотографии автора, а также Ю. В. Мурзина, Н. Н. Никитина и В. А. Суетина, которым также выражается глубокая благодарность.

В заключение хочется сказать, что представляемая на суд читателя книга не была бы написана без постоянной помощи со стороны жены автора — Лидии Николаевны Агбуновой, чей вклад в создание данной книги неоценим и чей труд незримо присутствует во всех главах.

§ 2. Краткая история изучения темы

Интерес к произведениям античных историков и географов стал пробуждаться еще в позднем средневековье. Большое количество их погибло в тяжелые времена средневекового мракобесия. Но в эпоху Возрождения ученые настойчиво отыскивали сохранившиеся рукописи, скрупулезно переписывали их, изучали, комментировали и издавали в появившихся к тому времени типографиях. Так до нас дошли «История» Геродота, «География» Страбона, «Перипл Понта Эвксинского» Арриана, «Естественная история» Плиния Старшего, «Географическое руководство» Клавдия Птолемея и другие сочинения.

Издания XVI—XVIII вв. уже содержат краткие комментарии, в которых высказываются мнения о местоположении тех или иных городов, поселений и других пунктов, указываемых античными авторами в Северном Причерноморье. А. И. Стукий, например, издавая перипл Арриана, попытался нанести на карту Черного моря некоторые населенные пункты [354]. Следует упомянуть также о карте Понта Эвксинского, составленной в 1590 г. известным географом А. Ортелием и изданной в его историческом атласе. На этой карте он также попытался указать местоположение большинства античных городов и поселений Причерноморья.

Но эти исследования носили, как правило, чисто кабинетный характер и не сопровождались попытками отыскать на местности следы локализуемых пунктов.

Однако отдельные путешественники уже в то время предпринимали такие попытки. Так, например, польский

дипломат и путешественник Мартин Броневский в 1578 г. проезжая через Нижнее Поднестровье, осмотрел низовья Днестра с целью отыскать башню Неоптолема и города Никоний и Офиуссу. Но его поиски не увенчались успехом.

Необходимо отметить вышедший в 1782 г. трехтомный труд Ж. Данвила, посвященный древней географии [316]. Исследователь уделяет определенное место Северному Причерноморью и пытается (опять-таки кабинетным образом) определить местоположение целого ряда городов и поселений.

Время с XVI до конца XVIII в. можно выделить как первый этап в истории изучения античной географии Северного Причерноморья. Он характеризуется в основном робкими кабинетными попытками локализации существовавших здесь населенных пунктов. Уже на первых порах выявились самые различные точки зрения. Поиски археологических памятников практически не проводились.

В конце XVIII в. территория Северного Причерноморья вошла в состав России. Началось интенсивное изучение археологических памятников этого региона. Особое внимание уделялось поискам античных городов и поселений, известных по письменным источникам. Большую роль в этом сыграли известные русские и зарубежные путешественники, оставившие весьма ценные описания и наблюдения: П. С. Паллас, П. П. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол, И. И. Потоцкий, Ф. Дюбуа де Монпере и др. [247, 248, 174, 320].

Такие крупные античные города, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей и некоторые другие, были найдены без особого труда. Их впечатляющие руины сразу же привлекли к себе внимание первых исследователей. А находки среди развалин монет и надписей с названием города тут же

ГЕРОДОТ

вели к единой цели — локализации рассматриваемых объектов: городов и поселений, гаваней и святилищ, рек и островов. Значительный вклад в разработку стоявших проблем в этот период внесли: К. Маннерт, И. А. Стемповский, П. Дюбрюкс, Г. Келер, П. И. Кеппен, Н. Н. Мурзакевич, Н. И. Надеждин, Ф. Укерт, Г. И. Спасский, И. П. Бларамберг и многие другие ученые [333, 240—243, 98, 330, 124, 175, 19, 176, 355, 238, 36, 37].

Следует специально отметить одно важное обстоятельство. А. И. Стемповский, занимаясь локализацией античных населенных пунктов между Днпром и Днестром, высказал очень важные соображения о том, что за прошедшие тысячелетия здесь произошли географические изменения. Он не сомневался в том, что пересыпь и плавни Тилигульского лимана в античное время не существовали, и помещал там гавань города Одесс. При этом ученый отметил, что «подобные изменения видны при устьях всех почти лиманов сей страны» [241, с. 48]. Но этот принципиально важный вывод, к сожалению, остался без должного внимания.

В середине — третьей четверти XIX в. интерес к рассматриваемой теме достиг своего наивысшего предела. К этому периоду относится деятельность таких крупных знатоков древней географии Причерноморья, как П. В. Беккер, Ф. К. Брун, К. Мюллер, К. Нойман, Н. Киперт и др.

П. В. Беккер значительно продвинул вперед решение вопросов локализации объектов между Днпром и Дунаем и правильного понимания некоторых «темных» мест в описаниях античных авторов. Отмечу два принципиально важных вывода ученого. Критикуя отождествление Э. Г. Муральтом острова тирагетов со средней частью пересыпи Днестровского лимана, П. В. Беккер убедительно доказал, что в «древности Днестровский лиман при своем впадении в море имел совершенно другой вид, чем ныне, и что на теперешний остров, лежащий пред устьем, надобно смотреть как на формацию позднейших веков» [25, с. 188]. А расхождения древних авторов в определении расстояний в Нижнем Поднестровье П. В. Беккер (один из первых) попытался в отличие от других исследователей объяснить не ошибкой одного из источников, а измерением от разных точек широкого устья Днестровского лимана [25, с. 165—166]. И далее ученый рассуждает о том, что за прошедшие тысячелетия в этом районе произошли значительные географические изменения.

Ф. К. Брун по праву считается одним из наиболее значительных исследователей древней географии Причерноморья. Его многолетние исследования, собранные потом в двухтомник «Черноморье», — заметная веха на длинном пути разработки этой темы [45]. Это издание и до сих пор не потеряло своего значения.

Особо следует отметить фундаментальные труды К. Мюллера, одного из крупнейших специалистов по античной географии: свод произведений древних географов, издания отдельных крупных сочинений, альбом карт, составленных по данным источников [337]. В своих комментариях и картах ученый рассмотрел многие важные источниковедческие проблемы и локализовал практически все античные города и поселения Северного Причерноморья. Эти труды до сих пор важны для изучения античной географии вообще и Северного Причерноморья в частности.

Серьезным вкладом в разработку многих рассматриваемых вопросов были обобщающая монография К. Ноймана [338] и альбом карт Г. Киперта, составленных по данным античных авторов [329].

Из более частных исследований отметим также принципиально важный вывод А. С. Уварова. Рассматривая археологические памятники междуречья Днепра и Дуная, он локализовал город Одесс на левом берегу устья Тилигульского лимана и подчеркнул, что «в древние времена лиман соединялся с морем и составлял удобную гавань для кораблей» [261, вып. 2, с. 143].

Нельзя не отметить опубликованную в 1870 г. обширную работу К. К. Герца о топографии современного Таманского полуострова, не утратившую своего значения до сих пор. Изучая эту местность, ученый пришел к выводу, что «в эпоху классической древности она во многих отношениях имела совершенно иной вид, чем ныне. Никакие местности не подвергаются столь частым изменениям, как дельты больших рек. На Таманском же полуострове к изменениям местности, происшедшим вследствие изменения речных русел, засорения старых речных ложбин, образования новых русел и влияния морских вод, присоединились еще изменения земной поверхности вследствие многочисленных вулканических извержений, обративших на себя особое внимание всех естествоиспытателей» [73, с. 195—196]. Ясно понимая, что здесь произошли весьма значительные географические изменения, К. К. Герц, один из первых археологов, обратился к представителям геолого-географических наук.

К последней трети XIX — началу XX в. относится деятельность таких известных исследователей древностей Северного Причерноморья, как П. О. Бурачков, М. О. Поночевный, Ф. А. Браун, Ю. А. Кулаковский, Э. Р. Штерн, А. Л. Бертъе-Делагард, С. Д. Пападимитриу, В. И. Гошкевич и многие другие [46—48, 201, 38, 142, 283, 192, 193, 76, 77]. В их работах рассматриваются произведения античных авторов, проблемы локализации целого ряда населенных пунктов.

Крупнейшим событием было издание В. В. Латышевым в 1893—1906 гг. свода «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» [147]. Этот свод открыл широкие возможности и дал мощный импульс для дальнейшей разработки рассматриваемой темы. Его исключительно важное значение для развития историко-географических исследований трудно переоценить и сегодня. Отмечу также, что В. В. Латышев приложил к этому изданию составленные им карту Европейской Сарматии по Птоlemeю и карту Причерноморья, где локализовал указанные античными авторами населенные пункты.

Кроме того, перу В. В. Латышева принадлежат другие фундаментальные исследования, а также серия статей по конкретным историко-географическим вопросам, собранная потом в известном сборнике «ПОНТИКА» [148].

Другим крупнейшим событием был выход в 1925 г. капитального труда М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» [217]. Здесь достаточно полно и всесторонне охарактеризованы сведения античных авторов о Северном Причерноморье, рассмотрены важные источниковедческие вопросы, сделан целый ряд основополагающих выводов. Вместе со сводом В. В. Латышева это неустаревающее в

Василий Васильевич
ЛАТЫШЕВ

целом исследование М. И. Ростовцева сохраняет свое исключительно важное значение до сих пор.

Интересующие нас вопросы М. И. Ростовцев исследовал и в других своих работах, которые также внесли большой вклад в разработку этой темы [214—216].

В целом время с конца XVIII по начало XX в. характеризуется интенсивным накоплением археологических данных и пристальным вниманием к изучаемой теме. Сопоставляя письменные и археологические источники, исследователи пытались локализовать указываемые древними авторами города, поселения и другие объекты и отождествить с конкретными археологическими памятниками. Но на их пути стояли следующие основные трудности.

1. «Темные» места в описаниях античных авторов.

2. Существование нескольких различных по длине древнегреческих стадиев.

3. Отсутствие необходимых археологических данных.

Понимая «темные» места в сведениях античных авторов субъективно, каждый по-своему, измеряя расстояния различными стадиями, по-разному учитывая изгибы береговой линии, ученые «увеличивали» или «уменьшали» указываемый путь и приходили к самым противоречивым результатам. Нередко один и тот же пункт искали в пяти-шести, а то и десяти различных местах. Накапливающиеся археологические данные показывали несостоятельность то одной, то другой точки зрения.

Но для окончательного решения вопроса во многих случаях их было недостаточно.

Горячие споры и продолжительные оживленные дискуссии во второй половине XIX в. постепенно утихли к концу столетия. Внимание к этим проблемам заметно ослабевало. К уже высказанным гипотезам и догадкам трудно было добавить что-либо новое. Так, в начале XX в. источниковедческая база оказалась исчерпанной. Исследователи ясно осознавали необходимость проведения широких целенаправленных археологических исследований.

Однако выводы И. А. Стемповского, П. В. Беккера, К. К. Герца, М. О. Поночевного, Л. П. Колли и других ученых относительно изменений географического облика Северного Причерноморья за прошедшие тысячелетия, к сожалению, оставались без должного внимания.

Но необходимость привлечения данных геолого-географических наук ощущалась все больше и больше. Это особенно наглядно показано в вышедшей в 1929 г. небольшой работе С. Ф. Войцеховского с очень показательным назва-

нием «Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени» [57]. Отметив, что «еще покойный академик К. К. Герц особенно подчеркивал мысль, что восстановление истинной картины Таманского полуострова, приуроченной к античному периоду времени, невозможно без учета геологических факторов, действовавших на протяжении тысячелетий и тем самым изменявших первоначальный рельеф полуострова...», исследователь привлекает доступные ему данные и предпринимает серьезную попытку дать палеогеографическую реконструкцию дельты Кубани для античного времени, а также локализовать указываемые здесь древние города и другие объекты.

В других районах географические изменения были менее заметны, чем на Таманском полуострове, и особенно не привлекали к себе внимание исследователей.

В 1930—1931 гг. К. Э. Гриневич провел в районе Херсонеса широко на шумевшие тогда археологические исследования [84]. И, хотя результаты этих исследований не подтвердились, они сыграли свою роль в развитии подводной археологии и решении связанных с ней историко-географических вопросов.

В предвоенные годы развернулась бурная деятельность И. А. Орбели, который по праву считается основоположником советской подводной археологии [185]. Он успел провести целый ряд разведочных исследований и составил многолетнюю перспективную программу развития подводной археологии. Одна из первоочередных задач этой программы — составление гидрархеологической карты СССР. Но смерть И. А. Орбели в годы войны помешала претворению в жизнь этой обширной программы.

Михаил Иванович
РОСТОВЦЕВ

В целом довоенный период характеризуется накоплением археологических данных, необходимых для дальнейшего решения историко-географических проблем.

В послевоенные годы в Северном Причерноморье широко развернулись археологические раскопки и разведки античных городищ и поселений. Полученные материалы дали достаточно ясное представление об исследуемых памятниках: размерах, времени основания, экономической направленности, основных этапах исторического развития, конце существования и т. д. Основываясь на имеющихся данных, исследователи проверили в основном методом сравнения и исключения многочисленные гипотезы о локализации целого ряда указанных в источниках населенных пунктов. Одни гипотезы подтвердились, другие были отвергнуты. Постепенно отождествление большинства небольших городов с конкретными городищами стало общепринятым.

Но после этого оставалось немало городов, поселений и других объектов, локализация которых была еще спорной или неизвестной вообще. В особенности это относится к Северо-Западному Причерноморью. Затруднения объяснялись двумя основными причинами: 1) наличием «темных» мест в сведениях античных авторов, 2) отсутствием в указанных местах каких-либо следов древних населенных пунктов.

Разработка конкретных историко-географических проблем практически прекратилась. Имеющихся письменных и археологических данных оказалось недостаточно. Исследования в этом направлении зашли в тупик.

Ключ к решению этих проблем дала палеогеография. Но исследователи не сразу пришли к этому пониманию. Да и наука еще не располагала достаточной источниковедческой базой.

В середине 50-х годов П. В. Федоров, основываясь на наблюдениях археологов о затопленных объектах в прибрежной части некоторых античных городов, пришел к выводу, что во второй половине I тысячелетия до н. э. уровень Черного моря был ниже современного на несколько метров. Это явление он назвал фанагорийской регрессией, по имени города Фанагория, где наиболее очевидны свидетельства более низкого уровня моря. После фанагорийской регрессии уровень моря стал повышаться и примерно в середине I тысячелетия н. э. по схеме П. В. Федорова, приблизился к современному. Исследователь назвал это повышение нимфейской трансгрессией, по имени города Нимфей, где были обнаружены наиболее наглядные доказа-

тельства. Разработанная П. В. Федоровым кривая изменения уровня Черного моря на протяжении многих лет уточнялась им самим и другими исследователями с учетом новейших данных и в уточненном виде вновь опубликована в его обобщающей статье [262].

Во второй половине 50-х — 60-х годах под руководством В. Д. Блаватского в Северном Причерноморье развернулись широкие планомерные подводные археологические исследования. Они дали важные результаты развития подводной археологии и решения конкретных археологических и историко-географических вопросов [32].

В то же время широкие археологические и геолого-географические исследования, проводившиеся параллельно и независимо, значительно обогатили источниковедческую базу и подготовили почву для комплексных исследований на стыке историко-археологических и геолого-географических дисциплин.

Заслуга проведения одних из первых таких комплексных исследований принадлежит В. В. Лапину. Возобновив раскопки на современном острове Березань, он детально изучил топографию существовавшего здесь наиболее раннего в Северном Причерноморье древнегреческого поселения, привлек материалы геологических исследований и доказал, что остров Березань в древнегреческий период был полуостровом [143, 144, с. 129—137].

Выводы В. В. Лапина были развиты в специальной статье А. Н. Щеглова [285]. На протяжении многих лет А. Н. Щеглов проводил комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования в Северо-Западном Крыму, которые дали весьма существенные результаты [288, с. 13—28].

В последние десятилетия комплексными палеогеографическими исследованиями, подводными археологическими работами и связанными с ними проблемами занимается К. К. Шилик [275—278]. Следует отметить также исследования Б. Г. Петерса, В. И. Кадеева, С. Д. Крыжицкого, М. И. Золотарева, А. С. Голенцова, В. Н. Таскаева, А. С. Острроверхова, С. Б. Охотникова, В. В. Назарова и многих других ученых [168, 117, 110, 111, 75, 181, 207 и др.].

Большое место изучению географической среды уделяется в работах В. Д. Блаватского, Н. И. Сокольского, И. Т. Кругликовой и других исследователей античной археологии Северного Причерноморья [30, 237, 135].

Важной вехой в историко-географических исследованиях были работы П. О. Карышковского [121—123].

В последние 20 лет мне посчастливилось во многом благодаря П. О. Карышковскому заниматься вопросами античной географии Северного Причерноморья. В этих исследованиях стало возможным, основываясь на работах моих предшественников, широко применить метод комплексного изучения письменных, археологических и палеогеографических источников. В результате удалось решить целый ряд конкретных историко-географических вопросов. Для решения некоторых из них потребовалось провести целенаправленные подводные археологические исследования.

Комплексные исследования последних десятилетий показали, что за последние тысячелетия в Северном Причерноморье произошли географически серьезные изменения, с которыми нельзя не считаться. Именно вследствие этих изменений появились значительные трудности на пути решения многих проблем античной географии этого региона. Для устранения появившихся трудностей и всестороннего изучения рассматриваемых проблем необходимо широкое привлечение данных палеогеографии и построение палеогеографических реконструкций отдельных участков побережья и в итоге — создание палеогеографической карты всего Северного Причерноморья.

В последние годы интерес к произведениям античных авторов и историко-географическим проблемам Северного Причерноморья заметно возрос. Появились обобщающие работы Л. И. Грацианской, А. И. Доватура, Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой, И. А. Куклиной, А. А. Нейхардт, А. В. Подосинова, Б. А. Рыбакова, М. В. Скржинской, отдельные исследования И. И. Вдовиченко, С. Г. Колтухова, В. Г. Зубарева, А. А. Масленникова, Б. Н. Мозолевого и многих других исследователей [82, 94, 141, 179, 199, 200, 222, 228, 51, 112, 254].

В настоящее время в Северном Причерноморье широко развернулись как археологические, так и геолого-географические исследования. Они приносят интересные, нередко — принципиально важные результаты, которые создают надежную источниковедческую базу для дальнейшего решения многих проблем древней истории и географии Причерноморья.

Таким образом, комплексные изучения письменных, археологических и палеогеографических источников в последние десятилетия сдвинули с мертвой точки решение многих сложных, крайне запутанных проблем античной географии Северного Причерноморья. В раз-

работке этой темы наметился коренной перелом. Перед учеными открылись новые широкие возможности для дальнейших, более углубленных исследований на новом уровне знаний, на стыке гуманитарных и естественных наук.

§ 3. Общая характеристика источников

Исследования последних десятилетий убедительно показали, что правильное и наиболее полное решение многих проблем античной географии возможно только при комплексном изучении письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников. Именно этот метод исследований на стыке гуманитарных и естественных наук лежит в основе наших работ. В нем — залог успеха.

Вкратце ознакомимся с имеющейся источниковедческой базой. Начнем с письменных источников.

Сведения античных авторов о Северном Причерноморье и прилегающих к нему районах подробно рассматриваются в следующей главе. Поэтому здесь я ограничусь только их общей оценкой.

В предыдущие десятилетия письменные источники были основными, а зачастую — и единственными данными о том или ином вопросе античной географии рассматриваемого региона. И им, как правдо, безоговорочно доверяли. Позже в этих описаниях выявились «темные места», противоречия и расхождения с данными археологии и современной географией. Древних авторов стали обвинять во всевозможных ошибках, неточностях, незнании описываемой местности, путанице, выдумках и даже в заведомых фальсификациях, о чем мы уже говорили. Из одной крайности исследователи ударились в другую. Потом началось время трезвого критического подхода, скрупулезного изучения конкретных сведений античных историков и географов, сопоставления их с другими имеющимися данными, выявления причин тех или иных неясностей, противоречий и расхождений. И теперь можно смело утверждать, что древние авторы добросовестно и в основном правильно и довольно точно описывали побережье Понта Эвксинского. Конечно, здесь встречаются ошибки, неточности, расхождения и т. д. Но в таких случаях необходимо искать причины таких ошибок, а не спешить с обвинениями в адрес античного автора и обобщениями о недостоверности и ненадежности письменных источников. Главное — разо-

браться и правильно понять и объяснить рассматриваемые сведения.

Другую основную категорию наших источников составляют археологические данные.

В последние десятилетия в Северном Причерноморье ведутся достаточно широкомасштабные исследования многих античных городов и поселений. Результаты многолетних раскопок и разведок дают возможность довольно детально проследить основные этапы исторического развития древнегреческих центров этого региона. Сопоставление письменных и археологических данных позволяет полнее понять то или иное сообщение античного автора, точнее датировать его, «увязать» с конкретной исторической ситуацией и т. п.

Особое значение в этом плане приобретают материалы подводных археологических раскопок и разведок, так как в результате происшедших палеогеографических изменений целый ряд городов и поселений частично или иногда полностью оказался под водой.

Если многолетние полевые наблюдения создали богатейшую источниковедческую базу, которая позволяет решать многие историко-археологические вопросы, то подводная археология у нас находится, к сожалению, в плачевном состоянии. Дело в том, что в нашей стране до сих пор нет специального академического структурного подразделения, которое занималось бы подводными археологическими исследованиями. А необходимость его создания настолько очевидна и давно назрела, что и говорить об этом излишне.

Одна из самых насущных задач подводной археологии — создание карты затопленных городов, поселений, маяков, храмов и других археологических объектов. Такая карта позволила бы продвинуть решение целого ряда историко-географических проблем, полнее и правильнее понять и осветить конкретные вопросы античной географии Северного Причерноморья. А из-за ее отсутствия приходится в каждом конкретном случае при решении той или иной проблемы античной географии проводить комплексные исследования, в том числе — и подводные археологические работы.

Палеогеографические источники в последние десятилетия приобретают все большее значение в изучении проблем античной географии. Поэтому остановимся на их характеристике более детально.

В настоящее время в результате многолетних палеогеографических исследований накоплено достаточно необхо-

димых данных, которые дают возможность получить палеогеографическую реконструкцию того или иного района Северного Причерноморья для античного времени. В первую очередь нас интересуют изменения береговой линии. На этом вопросе и будет сосредоточено основное внимание.

Изменения берегов обусловлены колебаниями уровня Черного моря, тектоникой, абразией, аккумуляцией и другими процессами. Один из ведущих факторов — колебания уровня моря.

В настоящее время специалистами твердо установлено, что уровень Черного моря во второй половине I тысячелетия до н. э. был ниже современного. Это время приходится на период так называемой фанагорийской регрессии. Но вопрос об абсолютной отметке остается спорным. Исследователи дают различные цифры: от 4—5 до 10 м и более [288, с. 15—17; 113, с. 140]. Такие расхождения объясняются тем, что изыскания ведутся разными методами на различных материалах, на неоднородных участках побережья. Мнения всех специалистов сходятся на том, что уровень моря был ниже современного, как минимум на 4—5 м. П. В. Федоров, основатель учения об изменениях уровня Черного моря, в своей последней, обобщающей работе по этой проблеме говорит об отметке 5—7 м [262, с. 154]. Таким образом, 5-метровая отметка является общепризнанной. Она подтверждается и материалами подводных археологических исследований. Поэтому при построении палеогеографических реконструкций для большей достоверности мы будем исходить именно из отметки минус 5 м.

Уровень Черного моря был неразрывно связан с уровнем Средиземного моря и Мирового океана. В античное время уровень Средиземного моря и Мирового океана, как показывают исследования специалистов, был ниже современного на несколько метров [335]. При сопоставлении имеющихся кривых колебания уровня этих трех различных бассейнов, разумеется, наблюдаются некоторая асинхронность и небольшие расхождения, обусловленные климатическими и тектоническими особенностями. Оценивая понтийские материалы на общем фоне, можно согласиться с выводом А. Н. Щеглова о том, что «эвстатические колебания уровня Черного моря в интересующее нас время синхронны и довольно близки по значению с колебаниями уровня Средиземного моря и связанного с ними Мирового океана. Однако на разных участках побережья, они, види-

мо, осложнены региональными и локальными тектоническими движениями» [288, с. 17].

Фанагорийская регрессия — одна из фаз послеледниковой трансгрессии Черного моря. Она сменила новочерноморскую трансгрессию и сама, в свою очередь, сменилась нимфейской трансгрессией, за которой последовала корсуньская регрессия, после чего уровень моря поднялся до современного и продолжает постепенно повышаться [276, 262].

Такие колебания на фоне общей послеледниковой трансгрессии характерны для Черного моря. Как отмечают специалисты, «главная черта развития Черноморского бассейна — это неравномерный ход трансгрессии, неоднократно прерываемый регрессивными фазами, что позволяет говорить о многовековых эвстатических регрессивно-трансгрессивных циклах, развивающихся на фоне постледниковой трансгрессии. Природа многовековых эвстатических циклов, вероятнее всего, связана с климатическими колебаниями соответствующего порядка. Общий ход послеледниковой трансгрессии Черного моря зависел от изменения уровня Мирового океана» [113, с. 146].

Восстановить процесс изменения уровня моря с точностью до столетия пока еще невозможно. Для этого необходимы комплексные целенаправленные исследования на стыке геолого-географических и исторических наук. И большие надежды здесь возлагаются на подводную археологию. В общих чертах же ход трансгрессии достаточно ясен для решения наших задач.

Итак, можно считать достоверно установленным, что во второй половине I тысячелетия до н. э. уровень Черного моря был ниже современного, как минимум, на 5 м. Не исключено, что эта отметка была несколько ниже. Но достаточно убедительных данных нет. Поэтому в дальнейших построениях мы будем основываться на схеме П. В. Федорова. Согласно этой схеме, в последние столетия до нашей эры уровень моря стал постепенно повышаться и к середине I тыс. н. э. приблизился к современному. Это — нимфейская трансгрессия. Затем последовала корсуньская регрессия, в результате которой в XIII—XIV вв. уровень моря понизился до отметки минус 2—3 м. После этого началась новая трансгрессия, продолжающаяся и в настоящее время.

Как мы видим, разница между уровнем Понта Эвксинского в середине I тысячелетия до н. э., и современной отметкой составляет не менее 5 м. Иными словами, за про-

шедшие 2,5 тыс. лет уровень Черного моря повысился, как минимум, на 5 м. Это означает, что в ходе трансгрессии береговая линия Северного Причерноморья (как и других участков Причерноморья) претерпела существенные изменения.

Как же выглядело Северное Причерноморье в рассматриваемый период? Специалистами разработаны многие вопросы геоморфологии региона [64—71]. Но при этом даются слишком общие для наших задач датировки, которые охватывают довольно широкие хронологические диапазоны, нередко выходящие за пределы античного периода. Поэтому нам приходится, опираясь на разработанные специалистами положениями, строить более конкретные палеогеографические реконструкции непосредственно для интересующего нас периода.

Начнем с береговой линии моря. В ходе трансгрессии в результате абразионных и аккумулятивных процессов происходит постоянное изменение морского берега. Разрушающие и образующие силы моря, движимые волнами и течением, постоянно выравнивают береговую линию. Берег размывается с различной скоростью, которая зависит от его строения, прочности породы и других факторов. Для любого исследователя является очевидным и бесспорным тот факт, что в Северном Причерноморье происходит довольно быстрое наступление моря на сушу. Скорость, разумеется, различная. В Северо-Западном Причерноморье, например, обрывистый степной берег разрушается на разных участках со скоростью от 0,5 — 1 м/год до 7 м/год [284]. Скалистые берега Крыма разрушаются, конечно же, гораздо медленнее. В древности при более низком уровне моря скорость абразии во всех регионах была, разумеется, меньше.

Соответствующие подсчеты, конечно же, весьма приблизительные, показывают, что за прошедшие 2,5 тыс. лет море уничтожило в Северном Причерноморье довольно значительную полосу берега — от нескольких десятков метров до километра и более. Полученные цифры полностью согласуются с батиметрическими данными.

Проработка крупномасштабных батиметрических карт северной части Черного моря показывает, что 5-метровая изобата проходит на разных участках от нескольких десятков метров до километра и более от берега.

Следовательно, реконструкция береговой линии по 5-метровой изобате будет примерно соответствовать границе побережья для середины I тысячелетия до н. э.

Второй важный вопрос, который мы рассмотрим, связан с лиманами Северного Причерноморья. Происхождение и история развития этих лиманов изучены достаточно хорошо [67, с. 76—80]. Они представляют собой устья рек, затопленные в результате повышения уровня моря. Около 5 тыс. лет назад, согласно схеме П. В. Федорова, во время новочерноморской трансгрессии уровень Черного моря дважды превышал современную отметку примерно на 2 м. В этот период сформировались все причерноморские и приазовские лиманы и озера.

Во время фанагорийской регрессии, когда уровень моря понизился до отметки не менее минус 5 м, многие лиманы и озера перестали существовать. Сохранились лишь наиболее глубоководные лиманы и озера, но и они стали гораздо мельче и уже.

В ходе нимфейской трансгрессии к середине I тысячелетия н. э., когда уровень моря приблизился к современному, вновь сформировались исчезнувшие лиманы и озера.

Вследствие корсуньской регрессии уровень моря в XIII—XIV вв. понизился до отметки минус 2—3 м. И вновь прекратили существовать мелководные лиманы и озера.

В результате последовавшей трансгрессии, продолжающейся и сегодня, сформировался современный географический облик Северного Причерноморья: лиманы, озера, морские заливы, бухты, различные мелководные лагуны. Первое время образовавшиеся лиманы и озера были открыты со стороны моря. Но в последующие столетия большинство из них постепенно отделилось от моря естественными песчаными косами, так называемыми пересыпями, которые образовались под воздействием морских волн. Мелководные лиманы и озера отделены от моря полностью, и лишь наиболее крупные, с большим речным стоком, сохраняют довольно широкое устье, как, например, Днепо-Бугский лиман, или более узкое устье, так называемое гирло, в пересыпи.

Третий важный для нас вопрос связан с палеогеографией дельт таких крупных рек, как Дунай, Днестр, Днепр, Дон, Кубань. Как показывают многолетние исследования специалистов, в древности эти дельты выглядели иначе. За прошедшие тысячелетия здесь в результате изменения гидрологического режима, повышения уровня моря, тектонических, аккумулятивных и других процессов произошли значительные изменения. Имеющиеся геолого-географические данные в комплексе с письменными и археологическими источниками позволяют с большей или меньшей точностью построить необходимые палеогеографические реконструкции.

Итак, мы в самых общих чертах рассмотрели три основных направления палеогеографических изменений в Северном Причерноморье (и других районах Причерноморья) за прошедшие тысячелетия: 1) изменения морского берега в результате повышения уровня моря; 2) изменения в районе лиманов, озер, заливов и других лагун в результате повышения уровня моря, абразионных, аккумулятивных и других геологических процессов; 3) изменения в дельтах крупных рек в результате повышения уровня моря, гидрологических, аккумулятивных, тектонических и других геологических процессов.

Конкретные же палеогеографические реконструкции того или иного района Северного Причерноморья будут даны при рассмотрении побережья.

В последние десятилетия все большее место в историко-географических исследованиях занимают картографические источники. Античные карты до нас практически не дошли. Зато сохранилось большое количество средневековых карт, в первую очередь — итальянских морских компасных карт Черного моря, так называемых портоланов XIV—XV вв., и других, более поздних карт [129, 130, 340, 341]. На этих картах зафиксирована географическая ситуация периода корсуньской регрессии, когда уровень моря был ниже современного на 2—3 м. А это значит, что зафиксированная на них береговая линия по своей конфигурации очень близка береговой линии середины — второй половины I тысячелетия до н. э., когда уровень моря в результате фанагорийской регрессии был гораздо ниже современного.

Таким образом, средневековые карты являются для нас ценнейшим источником. Они дают возможность получить неоспоримые данные о положении береговой линии в рассматриваемый период, уровня Черного моря, конфигурации лиманов, заливов, дельт рек, характере и тенденции палеогеографических изменений и т. д. А эти опорные данные значительно облегчают построение и проверку палеогеографических реконструкций для различных периодов античного времени.

В этом плане также важны для нас карты Черного моря нового времени, где зафиксированы промежуточные положения береговой линии моря, заливов, лиманов, рек, островов, кос, показано направление течений.

В комплексных исследованиях все больше и больше используются данные геологии, палеонтологии, палеоботаники и других дисциплин.

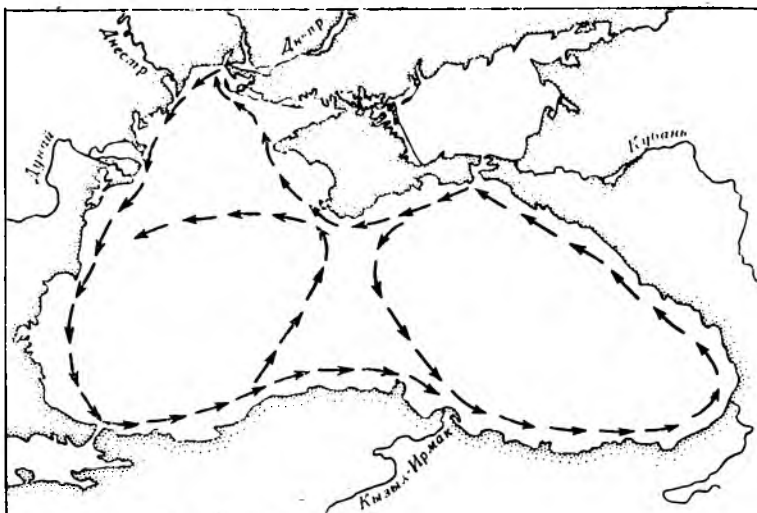

Схема течений в Черном море

Исследования на стыке гуманитарных и естественных наук с каждым годом приобретают все более широкий размах и приносят весьма существенные, принципиально важные результаты.

§ 4. Древнегреческий стадий

Стадий (стадия) — основная мера длины в Древней Греции — в разных регионах имел различное значение. Аттический стадий, например, равен 177,6, олимпийский — 192, ионийский — 210 м. Современные исследователи в своих расчетах оперируют самыми различными значениями стадия: 149; 157,7; 177,6; 185; 192; 197; 200; 210 м и др. Нет необходимости много говорить о том, что такой значительный разброс в цифрах порождает множество сложностей, вызывает затруднения при конкретных исследованиях, снижает ценность получаемых выводов, затягивает окончательное решение многих важных историко-географических, источниковедческих и других вопросов.

Попытаемся точнее определить значение стадия у основных рассматриваемых здесь античных авторов.

Стадий Геродота

Стадий Геродота в оценке различных ученых колеблется в пределах 149—210 м [94, с. 326]. Часть исследователей полагают, что Геродот, поскольку он был тесно связан с Афинами, пользовался аттическим стадием, который равен 177,6 м. Другие ученые считают, что «отец истории», будучи уроженцем малоазийского города Галикарнасса, применял ионийский стадий, равный 210 м. А. С. Жебелев считал, что стадий Геродота точно неизвестен и поэтому лучше воздерживаться от пересчета его расстояний. Авторский коллектив издания «Народы нашей страны в "Истории" Геродота» разделяет эту точку зрения и, пересчитывая расстояния, даст две цифры, исходя как из аттического, так и из ионийского стадиа.

Можно ли точно определить стадий Геродота? Думается, такая возможность есть. Для этого необходимо сравнить указанные им расстояния с данными других авторов. Наиболее показательным в этом плане является сообщение о долине Боспора Фракийского. По данным Геродота, она равна 120 стадиям (IV, 85). Такую же цифру дает и Полибий (IV, 43). Стадий Полибия известен. Он равен, как мы увидим далее, 177,6 м. Такой же величины должен быть и стадий Геродота. Следовательно, «отец истории» использовал аттический стадий, равный 177,6 м. При этом вполне возможно, что в каких-то отдельных случаях Геродот использовал источник, в котором фигурирует другой стадий.

Стадий Полибия

Определить стадий Полибия можно благодаря сведениям Страбона. При описании района Аполлонии Иллирийской Страбон сообщает: «Из Аполлонии в Македонию на восток идет Игнатиева дорога, измеренная милями и установленная столбами вплоть до Кипсел и реки Гебра. Длина ее — 535 миль. Если считать милю в 8 стадиев (как это делает большинство), то получится 4280 стадиев. Если же следовать Полибию, который прибавляет к 8 стадиям еще 2 плсфра (что составляет $1/3$ стадиа), то приходится добавить, еще 178 стадиев» (VII, 7, 4).

Аналогичное сравнение расстояний есть и в другом отрывке Страбона: «Все расстояние от Ионического залива у Аполлонии до Византия 7320 стадиев; Полибий, однако, прибавляет еще 180 стадиев, так как он

добавляет $1/3$ стадия к 8 стадиям и одной мили» (VII, фр. 56).

Римская миля равна, как известно, 1481 м. Отсюда следует, что стадий Страбона и большинства других авторов равен 185 м, а стадий Полибия — 177,6 м.

Стадий Страбона

Только что процитированные сведения Страбона бесспорно свидетельствуют о том, что его стадий равен 185 м. Проверка целого ряда приведенных Страбоном измерений подтверждает эту цифру. Такие расстояния, как, например, от устья Борисфена до Ольвии, от устья Тираса до устья Борисфена, от устья Тираса до Николия, от Истрии до Том, от Карамбиса до Синопы и др., измерены стадием в 185 м [10, с. 131; 12, с. 56—57].

Но не следует искать у Страбона один универсальный стадий. В его обширном компилятивном произведении использованы разновременные и разнохарактерные произведения многих авторов, в которых фигурируют различные стадии.

Например, многие расстояния Страбона практически совпадают с данными Арриана. А в перипле Арриана стадий равен, как мы увидим далее, 157,7 м. Следовательно, в соответствующих отрывках Страбона фигурирует тот же стадий в 157,7 м.

Одним из источников Страбона был и Полибий, стадий которого составляет, как уже говорилось, 177,6 м. Это значит, что в почерпнутых из Полибия сведениях имеется в виду стадий в 177,6 м.

Перерабатывая свои многочисленные источники, Страбон свел воедино собранные сведения без пересчета различных по длине стадиев: 157,7; 177,6 и 185 м. Об этом следует помнить при рассмотрении указанных в «Географии» расстояний.

Необходимо отметить, что Л. В. Фирсов в результате многочисленных сравнений указанных Страбоном расстояний с действительными пришел к выводу, что его стадий равен примерно 157,9 м и что «древнегреческие авторы от Геродота до Арриана имели в виду одну и ту же меру длины, величину которой можно вычислить прежде всего из данных Эратосфена», чей стадий исследователь определяет в 157,7 м [263, с. 164, 166, 168]. Но в расчеты Л. В. Фирсова, к сожалению, вкратились ошибки [10, с. 130; 12, с. 54—56]. Рассматриваемые им примеры

бесспорно показывают, что здесь фигурирует стадий длиной в 185 м.

Остальные расчеты Л. В. Фирсова убедительно показывают, что в тех примерах приведенные Страбоном расстояния измерены стадием в 157,7 м.

Стадий Арриана

Величину стадия в кратком и полном перипле Арриана исследователи определяют по-разному: 157,7; 177,6; 185; 197 и 200 м. В последнее время большинство ученых склоняется к цифре 197 м. Эта величина получается из указанного в полном перипле соотношения стадия и мили. Здесь 7,5 стадиев составляют римскую милю, т. е. 1481 м. Такое соотношение подтверждается и прямым сообщением источников. Так, например, в схолиях к «Землеописанию» Дионисия ясно сказано: «Стадий имеет длину, равную гипподрому. Семь с половиной стадиев составляют одну милю» (§ 718; ВДИ, 1948, № 1, с. 261).

Казалось бы, вопрос решен: стадий Арриана равен 197 м. Однако дело обстоит сложнее. При таком пересчете абсолютно все указанные в перипле расстояния между известными, твердо локализованными городами оказываются намного больше действительных.

Для решения этого вопроса пришлось проверить расстояния между указанными в перипле населенными пунктами, местоположение которых точно известно и не вызывает сомнений. Для большей точности взяты сравнительно небольшие отрезки пути. Все измерения проведены по крупномасштабным картам и сверены с данными современной лоции. Расчеты охватывают практически все побережье Понта Эвксинского. Полученные результаты показали, что здесь использован стадий, равный 157,7 м [10, с. 128—129; 12, С. 52—54].

В основе краткого и полного перипла Арриана лежит, как уже говорилось, перипл неизвестного автора эллинистического времени. Поэтому вполне естественно, что здесь использован стадий в 157,7 м, т. е. стадий Эратосфена.

А византийский редактор дошедшего до нас полного перипла Арриана просто перевел имеющиеся стадии в мили по принятому в тот период стандарту 7,5 : 1 (а не 8 : 1 или 8,3 : 1, как, по сообщению Страбона, было принято в античное время). Этим он «удлинил» указанные эллинистическим автором расстояния. Параллельные

цифры в милях вводят в заблуждение некоторых исследователей до сих пор. Это приводит к довольно серьезным ошибкам.

Поэтому необходимо еще раз настоятельно подчеркнуть: мы не должны принимать во внимание пересчет византийского редактора стадии в мили. Этот пересчет не соответствует стандарту античного времени и дает неверную длину стадия. Здесь следует пересчитывать только стадии в километры. Согласно такому пересчету стадий Арриана составляет 157,7 м.

Стадий Птолемея

Стадий Птолемея исследователи определяют также по-разному. Этот вопрос осложняется еще спецификой источника, которые дает нам не линейные измерения, а координаты.

Создавая свое произведение, Птолемей располагал многочисленными разнохарактерными и разновременными источниками, в которых фигурировали различные стадии, а также римская миля. Разумеется, он не мог пересчитать различные стадии в какой-то один стадий и просто перевел имеющиеся линейные измерения в координаты. Поэтому при работе с данными Птолемея не следует искать один стадий: Здесь фигурирует несколько различных по величине стадиев: 157; 177,6; 185 м и др.

* * *

Итак, мы рассмотрели вопрос о величине стадия основных античных авторов, описывающих рассматриваемый регион. Имеющиеся данные показывают, что в эллинистическое время был распространен стадий Эратосфена, равный 157,7 м. Позже наибольшее распространение получил стадий в 185 м, составляющий восьмую часть римской мили. Стадий в 177,6 м был менее популярен.

Глава 1. Описание Северного Причерноморья античными авторами

В этой главе мы познакомимся с основными описаниями Северного Причерноморья античными историками и географами. Эти описания даны в произведениях Геродота, Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Страбона, Мелы, Плиния, Арриана и других авторов. Здесь собраны отрывки, посвященные характеристике северного побережья Понта Эвксинского, а также прилегающих к нему районов. В основном это историко-географические сведения, которые знакомят нас конкретно с береговой линией, существовавшими здесь городами и поселениями, гаванями и островами и другими географическими объектами. Отдельные обрывочные сообщения из разного рода других античных сочинений приводятся непосредственно при рассмотрении района, к которому они относятся.

Сводка получилась довольно обширной, но она необходима. Без такой сводки невозможно дать достаточно убедительный анализ конкретных указаний античных авторов, сопоставить их, проверить многочисленные цифровые данные, сравнить их с современными измерениями, выявить имеющиеся расхождения, неясности и противоречия, объяснить их, уточнить перевод некоторых строк и т. д. и т. п. Ведь читатель должен иметь возможность детально проследить весь ход рассуждений автора, проверить правильность трактовки того или иного текста, его восстановления, дополнения и при необходимости провести собственный анализ. Надеюсь, эта сводка будет особенно полезна специалистам геолого-географических наук, которым значительно труднее, чем историкам и археологам, получить общую картину описания Северного Причерноморья античными писателями.

Обратимся теперь к рассматриваемым источникам.

Геродот

Знаменитый древнегреческий историк Геродот, сын Ликса, родился в малоазийском городе Галикарнассе в семье, которая занимала достаточно высокое положение. Годы его

жизни точно неизвестны. Годом рождения условно принято считать 484 г., годом смерти — 425 г. до н. э.

В юности будущий историк принял активное участие в политической борьбе против тирана Галикарнасса Лигдамиды. Вследствие неудачи Геродот вынужден был покинуть родину. И тут началась его жизнь путешественника, полная ярких впечатлений, различных событий и всевозможных происшествий. Он побывал в Малой Азии, Передней Азии, на побережье Финикии, Сирии, на Кипре, в Египте, Кирене, Македонии, Фракии и других регионах.

Долгое время Геродот жил в Афинах, был близок к правящим политическим кругам. В 444 г. до н. э. он принял участие в основании Афинами в Южной Италии города Фурии.

В какие годы Геродот работал над своим произведением, точно нельзя определить. Известно что в 445 г. автор публично читал в Афинах главы из «Истории» и получил щедрую награду — 10 талантов. Предполагают, что работа над книгой была завершена в Фуриях.

«История» Геродота посвящена описанию военно-исторических событий древнего мира, начиная с войн лидийских царей против малоазийских греческих городов и кончая греко-персидскими войнами. В предисловии своего труда автор пишет: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

Особое место в «Истории» Геродота (которую александрийские ученые разделили на девять книг и назвали их по именам девяти муз) занимает описание похода персидского царя Дария на скифов. Этим событиям посвящена IV книга «Истории». Здесь приведены ценнейшие сведения о Скифии, ее побережье, реках, племенах, их истории, обычаях, нравах и т. д. Интересующие нас данные имеются и в других книгах «Истории» Геродота.

Сведения Геродота цитируются по новейшему изданию А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, И. А. Шишовой, где дан также всесторонний комментарий, который во многом облегчает мою задачу и избавляет от необходимости приводить те или иные дополнительные разъяснения по частным вопросам. При необходимости читатель легко найдет их в указанном издании. Итак, обратимся к «отцу истории».

Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея, если же идти вверх от нее — там живут скифы-земледельцы, которых элины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и отнюдь не скифское. Страна, находящаяся выше них, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном нам протяжении.

К востоку от этих скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пахут; эта земля, за исключением Гилеи, безлесная. Кочевники эти населяют к востоку на расстоянии четырнадцати дней пути страну, простирающуюся до реки Герра.

По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и там обитают скифы самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны. Часть их владений доходит до реки Танаиса. Выше земли царских скифов к северному ветру живут меланхлены, племя иное, не скифское. Выше меланхленов — болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении.

Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но в начале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом» (IV, 17—21).

В последующих параграфах (IV, 22—27) Геродот сравнительно подробно описывает земли тиссагетов, иирков, аргиппеев, исседонов и аримаспов, их образ жизни, нравы, обычаи.

Затем он продолжает: «Вся эта страна, о которой было сказано, отличается необычно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи не получишь. Но если разжечь огонь, то ты получишь грязь. Замерзает море и

весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по сю сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов. Вот такая зима бывает в течение восьми месяцев непрерывно; и в остальные четыре месяца здесь холодно. Такая зима полностью отличается по своему характеру от любой зимы, которая бывает в других землях. Когда наступает период дождей, в Скифии не выпадает дождя, о котором стоило бы говорить, а летом дождь не прекращается. Когда в других местах бывает гром, здесь в это время его не бывает, летом же очень часто; если же гром случается зимой, то это изумляет, как чудо. Точно так же, если случается землетрясение, как зимой, так и летом, в Скифии это считается чудом. Лошади хорошо переносят эту зиму, а мулы и ослы не переносят совсем; в других же местах лошади, постоявшие на морозе, заболевают гангреной, а ослы и мулы выносят холод» (IV, 28).

Сравнение всех этих параграфов показывает, что в данном случае главная задача «отца истории» — описать не собственно Скифию, а те земли, которые лежат за ее пределами. Ведь он и предваряет этот раздел словами: «Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование». А тут же обещает читателю: «Но то, что мы смогли как можно более точно выяснить по слухам, — все это будет изложено».

И поэтому о Скифии здесь говорится ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы тут же перейти к сопредельным ей землям. Именно поэтому автор указывает только наиболее известные ориентиры в Скифии: гавань борисфенитов, Гипанис, Борисфен, Гилею, Герр, гавань Кремны, Танаис. Систематического же описания Скифии здесь нет. Поэтому нельзя требовать от Геродота, как это делает Ю. Г. Виноградов, чтобы он описал Нижнее Побужье, начиная от Березанского поселения [52, с. 76].

Под гаванью борисфенитов, как я полагаю (также считают и другие ученые), здесь указана Ольвия — центр государства, а Березанское поселение, входившее в сельскохозяйственную округу Ольвии, просто не указано.

Затем после таких детальных описаний Геродот несколько неожиданно переходит к общей характеристике европейского и азиатского материков: «Азию населяют персы вплоть до южного моря, называемого Эритрейским. Выше персов, в направлении к северному ветру, живут мидийцы, выше мидийцев — саспиры, выше саспиров — колхи; страна колхов доходит до северного моря, в которое

впадает река Фасис. Это четыре племени живут на пространстве от моря до моря» (IV, 37).

Этот отрывок наглядно характеризует уровень географических знаний того времени. Южное Эритрейское (Красное) море Геродота еще не получило свои конкретные очертания. Это — и Индийский океан, и собственно Красное море, и Персидский залив. А северным морем здесь назван Понт Эвксинский.

Далее Геродот продолжает: «Оттуда к западу тянутся к морю две полосы земли, которые я и опишу. Отсюда одна из этих полос, начавшись на севере от Фасиса, тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея, а с южной стороны та же самая полоса земли от Мириандикского залива, лежащего у Финикии, тянется к морю до Триопийского мыса. На этой полосе земли живут тридцать народов.

Это части Азии, лежащие к западу от Персии, а над персами, мидийцами, саспирами и колхами, по направлению к востоку находится с одной стороны Эритрейское море, а к северу — Каспийское море и река Аракс, текущая на восток. До Индии Азия населена, а от нее на восток — уже пустыня, и никто не может сказать, что же она собой представляет.

Меня удивляет, как некоторые разграничили и разделили Ливию, Азию и Европу; ведь различия между ними не малые: по длине Европа равняется двум другим вместе взятым, а по ширине, кажется мне, ее с ними нельзя» (IV, 38, 40, 42).

Здесь же Геродот упоминает Скилака Кариандского, одного из славных мореплавателей древности: «Большая часть Азии открыта Дарием, который, желая узнать, где впадает в море река Инд — вторая из всех рек, в которой водятся крокодилы, посылает на кораблях других людей, в правдивости показаний которых он был уверен, и в частности Скилака, мужа из Карианды...» (IV, 44).

Об европейском материке «отец истории» пишет следующее: «Относительно Европы никто не знает точно, омывается ли она водой на востоке и на севере; однако известно, что по длине она равняется двум другим частям света. Я не могу ни догадаться, почему одной и той же земле даны три названия от имен женщин и границы установлены по египетской реке Нил и колхидской Фасис (другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские Переправы), ни узнать имена тех, кто произвел разграничение и откуда они взяли названия... Относительно Европы никому

из людей не известно, окружена ли она водой, откуда она получила свое название и кто ей дал это название, если только мы не скажем, что страна получила свое название от женщины из Тира по имени Европа, а прежде она была безымянной, как и другие. Однако эта женщина оказывается происходящей из Азии и прибыла не в эту страну, которая теперь называется у эллинов Европа, а из Финикии на Крит, а с Крита в Ликию. Сказанного же об этом достаточно, будем пользоваться тем, что принято» (IV, 45).

Так или иначе, но Геродот объясняет происхождение названия Европы. Кроме того, приведенные им сведения показывают уровень географических знаний об европейском континенте во времена Геродота. Север Европы еще мало был известен древнегреческим мореплавателям.

Далее «отец истории» переходит непосредственно к описанию Скифии. Кратко охарактеризовав мудрость и непобедимость скифов, он довольно подробно знакомит нас со скифскими реками, которых «течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте». Вначале он пишет: «Те из них, которые чем-нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для корабля, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис» (IV, 47).

Много внимания Геродот уделяет Истру — современному Дунаю: «Истр — величайшая из всех рек, которые мы знаем. Он всегда течет, имея одинаковый уровень и зимой и летом. Первый, начиная с запада, из всех рек, которые текут в Скифии, он становится величайшим по той причине, что в него впадают и другие реки. Следующие реки делают его полноводным — по скифской земле протекает их пять: та, которую скифы называют Пората, а эллины Пишет, затем Тиарант, и Арар, и Напарис, и Ордесс. Первая из перечисленных — большая река; протекая на востоке, она сливает свои воды с водами Истра. Вторая из перечисленных — Тиарант — течет более к западу и меньших размеров; Арар и Напарис, и Ордесс, проходя в промежутке между этими реками, впадают в Истр. Это, собственно, те местные скифские реки, которые делают его полноводным; а из области агафирсов течет река Марис и смешивается с Истром» (IV, 48). Далее Геродот описывает верхнее и среднее течение реки и причины ее полноводности.

Затем автор переходит к описанию Тираса — современного Днестра: «Одна из рек у скифов — Истр, а за ним Тирас, который движется в направлении северного ветра; он берет начало из большого озера, которое отделяет Ски-

фию от Неврской земли. У устья Тираса обитают греки, которые называются тириты» (IV, 51).

А несколькими страницами далее «отец истории» сообщает: «Эта страна не имеет ничего примечательного, за исключением рек, величайших и многочисленных. О том, что представляется достойным удивления, помимо реки и обширности равнины, будет рассказано. У реки Тираса показывают след Геракла, находящийся в скале; он похож на след человека, но по величине он размером в два локтя» (IV, 82).

После Тираса Геродот знакомит нас с Гипанисом, современным Южным Бугом: «Третья же река — Гипанис — движется из пределов Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади. Это озеро правильно называется матерью Гипаниса. Возникшая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и вода в ней пресная, а отсюда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая. Ведь в нее впадает горький источник; настолько горький, что хотя он и невелик по размерам, но придает свой вкус Гипанису, одной из немногих и больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов. Название источника и той местности, откуда он вытекает, — по-скифски Экзампей, на языке же эллинов Священные пути. Вблизи земли ализонов Тирас и Гипарис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52).

В другом месте своего труда «отец истории» возвращается к Экзампею: «Численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения: что их и очень много и что скифов как таковых мало. Однако, вот что мне наглядно показали. Есть между реками Борисфеном и Гипанисом местность, название которой Экзампей. Об этой местности я упоминал незадолго до того, сказав, что в ней есть источник горькой воды; вода, вытекающая из него, делает воду Гипаниса негодной для питья. В этой местности находится медный котел по величине в шесть раз больше кратера у устья Понта, который посвятил Павсаний, сын Клеомброта. А тому, кто его никогда не видел, я разъясню это следующим образом: медный котел в Скифии свободно вмещает шестьсот амфор; толщина этого скифского медного котла — шесть пальцев. Этот котел, как говорили местные жители, сделан из наконечников стрел. Пожелав узнать численность скифов, их царь, имя

которого было Ариант, приказал всем скифам, чтобы каждый принес один наконечник стрелы; а тому, кто не принесет, он угрожал смертью» (IV, 81).

Следующая река — Борисфен, современный Днепр. Ему Геродот уделяет больше всего внимания: «Четвертая река — Борисфен — величайшая их рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнить никакую другую реку. Из остальных рек Борисфен самый полноводный; он предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. Здесь водятся огромные бескостные рыбы, которых называют антикаями, их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления.

Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания. Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов. Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53).

Познакомив нас с Борисфеном, Геродот пишет далее: «Об этих реках достаточно. А после них — другая река, пятая, название которой Пантикап. Течет он также с севера и из озера, а посередине между ним и Борисфеном обитают скифы-земледельцы; втекает же он в Гилею, а миновав ее, соединяется с Борисфеном.

Шестая река — Гипакирис, которая, устремляясь из озера и протекая посередине области скифов-кочевников, впадает в море близ города Каркинитида, направо от себя оставляя Гилею и так называемый Ахиллов бег.

Седьмая река — Герр — ответвляется от Борисфена в том месте этой страны, до которого русло Борисфена известно. Ответвляется она в этой стране, а название имеет то

же, что и сама страна, — Герр. Протекая к морю, она разделяет область кочевников и область царских скифов, впадает же в Гипакирис» (IV, 54—56).

Эти лаконичные сведения не дают достаточно ясных представлений о местоположении названных рек. Поэтому вопрос о реках Пантикап, Гипакирис и Герр долгое время был предметом оживленной дискуссии и окончательно не решен до сих пор.

Танаис, современный Дон, описан совсем кратко: «Восьмая река — Танаис, которая течет сверху, устремляясь из большого озера, впадает же в еще большее озеро, называемой Меотийским, которое разделяет царских скифов и савроматов. В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис» (IV, 57).

Таковы сведения Геродота о скифских реках. Реки послужили «отцу истории» своего рода костяком для описания Скифии.

Познакомимся теперь с характеристикой Геродотом Черноморского бассейна.

Для того, чтобы описать Понт Эвксинский, Геродот прибегает к своеобразному литературному приему — «усаживает» персидского царя Дария на мысу возле Кианей: «Сидя на мысу, он смотрел на Понт; который заслуживает внимания: ведь из всех морей оно по своей природе самое удивительное. Длина его 11 100 стадиев, ширина же в том месте, где оно шире всего, 3300 стадиев. Устье этого моря в ширину четыре стадия, длина же этого устья-пролива, названного Боспором, на нем-то и был возведен мост, доходит до 120 стадиев. Боспор же простирается до Пропонтиды. А Пропонтида, имеющая в ширину 500 стадиев, в длину 1400, вливается в Геллеспонт, имеющий в самом узком месте семь стадиев в ширину, в длину же 400. Геллеспонт же втекает в пучину моря, которое называется Эгейским.

Измерены были они следующим образом. Корабль проходит всего в течение долгого дня приблизительно 70 000 оргий, а в течение ночи 60 000 оргий. Плавание же до Фасиса от устья моря (ведь Понт здесь длиннее всего) занимает девять дней и восемь ночей. Это составляет 1 110 000 оргий, а из этих оргий получается 11 100 стадиев. Плавание из Синдики в Фемискиру на реке Фермодонте (в этом месте Понт шире всего) занимает три дня и две ночи. Это составляет 330 000 оргий, а стадиев — 3300. И этот Понт, и Боспор и Геллеспонт были мной таким образом измерены и имеют, согласно сказанному, такую

природу: к Понту примыкает и впадающее в него озеро немногим меньше его самого, которое называется Меотийским и Матерью Понта» (IV, 85—86).

Ко всем этим цифрам мы еще вернемся при анализе сведений античных авторов о Понте Эвксинском. Здесь же важно подчеркнуть, что приведенные цифры о длине и ширине моря Геродот получил сам, имея в своем распоряжении сведения о конфигурации Понта, скорости корабля и времени прохождения указанных участков пути.

Важны для нас также данные о длине и ширине Боспора Фракийского и Геллеспонта — современных проливов Босфор и Дарданеллы. Приведенные цифры не только определяют размеры проливов, но и дают возможность, как мы увидим далее, уточнить длину стадия Геродота.

Ознакомив нас со своими измерениями, Геродот продолжает рассказ: «Дарий же, когда посмотрелся на Понт, поплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл Самосец. А поглядев на Боспор, он поставил на берегу две стелы из белого камня, вырезав на одной ассирийские, а на другой греческие письмена, где перечислил все племена, какие он вел; а вел он все племена, над которыми властвовал. Войска, без морского флота, насчитывалось 700 000 вместе с конницей, кораблей же было собрано шестьсот. Впоследствии византийцы, увезя эти стелы в город, использовали их для алтаря Артемиды Ортосии, за исключением одного камня. Последний, заполненный ассирийскими письменами, был оставлен возле храма Диониса в Византии. Участок же Боспора, который Дарий соединил мостом, по моим предположениям, находится посредине между Византией и храмом при устье Боспора.

Дарий же после этого, придя в восторг от моста, одарил его строителя Мандрокла Самосца всем в десятикратном размере. Из этих наград Мандрокл посвятил начатки, написав картину, изображающую мост через Боспор на всем его протяжении и войско его во время переправы. Нарисовав это, он посвятил картину к храм Геры, сделав следующую надпись: «Наведя мост через Боспор, изобилующий рыбой, Мандрокл посвятил Гере как память о мосте, себе стяжав венец, самосцам же славу, выполнив по замыслу царя Дария». Таков был памятник в честь сооружения моста» (IV, 87—88).

Как же выглядел мост через Боспор? Геродот ничего не сообщает о нем. Но зато он довольно подробно описывает в своем труде другой мост, который позже перекинул через Геллеспонт сын Дария Ксеркс во время своего похода на

Элладу. Думаю, будет нелишним познакомиться с этими данными.

Место для строительства было выбрано в самой узости пролива Геллеспонт (совр. Дарданеллы) у города Абидоса, где ширина равна 7 стадиям. Первая попытка была неудачной. Разбушевавшаяся стихия снесла и уничтожила оба построенных моста. И разъяренный Ксеркс приказал высечь море и казнить строителей.

Строительство началось заново. Вот что рассказывает об этом Геродот: «Мосты же вновь строили другие зодчие. Построили же они таким вот образом: поставили рядом пентеконтеры и триеры; для одного моста в сторону Понта взяли 360 кораблей, а для другого — в сторону Геллеспонта 314 кораблей; первые поставили поперек течения Понта, а последние — по течению Геллеспонта, чтобы держать канаты натянутыми. Затем бросили огромные якоря на одном (верхнем) мосту на стороне Понта против ветров, дующих с Понта, а на другом мосту на стороне Эгейского моря — против западных и южных ветров. Между укрепленными на якорях пентеконтерами и триерами они оставили промежуток для прохода любых мелких судов из Понта и в Понт. После этого канаты туго натянули с земли при помощи накручивания их на деревянные ворота. Однако уже больше не ограничивались канатами только одного рода, но каждый мост связывали вместе по два каната из “белого льна” и по четыре — из волокна папируса. Толщина и прекрасная работа канатов (обоих сортов) была одинакова, но “льняные канаты” были относительно тяжелее и весили (каждый локоть) больше таланта. Когда пролив был соединен мостом, бревна распилили, выровняв длину досок по ширине понтонного моста. Затем доски уложили в порядке поверх натянутых канатов и там снова крепко привязали их к поперечным балкам. После этого принесли фашинник, разложили в порядке и засыпали землей. Потом утрамбовали землю и по обеим сторонам моста выстроили перила, чтобы вьючные животные и кони не пугались, глядя сверху на море» (VII, 36).

Так был построен мост через Геллеспонт. Примерно таким же был, надо полагать, и мост Дария через Боспор Фракийский. Правда, боспорский мост был почти вдвое короче. Но течение из Понта здесь намного сильнее. Это требовало большего опыта и старания строителей. И Мандрокл, как мы видим, отлично справился с этой задачей.

Завершая излагаемый сюжет, Геродот сообщает: «Дарий же, одарив Мандрокла, начал переправляться в Евр-

пу, приказав ионийцам плыть в Понт до реки Истр, когда же придут к Истру, ожидать его там, построив мост через реку, ибо флот вели ионийцы, эолийцы и геллеспонтийцы. И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл прямо к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстояние двух дней плавания от моря, они начали строить мост у горла реки, с которого начинается разветвление устья Истра. Дарий же, переправившись по мосту через Боспор, двинулся через Фракию» (IV, 89).

Из дальнейшего рассказа Геродота известно, что мост через Истр был построен. Дарий переправил по этому мосту свое многочисленное войско в Скифию и приказал разрушить мост. Но по совету стратега митиленцев Коя изменил свое решение и приказал ионийским тиранам охранять мост шестьдесят дней. Если же он не вернется к указанному сроку, то они могут отплыть к себе на родину (IV, 97—98).

Рассказывая о походе Дария на скифов, Геродот дает общее описание этой страны: «Перед скифской землей лежит Фракия, выступающая в море. От залива, образуемого этой землей, начинается Скифия, и здесь в нее втекает Истр, поворачивая устье навстречу юго-восточному ветру.

Начиная от Истра, я буду описывать приморскую часть самой скифской страны с целью измерения. От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра.

Ведь две стороны границ Скифии обращены к морю. Одна — к югу, другая — к востоку, как и границы аттической страны. И, подобно этой стране, тавры населяют часть Скифии, как если бы в Аттике иное племя, а не афиняне населяли Сунийское нагорье и если бы этот мыс — от дема Форикос до дема Анафлист — дальше выдавался бы в море. Я так говорю, поскольку можно сравнить малое с большим. Такова именно таврическая страна. Для того, кто не плыл мимо этой части Аттики, я поясню иначе. Как если бы другое племя, а не япиги, отрезало бы часть Япигии, начиная от Brentесийской гавани до Тарента, и населяло бы этот мыс. Приводя эти два примера, я говорю тем самым о подобных странах, на которые Таврика очень похожа и в других отношениях.

Далее — от Таврики выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, живут уже скифы к западу от

Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами.

Следовательно, у Скифии,— так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря,— равны по величине все стороны: и так, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. Ибо от Истра до Борисфена — десять дней пути, от Борисфена до Меотийского озера — другие десять: и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов,— двадцать дней пути. А однодневный путь, как я прикидываю, составляет до двести стадиев. Таким образом, длина Скифии в поперечном направлении составляет 4000 стадиев и в направлении, ведущем внутрь страны, еще столько же стадиев. Вот такова величина этой земли» (IV, 99—101).

Как мы видим, сведения Геродота о Скифии обширны и разнообразны. Его «История» — один из наиболее важных и ценных источников для изучения древней истории и географии Северного Причерноморья.

Псевдо-Скилак

Перипл, вошедший в науку как перипл Псевдо-Скилака, был составлен, как считают исследователи, не ранее последней четверти IV в. до н. э. [229, с. 26—27]. Некоторое время его автором считался Скилак Кариандский, знаменитый мореплаватель, живший в VI в. до н. э. Когда же выяснилось, что этот труд написан гораздо позднее, его стали называть периплом Псевдо-Скилака. Уверенно назвать его автора не представляется возможным.

Полное название этого произведения: «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии и сколько и какие народы в каждой; затем еще области и заливы и реки; и какова протяженность плаваний; и семь населенных островов, и у какого материка каждый лежит». Обитаемое море включает в себя: Внутреннее (Средиземное) море, Пропонтиду (Мраморное море), Понт (Черное море) и Меотиду (Азовское море).

Вполне понятно, что при описании столь обширного региона составитель перипла использовал большое количество источников, разнообразных и разновременных.

Познакомимся с описанием Псевдо-Скилаком интересующего нас региона. Текст цитируется по новейшему переводу Ф. В. Шелова-Коведяева (ВДИ, 1988, № 1—2).

В параграфе, посвященном Фракии, автор пишет: «Пространство Боспора, пока не придешь к самому Святилищу [Зевса], называется Анапл. От Святилища ширина устья Понта 7 стадиев. В Понте существуют такие греческие полисы во Фракии: Аполлония, Месембрия, Одессополис, Каллатис и река Истр. Плавание же вдоль Фракии от реки Стримона вплоть до Сеста 2 дня и 2 ночи, от Сеста до устья Понта 2 дня и 2 ночи, от устья до реки Истр 3 дня и 3 ночи. А весь вообще перипл от Фракии и реки Стримон вплоть до реки Истр 8 дней и 8 ночей» (§ 67).

В процитированном отрывке обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Плавание вдоль Фракии от реки Стримон до реки Истр по сумме промежуточных расстояний составляет 7 дней и 7 ночей, а в итоговой фразе оно определено в 8 дней и 8 ночей. Налицо — расхождение в 1 день и 1 ночь. В чем же причина?

Сопоставление этих данных со сведениями других античных авторов показывает, что здесь возможно только одно объяснение — порча в тексте, приходящаяся на участок побережья от устья Понта до реки Истра.

Псевдо-Скилак сообщает, что от устья Понта до реки Истра 3 дня и 3 ночи плавания. Далее он поясняет, что дневное плавание приравнивается к ночному и составляет 500 стадиев. Отсюда следует, что расстояние от устья Понта до реки Истра составляет 3000 стадиев.

Как мы увидим в следующей главе, другие писатели приводят иные цифры. Марк Варрон, по свидетельству Плиния, указывает от устья Понта до Аполлонии 1500 стадиев, от Аполлонии до Каллатии — 1500 стадиев, от Каллатии до устья Истра Псевдостома — 1000 стадиев, что в сумме составляет 4000 стадиев. По данным полного перипла Арриана здесь получается 3860 стадиев, краткого перипла — 3980 стадиев, а по Страбону (с частичным восстановлением недостающих звеньев по Арриану) — 4150 стадиев.

Детальные измерения, приведенные Страбоном и Аррианом, соответствуют реальному расстоянию, а незначительные расхождения между ними объясняются различиями в маршрутах мореплавателей.

Таким образом, 4000 стадиев Варрона от устья Понта до устья Истра. Псевдостома примерно соответствуют действительному расстоянию между этими точками. В при-

веденном тексте Псевдо-Скилака фигурируют только 3000 стадиев. Расхождение в 1000 стадиев слишком значительно, чтобы можно было объяснить его неточностью измерений или плаванием разными маршрутами. Это — с одной стороны. А с другой стороны — именно на 1 день и 1 ночь, или 1000 стадиев расходятся сумма промежуточных расстояний и итоговая цифра в самом перипле Псевдо-Скилака. Разумеется, это — не случайное совпадение. Причина одна — порча в тексте, в результате чего «выпали» 1 день и 1 ночь плавания. Следовательно, расстояние от устья Понта до реки Истра по Псевдо-Скилаку составляло 4 дня и 4 ночи плавания.

В итоге расхождения в расстояниях как внутри самого перипла, так и между периплом, с одной стороны, и данными Варрона, Страбона и Арриана — с другой, полностью исчезают.

Надо заметить, это далеко не единственное место, где текст рассматриваемого сочинения дошел до нас в испорченном виде. Вернемся однако к характеристике Псевдо-Скилаком побережья Понта Эвксинского.

Затем идет описание Северного Причерноморья: «СКИФИЯ. ТАВРЫ. За Фракией живут скифы, а у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий. От Истра к Бараньему лбу 3 дня и 3 ночи прямого плавания, каботажного же вдвое больше: ведь здесь существует залив. В этом заливе лежит остров, остров пустынный, имя которому Левка; это священный остров Ахилла. А от Бараньего лба в Пантикапей день и ночь плавания; от Пантикапея же к устью залива Меотиды — 20 стадиев. Говорят, что залив Меотиды — половина Понта. У прямо идущего в залив Меотиду по левую руку остаются скифы: ведь они живут за Таврикой от внешнего моря до залива Меотиды...» (§ 68).

В следующем параграфе приводятся некоторые итоговые цифры: «ПЛАВАНИЕ ВДОЛЬ ВСЕЙ ЕВРОПЫ». Идущему морем от Геракловых Столпов в Европе по заливам вдоль суши и сосчитавшему, сколько написано ночей и равные с ними дней, и где написаны стадии, [если] дневное плавание принять равным 500 стадиям, — тому плавание вдоль Европы встанет, притом что залив Меотиды будет

равен половинной части Понта, в 163 дня. Величайшие же реки в Европе — Танаис, Истр, Родна» (§ 69).

На этом описание европейского побережья завершается. В целом следует отметить, что Европа охарактеризована гораздо подробнее, чем Азия и Ливия. Приведенные сведения о Западном и Северном Причерноморье интересны и крайне важны для решения целого ряда историко-географических и источниковедческих вопросов.

Полибий

Полибий — один из наиболее известных и знаменитых древнегреческих историков. Родился он около 205 г., умер около 123 г. до н. э. Основной его труд — «Всеобщая история» в сорока книгах, в которой освещаются исторические события до 146 г. до н. э. Это обширное сочинение сохранилось, к сожалению, не полностью.

Автор дает нам довольно обширное и очень ценное описание Понта Эвксинского: «IV, 38. (1) Византийцы занимают местность, со стороны моря наиболее удобную во всей вселенной в отношении безопасности и выгод, а со стороны суши в обоих отношениях крайне невыгодную. (2) С моря они так господствуют над входом в Понт, что купеческим судам невозможно ни входить туда, ни выходить без их согласия. (3) В Понте есть много полезного для жизни другим народам, и византийцы держат все это в своих руках. (4) Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. (5) Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая...

39. (1) Море, называемое Понтом, в окружности имеет почти 22 000 стадий и два противлежащих одно другому устья — одно из Пропонтиды, другое из Меотийского озера, которое само по себе имеет в окружности 8000 стадий. (2) Вследствие впадения в сказанные бассейны многих больших рек из Азии и еще более многочисленных и многоводнейших из Европы переполняемая ими Меотида течет через устье в Понт, а Понт в Пропонтиду. (3) Устье Меотида называется Киммерийским Боспором; оно имеет в ширину около 30 стадий, а в длину 60, и на всем протяжении мелководно. (4) Подобно этому устье Понта называется

ся Фракийским Боспором... (5) Началом этого устья со стороны Пропонтиды служит расстояние между Калхедоном и Византием в 14 стадий, (6) а со стороны Понта так называемое Святое, в котором как говорят, Язон при возвращении из Колхиды впервые принес жертву двенадцати богам... (7) Бесперывное течение воды из Меотиды и Понта обуславливается двумя причинами: одна из них, непосредственная и для всех очевидная, состоит в том, что вследствие впадения многих вод в бассейны определенных размеров в них постоянно набирается все более и более влаги, (8) которая при отсутствии всякого истока должна была бы, прибывая, постоянно занимать все большее и большее пространство водосма, а при существовании истоков избыток постоянно прибывающей и увеличивающейся воды должен постоянно вытекать и уноситься через существующие устья. (9) Вторая причина состоит в том, что вследствие внесения реками после сильных дождей в названные бассейны отовсюду большого количества ила, вода, вытесняемая образующимися наносами, постоянно поднимается и уносится тем же способом через существующие истоки. (10) А так как наносы и приток воды из рек совершается непрерывно и постоянно, то изливание воды через устья должно происходить непрерывно и постоянно.

40. (4) Мы утверждаем, что Понт издревле и поныне заносится (илом), а со временем и Меотида и он будут совершенно занесены, если, конечно, в этих местах останутся те же природные условия и причины заноса будут действовать постоянно. (5) В самом деле, так как время бесконечно, а эти водные бассейны повсюду имеют свои пределы, то очевидно, что даже при ничтожных наносах они с течением времени будут совершенно наполнены... (7) Если же наносы будут совершаться не в ничтожном количестве, а в очень большом, то наше предсказание исполнится не в отдаленном будущем, а вскоре. Это, очевидно, и происходит на самом деле. (8) Занесение Меотиды представляет уже осуществившийся факт: глубина ее в наибольшей части достигает только пяти или семи оргий, почему и плавание по ней уже невозможно для больших судов без лоцмана. (9) Быв первоначально морем, слившимся с Понтом в одно, как единогласно свидетельствуют древние, она теперь представляет собой пресноводное озеро вследствие того, что морская вода вытеснена наносами и вода впадающих рек получила перевес. (10) Подобное случится и с Понтом и даже уже происходит в настоящее время, но вследствие огромной величины водоема не слишком замет-

но для большинства; однако для наблюдающих даже не особенно внимательно, это явление заметно и теперь.

41. (1) Так как Истр, протекая по Европе, впадает в Понт несколькими устьями, то перед ним на расстоянии дня пути от материка образовалась коса почти в тысячу стадий длиною из наносимого устьями ила; (2) моряки, плывущие еще по открытому морю в Понт, иногда ночью незаметно набегают на нее и разбиваются корабли; эти места моряки называют Грудями. (3) Тот факт что этот нанос образовался не у самой земли, а выдвинулся далеко в море, обуславливается, нужно думать следующею причиною: (4) пока приносимые реками воды вследствие силы своего стремления берут перевес над морскими и отталкивают их, до тех пор отодвигается и земля и все приносимое течением и не может прямо остановиться и осесть. (5) Но как только течение уничтожится вследствие глубины и обилия морской воды, тогда приносимый ил, естественно, уже останавливается и оседает книзу. (6) Вот почему наносы могучих больших рек оседают вдальеке, а места, ближайшия к материку, остаются глубокими, тогда как небольшие и тихо текущие реки образуют отмели у самых устьев...

42. Поэтому не следует удивляться тому, что столь многие и столь огромные реки, постоянно текущие, производят вышеописанные явления и могут, наконец, занести Понт... (3) Что это действительно случится, доказывается следующим явлением: насколько ныне Меотида преснее Понтийского моря, настолько же Понтийское *ясно* отличается от него. (4) Отсюда *ясно*, что когда пройдет времени во столько раз больше того, в которое произошло занесение Меотиды, во сколько один водоем больше другого, тогда и Понт сделается мелководным, пресноводным и болотистым, подобно Меотийскому озеру. (5) Впрочем нужно думать, что это случится тем скорее, чем сильнее и многочисленнее течения впадающих в него рек.

43. Мы только что сказали, что длина устья, соединяющего Понт с Пропонтидой,— сто двадцать стадий, что одним концом его со стороны Пропонтиды служит Святое, а другим со стороны Понта — промежуточное пространство у Византия. Между этими оконечностями находится на европейском берегу святилище Гермеса, на выдающейся в виде мыса скале; от Азии оно удалено стадий на пять: это и есть наиболее узкая часть прохода. Здесь-то, как рассказывают, Дарий перекинул мост через пролив, когда шел войною на скифов».

Таковы основные сведения Полибия о Понте Эвксинском. Кроме того, следует привести сообщение Полибия, дошедшие до нас благодаря Плинию Старшему (IV, 77): «Расстояние между двумя Боспорами, Фракийским и Киммерийским, по прямому направлению, по свидетельству Полибия, равно 500 милям» (XXXIV; 15,5).

Псевдо-Скимн

Перипл Псевдо-Скимна — краткое землеописание, составленное шестистопными ямбами. Имя автора неизвестно. Ранее исследователи считали, что это произведение принадлежит Скимну Хиосскому. Позже это мнение было опровергнуто. Поэтому рассматриваемое землеописание принято называть периплом Псевдо-Скимна. Написано оно, как полагает К. Мюллер, около 90 г. до н. э.

Как сообщает сам составитель перипла, он пользовался трудами своих известных предшественников — Эфора и Деметрия Каллатийского.

Здесь собраны интересные сведения, отражающие важные события истории Северного Причерноморья III—II вв. до н. э. а также более раннего времени.

Познакомимся с наиболее важными данными: «767—772. Город Истр, получивший свое название от реки. Этот город основали милетяне, когда перешло в Азию войско варваров-скифов, преследовавшее киммерийцев из Боспора.

773—784. Река Истр; она течет из западных стран и впадает в Понт пятью устьями, а другими двумя, разделившись, течет в Адриатическое море; Истр достаточно известен вплоть до страны кельтов. Он не пересыхает в течение всего лета; зимою он увеличивается от падающих дождей, а летом от снега, говорят, изливается с такой же глубиной, постоянно принимая в себя потоки тающих льдов.

785—796. В нем лежит много обширных, по слухам, островов, из которых один, лежащий между морем и устьями, не менее Родоса; он называется Сосновым от множества растущих на нем сосен. Прямо против него в море лежит остров Ахилла. На нем водится много речных птиц, а сам он представляет величественное зрелище для приезжающих. С него нельзя видеть никакой земли, хотя берег отстоит от него только на 400 стадий, как свидетельствует Деметрий.

798—803. Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит соименный реке город Тира, основанный милетянами.

804—812. При слиянии рек Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Ольвией, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества. До него 240 стадий от моря вверх по течению Борисфена.

813—819. Эта река более всех других полезна, так как доставляет много крупной рыбы, дикие плоды и пастбища для скота. Течение ее, говорят, судоходно на пространстве около сорока дней пути, но в места, лежащие выше, нет ни прохода, ни проезда вследствие снегов и льдов.

820—821. Ахиллов Бег — морской бег, очень длинный и узкий.

822—830. С этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинским городом, основанным гераклеотами и делосцами вследствие данного гераклеотам, живущим в Азии внутри Кианей, прорицания заселить вместе с делосцами и Херсонес. В эту местность Таврики, говорят некоторые, прибыла некогда Ифигения, похищенная из Авлиды.

831—834. Тавры — народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилоствляют своих богов нечестными деяниями.

835—840. Затем при самом устье Меотийского озера лежит наиболее отдаленный Пантикапей, называемый столицей Боспора. Выше этих мест лежит варварская страна Скифия, граничащая с землей необитаемой и неведомой никому из эллинов.

841—849. Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, затем пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны, а к востоку за Борисфеном так называемое Полесье заселяют скифы, за ними к северу земледельцы, потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею живет скифское племя людоедов, за ними опять пустыня.

850—859. По ту сторону Пантикапа живет племя лимнеев и многие другие племена, не названные собственными именами, а называемые вообще номадскими; они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит Эфор, и питаются молоком и скифским доением кобылиц,

живут они так, что считают имущество и весь семейный строй общим. И мудрец Анахарсис, по словам Эфора, происходил из самых благочестивых номадов.

865—873. Затем лежит получившее свое имя от меотв Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, вытекающий, по словам Гекатея Эретрийского, из реки Аракса, а по свидетельству Эфора,— какого-то озера, границу которого определить невозможно. Впадает он двумя устьями в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор.

874—885. На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части,— первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам писателя Деметрия, следует меотийское племя, называемое азаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Термодонте; по ним-то они получили название женоуправляемых.

886—889. Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская, населенная элинами, пришедшими из ближних местностей.

890—895. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), с другой — благодаря морю и озеру.

896—899. При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров-киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами.

911—916. Керасунт, колония синопейцев, перед которой тянется пустынный остров, называемый Аресовым.

953—957. Прямо напротив Карамбиса на противоположном берегу Понта лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим лбом; она отстоит от Карамбиса на сутки пути».

Таковы основные данные Псевдо-Скимна об интересующем нас регионе. При всей своей лаконичности они весьма важны для решения целого ряда проблем античной истории и географии Северного Причерноморья.

О Страбоне, авторе фундаментального труда в 17 книгах под кратким названием «География», известно также немного [82, с. 12—33]. Годы его жизни точно не определены. Родился он где-то между 68 и 58 г. до н. э., а умер где-то между 19 и 25 г. н. э. Родился и вырос Страбон в донтийском городе Амасея в обедневшей аристократической семье. Будущий писатель начал путешествовать в ранней юности, долгое время жил в Риме. Где-то после 20 г. до н. э. он завершил свой обширный труд «Исторические записки», который, к сожалению, не дошел до нас. После этого Страбон начал работать над «Географией», которую завершил в конце жизни. К счастью, она почти полностью сохранилась до наших дней и является одним из ценнейших источников, над которым уже многие десятилетия плодотворно работают историки, географы, археологи, филологи и другие специалисты.

При написании «Географии» Страбон использовал огромное количество не дошедших до нас источников. Это еще больше повышает и без того исключительную ценность его произведения. Но вместе с тем обилие использованных источников крайне затрудняет использование текста Страбона, так как часто неясно, откуда взято и каким временем датируется то или иное сообщение географа.

Источниковедческие проблемы «Географии» Страбона рассмотрены в указанной монографии Л. И. Грацианской. Поэтому я не буду касаться общих проблем использования Страбоном того или иного источника. А конкретные проблемы выявления и датировки источника будут рассматриваться при изучении каждого отдельного описания.

Текст Страбона цитируется по сборнику В. И. Латышева, а отсутствующие в нем отрывки — по отдельному изданию.

Обратимся к описанию, данному этим знаменитым античным географом интересующего нас региона.

В первой книге своего труда Страбон теоретизирует о причинах обмеления Понта Эвксинского и полемизирует со своими предшественниками: Эратосфеном, Стратоном и Гиппархом. Он пишет: «Стратон еще более входит в рассмотрение причин, говоря, что, по его мнению, Эвксин прежде не имел прохода у Византия, но что впадающие в него реки прорвали его силою своего течения и затем вода излилась в Пропонтиду и Геллеспонт... Затем он говорит, что Понт чрезвычайно мелок, а Критское, Сицилийское и Сардинское моря очень глубоки: так как в Понт течет

множество огромных рек с севера и востока, то он наполняется илом, а прочие моря остаются глубокими, что поэтому-то вода Понтийского моря очень пресна, и течение его совершается в те места, где понижается дно; по его словам, ему кажется, что с течением времени весь Понт может быть занесен илом, если сохранятся подобные течения: ведь и теперь уже имеет вид болота часть левой стороны Понта, именно Салмидесс, называемые у моряков Стефы (т. е. Груды), местности у Истра и Скифская пустыня» (I, 3, 4).

Далее Страбон продолжает: «Вообще не согласно с законами физики уподоблять море рекам; ибо реки текут по наклонному руслу, а море стоит без покатости. Пролиты имеют течение по другой причине, а не потому, что ил, наносимый из рек, возвышает морское дно. Заносы ила образуются у самых устьев рек, как например, у устьев Истра, так называемые Стефы (т. е. Груды), Скифская пустыня и Салмидесс, причем этому содействуют и другие истоки; у устьев Фасиса колхидское побережье, песчаное, низменное и топкое, у Термодонта и Ириса — вся Фемискира, равнина амазонок и большая часть Сидены; то же бывает и у других рек» (I, 3, 7).

Эти сведения крайне важны для изучения вопроса об уровне моря в античное время. Кроме того, важны упоминания об отмели Стефы, вопрос о местоположении которой до конца не решен.

Несколькими страницами ниже Страбон касается другой интересной проблемы: «Сказав, что если бы наше море раньше образования разрыва у Геракловых столпов настолько наполнилось водою, насколько говорит Эратосфен, то и вся Ливия, и большая часть Европы и Азии должны были бы раньше находиться под водой, Гиппарх прибавляет к этому, что и Понт должен был бы в некоторых местах сливаться с Адрием, так как Истр, начиная от местностей у Понта, разделяется на два рукава и течет в то и другое море вследствие положения страны. Но Истр берет начало не из припонтийских местностей, а, напротив, из гор, лежащих над Адрием, и течет не в оба моря, а только в Понт, разделяясь на два рукава только у самых устьев. Здесь он разделяет неверное представление некоторых из своих предшественников, предполагавших существование одноименной с Истром реки, отделяющейся от него и впадающей в Адрий; от нее, по их мнению, получил свое название народ истров, через страну которого она протекает, и Язон этим путем совершил обратное плавание из Колхиды» (I, 3, 15).

В предыдущей главе Страбон также кратко приводит следующие сведения: «Некоторые утверждают, что Язон со своими спутниками проплыл и вверх по Истру на большое расстояние, а другие — что даже до Адрия. Одни говорят так по незнанию местностей, а другие утверждают, что и река Истр, получая начало из большого Истра, впадает в Адрий, в этих словах нет ничего невероятного и невозможного» (I, 2, 39).

Излагаемая версия о возвращении аргонавтов по Истру в Адриатическое море, наиболее полно изложенная в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, свидетельствует, надо полагать, о существовании в древности речного пути, по которому с помощью переволоки можно было попасть из Истра в Адриатику.

Затем Страбон переходит к характеристике Понта Эвксинского: «Эгейское море и Геллеспонт изливаются к северу в другое море, которое называют Пропонтидой, и это опять в другое, именно в так называемый Эвксинский Понт. Этот последний состоит как бы из двух морей: почти посередине его выдвигаются два мыса, один — из Европы, с северной стороны, а другой, противоположный этому, — из Азии; они суживают находящийся между ними пролив и образуют два больших моря. Европейский мыс называется Бараний лоб, а азиатский — Карамбис; они отстоят друг от друга приблизительно на тысячу стадиев. Море к западу от них имеет в длину от Византия до устьев Борисфена три тысячи восемьсот стадиев, а в ширину две тысячи; в нем есть остров Белый (Левка). Восточное море имеет продолговатую форму и оканчивается узким заливом у Диоскуриады, имея в длину пять тысяч стадиев или немного больше, а в ширину — около трех тысяч. Окружность всего моря равняется приблизительно двадцати пяти тысячам стадиев. Некоторые уподобляют форму этой окружности натянутому скифскому луку, приравнивая тетиве так называемые правые части Понта (это — путь от устья до залива у Диоскуриады; ибо, за исключением Карамбиса, весь остальной берег имеет лишь небольшие углубления и выпуклости, так что подобен прямой линии), а остальной берег — рогу лука, имеющему двойной изгиб, именно верхний — более округленный и нижний более прямой; так, говорят они, и этот берег образует два залива, из коих западный гораздо круглее другого» (II, 5, 22).

Как мы видим, конфигурация бассейна охарактеризована весьма точно и красочно.

Следующий параграф, совсем маленький, Страбон посвящает Меотиде: «Выше восточного залива к северу лежит Меотийское озеро, имеющее в окружности девять тысяч стадиев или даже немного больше. Изливается оно в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт — в Пропонтиду через Боспор Фракийский...» (II, 5, 23).

Так как сведения античных авторов о Меотиде — нынешнем Азовском море — весьма немногочисленны и скудны, то каждое конкретное сообщение об этом регионе очень важно, тем более сведения об окружности Азовского моря.

После общей характеристики Понта Эвксинского и Меотиды Страбон в седьмой книге своего труда приступает к описанию Черноморского побережья. Начинается оно с реки Истр-Данувий, современный Дунай.

«Верхние части этой реки, ближайšie к истокам, вплоть до порогов, называли они Данувием (в этой части река течет главным образом через Дакию), низовые же до Понта, в области гетов, называются Истром. Даки говорят на одном языке с гетами. Эллинам геты более известны потому, что они постоянно переселяются на тот и на другой берег Истра и смешались с фракийцами и мисийцами. То же самое происходит и у трибаллов, народа фракийского племени: они тоже принуждены совершать переселения вследствие того, что соседи нападают на более слабых: одни переселялись с той стороны Истра вследствие того, что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах, или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13).

Далее Страбон сообщает: «Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время как перешел Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад. Впоследствии Лисимах, оправившись походом против гетов и царя их Дромихета, не только подвергся той же опасности, но и был захвачен в плен живым; впрочем, он, как я сказал выше, был отпущен благодаря добродушию варвара» (VII, 3, 14).

Следующий параграф посвящен описанию дельты Истра: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; заняв-

шие его бастарны получили название певкинов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое священное устье, по которому до Певки сто двадцать стадиев плавания: на нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Тире; седьмое устье отстоит от первого почти на триста стадиев. Между устьями-то и образуются упомянутые островки. Три устья, следующие за священным, невелики, а остальные — гораздо меньше священного, и больше этих трех. Эфор называют Истр пятиустьным. Отсюда до судоходной реки Тире — девятьсот стадиев. В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа» (VII, 3, 15).

Нижнему Поднестровью посвящен небольшой, но очень емкий, насыщенный важнейшей информацией отрывок: «При устье Тире находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один Никония, а другой, на левом берегу — Офиусса, жители побережья этой реки говорят, что если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город. На расстоянии 500 стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Белый (Левка), посвященный Ахиллу» (VII, 3, 16).

Так же кратко описаны и низовья Днепро-Бугского лимана: «Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекой город. Он называется также Ольвисей и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами. Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ними — язиги-сарматы, так называемые царские, и урги; все они большей частью кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его» (VII, 3, 17).

После этого Страбон характеризует суровый климат этого района (VII, 3, 18). Затем вновь продолжает описа-

ние побережья: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова бегу, месту, лишенному растительности, но называемому роцеей и посвященному Ахиллу. Затем Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров; это — узкая коса, длиной около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — два стадия, а наименьшая — четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее перешеек, имеющий около сорока стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к материка. За мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафрями. Залив этот называется также Тамиракским, соименно мысу» (VII, 3, 19).

Далее географ описывает Сиваш, который называет Гнилым озером: «Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем и снова их наполняют водою, так что эти болота непроходимы для более значительных судов. В этом заливе есть три островка, а вдоль берега — мели и немногие подводные камни» (VII, 4, 1).

Следующие два параграфа посвящены описанию Херсонеса Таврического и прилегающих к нему районов: «Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом (т. е. полуостровом) и находящийся в четырех тысячах четырехстах стадиях плавания от устья Тиря. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением (т. е. Девичьим). В святилище находится храм богини и статуя.

Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название — Херсонес.

Этот город прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, по свидетельству Аполлониды, — восемьдесят. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владелец Парисад. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. Ктенунт находится на одинаковом расстоянии от города Херсонеса и бухты Символов. Начиная от бухты Символов до города Феодосии тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Из него далеко выдается в море к югу, напротив Пафлагонии и города Амастрии, мыс, носящий название Бараньего лба. Напротив него лежит пафлагонский мыс Карамбис, разделяющий Понт Эвксинский суженным с обеих сторон проливом. Карамбис от города Херсонеса отстоит на две тысячи пятьсот стадиев, а от Бараньего лба на гораздо меньшее число их. По крайней мере многие из тех, которые проплывали этот пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря. В горной стране тавров есть также гора Трапезунт, одноименная с городом, находящимся на границах Тибарании и Колхиды. В той же горной стране есть и другая гора — Киммерий, названная так по имени киммерийцев, некогда господствовавших на Боспоре; отсюда же называется Боспором Киммерийским вся та часть пролива, которая прилегает к устью Меотиды» (VII, 4, 2—3).

В своем дальнейшем описании Страбон кратко сообщает: «За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы боспорцев, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфей. Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами» (VII, 4, 4).

Несколько подробнее автор знакомит нас с Боспором Киммерийским, современным Керченским проливом: «Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от другого на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в двадцати стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, всего около двадцати стадиев; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием. Отсюда по прямому морскому пути до Танаиса и до острова, лежащего между его устьями,— две тысячи двести стадиев; расстояние будет немного больше той цифры, если плыть вдоль берега Азии, и более чем тройное, если плыть до Танаиса по левой стороне Меотиды; на этом пути вдоль берега находится и перешеек. Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, с правой стороны не безлюден. Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев» (VII, 4, 5).

В этом отрывке, как мы видим, дано также краткое описание Азовского моря. А в одиннадцатой книге имеются более подробные сведения об этом побережье.

Сначала Страбон указывает два устья Танаиса «на расстоянии шестидесяти стадиев одно от другого» и добавляет, что «выше устьев известна лишь небольшая часть по причине холодов и скудости страны, которую могут переносить туземцы, питающиеся мясом и молоком по обычаю кочевников, а чужестранцы не выносят. Кроме того, кочевники, неохотно вступая в сношения с другими народами и отличаясь численностью и силою, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх» (XI, 2, 2).

Следующий параграф посвящен городу Танаису: «При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население; неподалеку на озере есть и другие островки» (XI, 2, 3).

Далее описывается азиатский берег Меотиды: «При плавании вдоль берега первым от Танаиса, на расстоянии восьмисот стадиев, будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, идущей на соленье. Затем на расстоянии еще восьмисот стадиев — меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров. Одни имеют... раньше островки пунктами отправления, а на малом Ромбите работают сами меоты. На всем этом побережье живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающиеномадам. Они разделяются на довольно многие племена, из которых ближайšie к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору — более мягкими нравами. От малого Ромбита шестьсот стадиев до Тирамбы и реки Антикита, затем сто двадцать стадиев до селения Киммерийского, которое служит местом отправления для плывущих по озеру. На этом побережье указывают еще несколько сторожевых башен клазоменцев» (XI, 2, 4).

В следующем параграфе читаем: «Киммерик был прежде городом, построенным на полуострове и замыкавшим перешеек ровом и валом. Киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор был на-

зван Киммерийским. Это тот народ, который делал набег на живущих внутри страны по правую сторону Понта, до Ионии. Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (XI, 2, 5).

Здесь речь идет о городе Киммерике, существовавшем на Крымском полуострове юго-западнее Боспора Киммерийского. Существование поблизости двух одноименных городов ввело Страбона в заблуждение, в результате чего упоминание азиатского Киммерика дополнено сведениями об европейском Киммерике.

Указав Киммерийское селение, Страбон продолжает: «Затем двадцать стадиев до Ахиллова селения, в котором есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Меотиды, шириною около двадцати стадиев или несколько более; на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Гераклия) и Парфений.

Отсюда девяносто стадиев до памятника Сатира; это насыпанный на мысе курган одного из царей, славно господствовавших на Боспоре.

Недалеко отсюда селение Патраэй, от которого сто тридцать стадиев до деревни Корокондамы; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора. Так называется пролив при устье Меотиды, от узкого места у Ахиллова селения и Мирмекия тянущийся до Корокондамы и лежащей против нее, в Пантикапейской земле, деревеньки по имени Акра, отделенной семидесятью стадиями водного пути. Доселе доходит и лед, так как в морозы Меотида сковывается льдом до того, что по ней ходят пешком. Весь этот пролив имеет прекрасные гавани» (XI, 2, 6—8).

Познакомив нас с Боспором Киммерийским, Страбон отдельно от пролива описывает Корокондамское озеро, современный Таманский залив. Географ, точнее его источник, в отличие от нас, не рассматривает этот залив как часть пролива. На то у него были, как мы увидим дальше, все основания.

Далее читаем: «Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно соединяется с морем. В озеро впадает один рукав Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою. Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно реке, соседней с Борисфеном.

Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и

Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для вплывающего в озеро, а прочие города — по правую, за Гипанисом в Синдике. В Синдике же недалеко от моря лежит и Горгиппия, столица синдов, и Аборака. Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо и так называется этот город); и торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как мне кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры (т. е. Обманчивой). Для объяснения происхождения этого названия богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на ее, призвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая отдельно каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом» (XI, 2, 9—10).

Затем Страбон вкратце рассказывает о народах азиатского Боспора: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве пятисот стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но его намерение не удалось, он был встречен войском аспургиан, попался живым в плен и был убит. Из всех азиатских меотов одни подчинялись владельцам торгового места на Танаисе, другие — боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них. Нередко боспорские повелители владели и землями до Танаиса, в особенности последние — Фарнак, Асандр и Полемон. Фарнак, говорят, однажды отвел даже течение Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну» (XI, 2, 11).

Здесь же мы узнаем и о народах Кавказского побережья Понта: «За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа. Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать: эллины называют их камарами. Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из язонова отряда заселили здеш-

нюю Ахею, а Гениохию — лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название. Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плаванья, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей; нередко они, в свою очередь, нападают на пиратов и захватывают камары вместе с людьми; области же, подчиненные римлянам, болес беспомощны вследствие нерадения посылаемых ими правителей.

Таков образ жизни этих народов. Они находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые, в свою очередь, подчинены тиранам или царям. Так, например, у гениохов было четыре царя, когда Митридат Евпатор во время бегства из отеческой земли на Боспор проходил через их страну. Она оказалась для него удобопроходимой, тогда как от путешествия через страну зигов он отказался вследствие ее суровости и трудностей пути и с трудом пробирался вдоль морского берега, очень часто переходя на море (т. е. на корабль), пока не достиг земли ахеян; с их помощью он окончил путь от Фасиса без малого в четыре тысячи стадиев» (XI, 2, 12—13).

Охарактеризовав обитающие здесь народы, Страбон приступает к конкретному описанию побережья: «Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдский порт и город. Затем в четырехстах — так называемые Баты, селение с гаванью, именно в том месте, где, как кажется, на юге против этого берега лежит Синопа, подобно тому, как Карамбий лежит против Бараньего лба, о чем уже сказано. За Батами Артемидор называет побережье керкетов с пристанями и селениями, на пространстве около восьмисот пятидесяти стадиев, затем побережье ахеян, на пространств

пятисот стадиев, далее берег гениохов в тысячу стадиев и, наконец, великий Питуунт, в трехстах шестидесяти стадиях до Диоскуриады. Но историки митридатových деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеян, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтейрофагов, соанов и другие мелкие народцы у Кавказа. Сначала побережье, как я сказал, тянется к востоку и обращено лицом к югу, а начиная от Бат, постепенно делает поворот, затем лицевой стороной обращается на запад и оканчивается у Питуунта и Диоскуриады, ибо эти местности Колхиды примыкают к названному побережью. За Диоскуриадой идет остальное побережье Колхиды и смежный с нею Трапезунт, делая значительный изгиб; затем берег вытянут почти по прямой линии, образующей правую сторону Понта, обращенную к северу. Все побережье ахеян и остальных народов до Диоскуриады и до местностей, находящихся прямо к югу внутри материка, лежит под Кавказом...

Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Эвксина и пределом плавания. Пословичное выражение "на Фасис, где судам последний бег" нужно понимать в том смысле, что составитель ямбического стиха разумеет здесь не реку и не одноименный с нею город, лежащий при реке, но часть Колхиды, так как от реки и от города остается не менее шестисот стадиев прямого морского пути до угла Эвксина» (XI, 2, 14, 16).

А в следующем параграфе автор кратко отмечает: «При Фасисе лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собой с одной стороны реку, с другой — озеро, с третьей — море» (XI, 2, 17).

Таковы основные географические сведения Страбона о Северном Причерноморье и прилегающих к нему районах. Для того чтобы иметь полное представление о всем периметре Понта Эвксинского, кратко познакомимся с описанием Страбоном южного и западного побережья.

По его данным, город Гераклея «находится приблизительно в 1500 стадиях от халкедонского святилища и в 500 — от Сангария» (XII, 3, 7). А город Синопа «находится в 3500 стадиях от халкедонского святилища, от Гераклеи — в 2000 и от Карамбиса — в 700 стадиях» (XII, 3, 11). Затем указан «значительный город Амис приблизительно в 900 стадиях от Синопы» (XII, 3, 14), «город Трапезунт, морской путь до которого из Амиса составляет 2200 стадий. Затем отсюда до Фасиса около 1400 стадий,

так что общее расстояние от халкедонского святилища до Фасиса составляет приблизительно 8000 стадий, может быть, несколько больше или меньше» (XII, 3, 17).

По Западному Причерноморью Страбон приводит следующие расстояния: «Итак если идти от Священного устья Истра, держась неизменно правой стороны, вдоль побережья материка, то в 500 стадиях будет городок Истр, основанный милетцами; затем в 250 стадиях от него — другой городок Тома, потом город Каллатий в 280 стадиях, колония гераклейцев; далее — Аполлония в 1300 стадиях, колония милетцев... От Аполлонии до Кианеев опять около 1500 стадий... Кианеи — это островки, лежащие при входе в Понт; один из них ближе к Европе, а другой — к Азии. Они отделены проливом почти в 20 стадий. На таком же расстоянии они находятся от святилища византийцев и от святилища халкедонцев. Это — самая узкая часть устья Понта Эвксинского. Действительно, если проплыть 10 стадий, мы встретим мыс, образующий пролив в 5 стадий шириной; затем все больше расширяется и начинается Пропонтида» (VII, 6, 1).

Мы познакомились пока только с основными сведениями Страбона об интересующем нас регионе. Многие из процитированных отрывков, конечно же, требуют более подробного рассмотрения. Но это — задача специального исследования.

Помпони́й Мела

О жизни и творчестве Помпония Мелы почти ничего не известно. Его небольшое произведение под названием «Землеописание» было написано, видимо, около 44 г. н. э.

При описании Северного Причерноморья он широко пользовался трудами своих предшественников. И нарисованная им этногеографическая картина получилась довольно близкой к геродотовой. Кроме того, здесь использованы труды римских историков и географов. Поэтому при использовании труда Мелы одна из первых задач, стоящих перед исследователем, связана с датировкой того или иного отрывка. В целом же «Землеописание» представляет собой важный источник для изучения античной географии рассматриваемого региона.

В самом начале своего сочинения Мела характеризует средиземноморский бассейн как единое море. Он коротко и ясно сформулировал ранние представления древнегреческих географов в этом регионе. Автор пишет: «Наше море

в своем различии имеет в разных местах разные названия: где оно сужается впервые, там называется Геллеспонтон, где расширяется, — Пропонтидой, где снова сужается, — Фракийским Босфором, где снова разливается, — Понтом Эвксинским, где соединяется с болотом, — Босфором Киммерийским, а само болото — Меотидой. Этим морем и двумя славными реками, Танаисом и Нилом, вселенная делится на три части» (I, 1, 7).

В конце первой книги автор приступает к описанию интересующего нас региона. После упоминания Трапезунта он пишет: «Далее — то место, где оканчивается идущая от Босфора береговая линия и поднимающийся оттуда изгиб противоположного берега образует самый узкий угол Понта. Здесь живут колхи, сюда изливается река Фасис, здесь находится соименный реке город, колонизованный Фемистагором Милетским, здесь храм и роща Фрикса, прославленная древним сказанием о золотом руне» (I, 108).

После краткой характеристики кавказских племен читаем: «(111) В земле гениохов основана Диоскуриада Кастором и Поллуксом, прибывшими в Понт с Язоном, а в земле синдонов самими жителями основан город Синд. (112) Затем выступает к Босфору между Понтом и Болотом косая и неширокая полоса земли, которой река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает вид почти острова. Там лежат четыре города: Гермонасса, Келы, Фанагорейя и у самого устья Киммерий. (113) Этим устьем вступают в широко и далеко разлившееся озеро; оно со стороны суши окружено извилистым берегом, а где ближе к морю — как бы обведено окраиной, кроме того места, где открыто, и по величине почти равно Понту. (114) Побережье, идущее изгибом от Босфора до Танаиса, заселяют меотики, фаты, сирахи, фикоры и, ближе всего к устью реки, иксаматы».

Вторая книга «Землеописания» посвящена уже Скифии: «(2) Первыми из людей живут здесь скифы, а из скифов аримасы, у которых, говорят, только по одному глазу; за ними живут эсседоны до самой Меотиды. Изгиб ее пересекает река Буксес, живут здесь агафирсы и савроматы, называемые амаксобиями, потому что вместо домов им служат повозки. Затем косая полоса земли, спускающаяся к Босфору, ограничивается Понтом и Меотидой. (3) Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сатархи, со стороны Босфора лежат киммерийские города Мурмекий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий, со стороны Эвксинского моря живут таврики. Выше них залив с удобными гаванями,

называемый поэтому Прекрасной Гаванью, ограничивается двумя мысами: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараньим лбом, другой — Парфением. Вблизи лежит город Херронес, основанный, по преданию, Дианой и славящийся особенно нимфейской пещерой, которая посвящена в его кремле.

(4) Затем море подходит к берегу и на расстоянии пяти тысяч шагов от Меотиды, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает почти вид острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками — Герром и Ипакаром, которые изливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах: Герр течет между базилидами и номадами, а Ипакар — по земле номадов. (5) Затем идут самые огромные в этих местностях леса и река Пантикап, отделяющая номадов от пахарей. Затем выступающая длинная полоса земли соединяется с берегом узким перешейком, потом на большом пространстве понемногу умеренно сужается и, собирая свои длинные бока как бы в виде острия, прилежит в виде лежащего меча. Существует предание, что Ахилл, вступивший в Понтийское море с враждебным флотом, праздновал там свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнял в беге себя и своих. Поэтому эта коса названа Ахилловым Бегом. (6) Затем омывает владения одноименного племени река Борисфен, красивейшая из рек Скифии; течение ее отличается чрезвычайной чистотой, тогда как прочие реки мутны, она спокойнее других, и вода ее чрезвычайно приятна на вкус. По берегам ее лежат роскошнейшие луга, а в ней водятся большие рыбы, отличающиеся превосходным вкусом и отсутствием костей. Она течет издалека и, взявшись из неизвестных источников, пролагает русло на сорок дней пути; будучи судоходной на таком расстоянии, она изливается в море у греческих городов Борисфениды и Ольвии.

(7) Владения каллипидов омывает Гипанис. Он берет начало из большого озера, которое туземцы называют его матерью, и долго течет таким же, каким получил начало; только недалеко от моря он принимает из небольшого источника, называемого Эксампеем, столь горькую воду, что и сам течет отсюда непохожим на себя и не пресным. Ближе всех к нему течет Асиак между каллипидами и асиаками. Последних отделяет от истрийцев река Тира; она берет начало в земле невров, а при устье касается одноименного

с ней города. (8) Та река, которая отделяет скифские народы от следующих, берет начало в Германии и в верхнем течении носит иное название, нежели в нижнем: на огромном протяжении среди многочисленных племен она долго называется Данувием, затем становится Истром — как называют ее иначе прибрежные жители, и, приняв с себя несколько притоков, делается огромной рекой, так что из рек, впадающих в наше море, уступает только Нилу и изливается в море столькими же устьями, сколькими Нил, но из них три мелки, а остальные судоходны».

Таковы лаконичные, но весьма ценные сведения Помпония Мелы о Северном Причерноморье и прилегающих к нему районах.

Плиний Старший

Гай Плиний Секунд Старший — известный римский ученый, писатель, видный государственный деятель. Родился он в 23/24 г. н. э. в небольшом провинциальном городе Новый Комум. В юности уехал в Рим. В молодые годы служил в армии. На государственной службе занимал ряд крупных должностей. В последние годы жизни был префектом флота в Мизене, где находилась одна из главных стоянок римского флота.

Все свободное от службы время Плиний Старший отдавал научным и литературным занятиям. Но время оказалось безжалостно к трудам писателя. До нас дошло лишь одно его произведение — «Естественная история», капитальный энциклопедический труд в 37 книгах, который был опубликован в 77 г. Исследователи предполагают, что автор продолжал работать над своим детищем до самой смерти и что полную публикацию завершил его племянник Плиний Младший.

Плиний Старший погиб 25 августа 79 г. при извержении вулкана Везувий. Погиб как настоящий ученый, подойдя слишком близко к разбушевавшемуся вулкану, чтобы как можно полнее описать это необычное явление.

«Естественная история» — один из ценнейших источников для изучения античной истории и географии Причерноморья. В монографии М. В. Скржинской достаточно полно дана общая характеристика этого произведения, рассмотрены сведения о Северном Причерноморье и приложен новейший перевод этих отрывков. Текст Плиния Старшего цитируется по этому изданию, а некоторые отрывки об Южном Причерноморье — по сборнику В. В. Латышева.

Что же рассказывает античный писатель об интересующем нас регионе? Обратимся к тексту.

Вторая и третья книги «Естественной истории» Плиния содержат сведения общегеографического характера. Некоторые отрывки из них представляют для нас конкретный интерес: сначала идут сведения о длине обитаемой части Земли: «Наша часть Земли, о которой я упоминаю, словно плавающая, как было уже сказано, в окружающем ее океане, далеко простирается с востока на запад, то есть от Индии до Столпов, посвященных Гераклу в Гадах: согласно Артемидору, на 8568 миль, согласно Исидору, 9818 миль...» (II, 242). Этот отрывок важен для нас не только конкретными измерениями, но и тем, что здесь указаны источники — Артемидор и Исидор.

В этом же плане особый интерес представляет и другой отрывок: «Ширина же Земли с юга на север приблизительно на половину меньше. По Исидору, она составляет 5462 мили, откуда ясно, сколько с одной стороны отобраз жар, а с другой — холод... Названное измерение идет от берега Эфиопского океана, где только он обитаем, к Мерое — 625 миль, затем к Александрии — 250 миль, Родосу — 384 мили, Книду — 86,5 мили, Косу — 25 миль, Самосу — 100 миль, Хиосу — 94 мили, Митилене — 65 миль, Тенедосу — 119 миль, мысу Сигей — 12,5 мили, устью Понта — 312,5 мили, мысу Карамбию — 350 миль, устью Меотиды — 312,5 мили¹, устью Танаиса — 275 миль, каковое расстояние может быть короче на 79 миль, если сократить путь прямо по морю» (II, 245).

Эти сведения, как мы увидим далее, дадут возможность решить важные источниковедческие вопросы.

В IV книге своего обширного труда Плиний дает общее описание Понта Эвксинского и приводит различные данные об его окружности:

«75. Четвертый из больших заливов Европы, начинаясь от Геллеспонта, оканчивается устьем Меотиды. Следует, однако, вкратце описать форму всего Понта, чтобы легче изучить отдельные его части. Лежащее перед Азией и отделенное от Европы вытянутым берегом Херсонеса, это огромное море прорывается среди земель узким проливом, отделяя Европу от Азии промежутком, как уже было ска-

¹ В сборнике В. В. Латышева от мыса Карамбис до устья Меотиды вместо 312,5 мили указано 266 миль и отсутствует дальнейшее измерение до устья Танаиса. Причина, вероятно, в использовании другого издания рукописи Плиния. Как мы увидим далее, цифра 312,5 мили подтверждается другим источником, соответствует действительному расстоянию от мыса Карамбис до устья Меотиды и не вызывает никаких сомнений.

зано, в 7 стадий. Первое сужение называется Геллеспонтом. Здесь персидский царь Ксеркс перевел войско, настелив мост на кораблях. Затем узкий Эврип тянется на 86 миль до Приапа, города Азии, где совершил переправу Александр Великий. Отсюда водное пространство расширяется и снова сужается в теснину.

76. Широкая часть называется Пропонтидой, а узкая — Фракийским Боспором, ширина которого полмили. в каковом месте Дарий, отец Ксеркса, перевел войско через мост. Вся длина от Геллеспонта составляет 239 миль.

Затем обширное море Понт Эвксинский, который некогда назывался Аксенским, охватывает далеко расходящиеся земли, и, заворачивая назад большим изгибом берегов, эти земли растягивают его в обе стороны в виде рогов так, что прямо получается форма скифского лука. Посередине изгиба Понт соединяется с устьем Меотийского озера. Это устье шириной в 2,5 мили называется Киммерийским Боспором.

77. Между двумя Боспорами, Фракийским и Киммерийским, согласно Полибию, по прямому пути 500 миль. Окружность же всего Понта, по утверждению Варрона и почти всех древних писателей, составляет 2150 миль¹. Корнелий Непот прибавляет 350 миль, а Артемидор дает 2919, Агриппа — 2560 миль², Муциан — 2425 миль. Подобным образом одни определяют меру европейской стороны Понта в 1479 миль³, другие — в 1100 миль.

78. Марк Варрон измеряет таким образом: от устья Понта до Аполлонии 187,5 мили, столько же до Каллатии, до устья Истра — 125 миль, до Борисфена — 250 миль, до Херсонеса, города гераклейцев, — 375 миль, до Пантикапея, который некоторые называют Боспором и который является последним городом на Европейском берегу Понта, 212,5 мили, что в сумме составляет 1337,5 мили. Агриппа считает от Византия до реки Истр 560 миль, оттуда до Пантикапея 638 миль⁴. Одни говорят, что само Меотийское озеро, принимающее реку Танаис, которая стекает с Рипейских гор и является крайней границей между Европой и Азией, простирается в окружности на 1406 миль, другое — на 1125 миль. Известно, что по прямому пути от его устья до устья Танаиса 275 миль⁵.

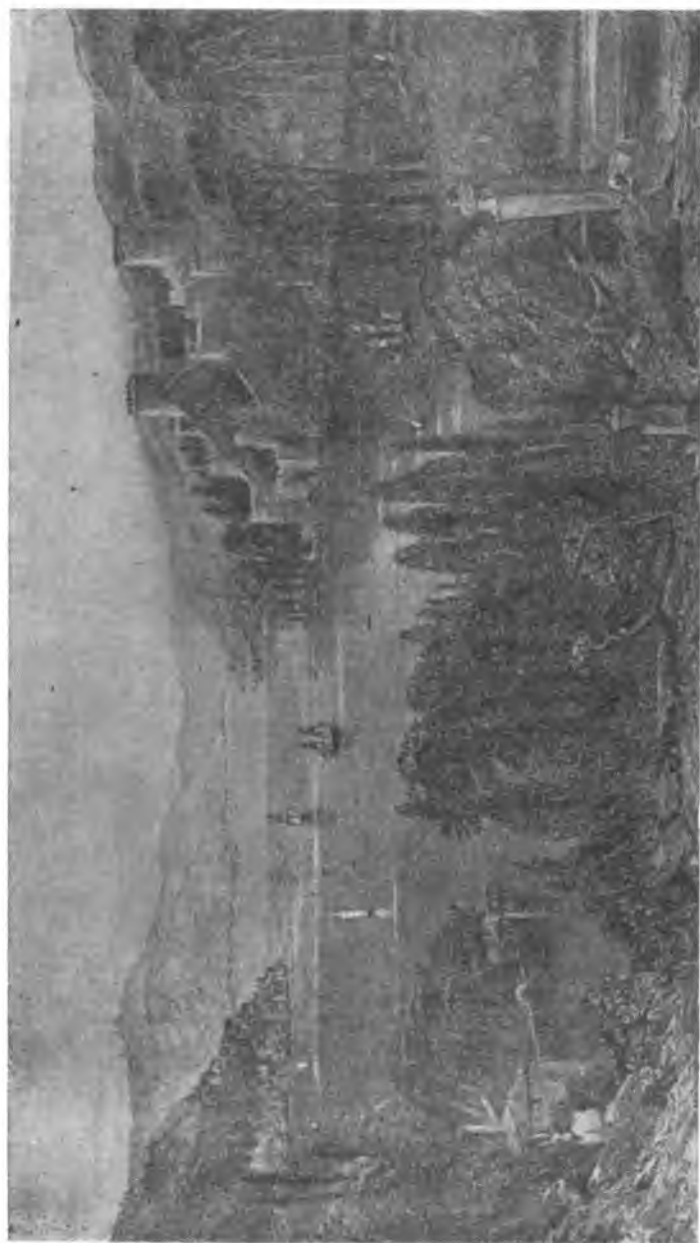
¹ В сборнике В. В. Латышева — 2000 миль.

² В сборнике В. В. Латышева — 2360 миль.

³ В отдельном издании В. В. Латышева — также 1479 миль, а в ВДИ (1949, № 2, с. 277) вследствие опечатки указано 1470 миль.

⁴ В сборнике В. В. Латышева — 635 миль.

⁵ В сборнике В. В. Латышева — 375 миль.

Далее следует конкретное описание Черноморского побережья. Начинается оно с довольно подробного ознакомления с дельтой Истра: «Истоки его в Германии, в горной цепи Абновы, против галльского города Раврика: много миль, именуясь Данувием, он протекает среди бесчисленных народов по ту сторону Альп, пополняясь огромным количеством вод; как только он приближается к Иллирику, получает название Истр; в него впадает 60 рек, причем почти половина из них судоходные; в Понт он впадает шестью обширными рукавами. Первое устье Певкийское, сразу за ним находится и сам остров Певка, а на нем ближайшее русло, именуемое Священным, через 19 миль поглощается большим болотом. Из того же русла выше Истрополя образуется озеро окружностью в 63 мили; его называют Гальмирида. Второе устье Истра именуется Наракустома, третье — Калонстома близ Сарматского острова, четвертое — Псевдостома, затем остров Конопон Диабасис, затем устья Бористостома и Псилонстома. Все эти рукава, каждый в отдельности, настолько велики, что, как передают, они преодолевают море и на расстояние 40 миль и там чувствуется пресная струя» (IV, 79).

Следующие два параграфа посвящены характеристике скифских и других племен, обитавших к северу от Истра. Затем продолжается описание Черноморского побережья: «82. За Истром же находятся города Кремниски, Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса; обширный остров на этой же реке населяют тирагеты; он отстоит от Псевдостомы, устья Истра, на 130 миль. Далее живут аксиаки, носящие то же название, что и река, за ними кробигги, река Рода, Саггарийский залив, гавань Ордес, а в 120 милях от Тиры река Борисфен, а также имеющие то же самое название озеро, племя и город, отстоящий от моря на 15 миль, в древности носивший имя Ольвиополис и Милитополис.

83. Назад по берегу — Ахейская гавань, затем Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом; длина его, как сообщает Агриппа, 80 миль. Все это пространство занимают скифы-сарды и сираки. Затем лесная область, которая дала название «Гилейское» примыкающему к ней морю; ее жители называются энкадии. Далее река Пантикап, которая разграничивает племена номадов и георгов, потом — Аке-

син. Некоторые авторы передают, что Пантикап сливается с Борисфеном ниже Ольвии, более же точные утверждают, что с Борисфеном сливается Гипанис; первые впадают в такую ошибку потому, что относят Гипанис к Азии.

84. Омывая огромные пространства, где обитает многие народы, море идет большим заливом, не достигая 5 миль до Меотиды. Этот залив называется Каркинитский; река Пакирис, города Навар, Каркина, а позади них озеро Бук, через ров втекающее в море. Само озеро Бук отделяется от Корета, залива Меотийского озера, скалистым хребтом. Оно принимает реки Бук, Герр, Гипанис, впадающие в него с разных сторон. Герр ведь разделяет базилидов и номадов, а Гипанис течет по землям номадов и гилеев в Бук через искусственное русло, а через естественное — в Корет. Эта область называется Скифия Синдика.

85. А от Каркинита начинается Таврика, некогда окруженная морем и сама бывшая морем в тех местах, где теперь лежат равнины. Затем она вздымается большими горными хребтами, в них — 30 народов, из которых 23 внутри этой области, и 6 городов: Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды. Самый хребет занимают скифотавры. С запада их ограничивает Новый Херронес, а с востока скифы-сатарки. На побережье, начиная от Каркины, расположены города: на самом перешейке полуострова Тафры, затем Гераклея Херронес, которому римляне даровали свободу (прежде его называли Мегарика); обнесенный стеной протяженностью в 5 миль, он отличается особенным блеском среди прочих городов всей этой области, потому что в нем сохраняются греческие обычаи.

86. Далее — мыс Партений, город тавров Плакия, порт Симболум, мыс Криу Метопон, находящийся против мыса Карамбий на азиатском берегу и выдвигающийся в середину Эвксинского Понта (расстояние между мысами 170 миль), что главным образом и придает морю форму скифского лука. За этим мысом лежат многие гавани тавров и озера, город Феодосия в 125 милях от Криу Метопона, а от Херронеса в 165 милях. Далее были некогда города Киты, Зефирий, Акры, Нимфей и Дия.

87. Остается назвать милетский Пантикапей, самый мощный город у входа в Боспор; он отстоит от Феодосии на 87,5 мили¹, а от города Киммерия, расположенного на

¹ В издании текста М. В. Скржинской вследствие опечатки стоит 77,5 мили [228, с. 97], а в таблице расстояний напечатано правильно — 87,5 мили [228, с. 76]. В сборнике В. В. Латышева дана правильная

другой стороне пролива, как мы уже говорили, на 2,5 мили. Такое пространство отделяет здесь Азию от Европы, и оно часто доступно для перехода пешком, когда замерзает пролив. Длина Боспора Киммерийского 12,5 мили; на нем расположены города Гермисий, Мирмекий, в самом проливе — остров Алопека. По Меотиде от конца перешейка, каковое место называется Тафры, до устья Боспора расстояние составляет 260 миль».

На этом описание европейского побережья Понта Эвксинского завершается. Несколько последующих параграфов посвящены характеристике племен, населявших земли к северу от побережья.

Затем Плиний знакомит нас с понтийскими островами: «В Понте на расстоянии 14 миль от его устья и 15 миль от Европы есть два острова, которые одни называют Кианеи, другие — Симплегады. Согласно легендам они сталкивались друг с другом, так как, отделенные малым расстоянием один от другого, они для входящих прямо навстречу им представлялись двумя островами, но стоило немного изменить угол зрения, они выглядели сошедшими в один остров. Не доходя до Истра, в 80 милях от Боспора Фракийского, остров аполлониатов, откуда Марк Лукулл привез капитолийского Аполлона. О том, какие острова находятся между устьями Истра, мы уже сказали.

Перед Борисфеном есть указанный остров Ахилла, который называют еще Левка и Макарон. Этот остров, по современным показаниям, лежит в 140 милях от Борисфена, 120 милях от Тиры и 50 милях от острова Певка. Окружность его около 10 миль. Остальные острова — в Каркинитском заливе: Кефалоннес, Сподуса и Макра» (IV, 92—93).

Этим исчерпываются интересующие нас сведения IV книги «Естественной истории» Плиния Старшего.

В VI книге этого произведения дается описание азиатского побережья Понта Эвксинского. Сначала в несколько лирической форме характеризуется весь бассейн в целом. Затем приводятся кое-какие расстояния: «Некоторые дают измерение Понта от Боспора до Меотийского озера в 1438,5 мили, а Эратосфен на 100 миль меньше. Агриппа считает от Калхадона до Фасиса 1000 миль, а оттуда до

цифра — 87,5 мили [147, т. 2, вып. 1, 1904, с. 174; ВДИ, 1949, № 2, с. 282]. Указанные 87,5 мили составляют 700 стадиев (подробно о соотношении миль и стадия см. далее). Арриан в кратком (§ 30) и полном перипле (§ 76—77) указывает именно 700 стадиев (110 км), что вполне соответствует расстоянию между Феодосией и Пантикапеем.

Боспора Киммерийского 360 миль. Мы вообще даем размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (VI, 3).

Опуская описание Южного и Восточного Причерноморья, познакомимся с данными о Боспоре Киммерийском и прилегающих к нему районах: «17. А на берегу близ керкетов река Икар, аки с городом Гиер и рекой в 136 милях от Гераклея, затем мыс Круны, дальше которого крутую возвышенность занимают тореты, Синдское государство на расстоянии 67,5 мили от Гиера и река Сехерий. Оттуда до входа в Киммерийский Боспор 88,5 мили.

18. Длина самого полуострова, выступающего между Понтом и Меотийским озером, не более 67,5 мили, а ширина нигде не меньше двух югеров, его называют Эоном. Оба берега Боспора как с азиатской, так и с европейской стороны изгибаются к Меотиде. Города при входе в Боспор: сначала Гермонасса, затем милетские Кепы, потом Стратоклия, Фанагория, и почти покинутый Апатур, а последний — в устье пролива — Киммерий, который прежде назывался Керберий. Затем Меотийское озеро, описанное в разделе о Европе.

19. Начиная от Киммерия, у Меотийского озера живут меотики: галисерны, серреи, скизы, гниссы; затем у Танаиса, который при впадении образует два устья, живут сарматы, происходящие, как говорят, от мидян, сами же они разделяются на многие племена...

20. Сам Танаис скифы называют Силис, Меотиду — Темарунда, что означает «мать моря». В устье Танаиса есть город. Окрестными землями вначале владели карийцы, затем клазоменцы и меоны, а впоследствии — пантикапейцы».

Таковы основные историко-географические сведения Плиния об интересующем нас регионе.

Как мы видим, Плиний дает сравнительно подробное описание побережья, приводит много новых данных об измерении расстояний, что особенно важно в источниковедческом плане.

Арриан

«Перипл Понта Эвксинского», составленный Флавием Аррианом во II в. н. э. на основе более ранних источников, — один из наиболее интересных и важных источников по рассматриваемой теме. В 134 г. Арриан совершил плавание от Трапезунта (совр. Трабзон) до Диоскуриады — Севастопо-

лиса (совр. Сухуми) с инспекционной проверкой римских гарнизонов как правитель Каппадокии, одной из провинций Римской империи на южном побережье Черного моря. Результатом этого плавания стал отчет императору Адриану, составленный в виде перипла Черного моря (слово «перипл» в переводе с древнегреческого означает «плавание вокруг»). Основным источником для описания Черноморского побережья послужил, как выяснилось, перипл неизвестного автора конца IV — начала III в. до н. э.

Арриан довольно детально описывает побережье Понта Эвксинского, указывает все более или менее крупные города, гавани, якорные стоянки, устья рек, расстояния между ними, приводит другие необходимые мореплавателю сведения.

Познакомимся с периплом Арриана, начиная с Восточного Причерноморья.

Указав Апсар, первый на территории нашей страны пункт, автор продолжает: «Отплыв от Апсара, мы ночью миновали Акампис, отстоящий на пятнадцать стадиев от Апсара. От него отстоит на семьдесят пять стадиев река Глубокая; от Глубокой — на девяносто стадиев Акинас, и на девяносто же стадиев от Акинаса — Исис. Из этих рек судоходны Акинас и Исис; с них по утрам дуют сильные ветры. За Исисом мы миновали Могр; между Могром и Исисом — девяносто стадиев; эта река также судоходна» (§ 9).

Далее следует довольно подробное описание реки Фасис: «Отсюда мы приплыли к реке Фасису, отстоящей от Могра на девяносто стадиев и из всех известных мне рек имеющей самую легкую воду и притом необыкновенного цвета. В легкости ее можно убедиться посредством взвешивания, а еще проще из того факта, что она плавает поверх морской воды, не смешиваясь с ней, подобно тому, как, по словам Гомера, Титаресий “сверху Пенея течет наподобие еля”. Можно было, погрузив сосуд в верхний слой воды, зачерпнуть пресной, а если опускали сосуд в глубину, то соленой. Впрочем, весь Понт имеет воду более пресную, чем внешнее море, и причиной этого являются впадающие в него реки, неизмеримые по численности и по величине. Доказательством ее пресного вкуса, если только нужны доказательства для того, что воспринимается чувством, — служит то обстоятельство, что приморские жители водят весь свой скот на водопой к морю, и он пьет с очевидным удовольствием; говорят даже, что это питье для него полезнее пресного. По цвету вода Фасиса кажется окрашен-

ной свинцом или оловом, но, устоявшись, она делается очень чистой. Поэтому у вплывающих в Фасис нет обыкновения возить с собой воду, но, как только вступят уже в его русло, отдается приказание вылить всю воду, какая только есть на судах; в противном случае, по существующему преданию, для неисполнивших этого плавание бывает неблагоприятно. Вода Фасиса не гниет и остается неиспорченной даже более десяти лет, разве только делается еще преснее.

При входе в Фасис слева¹ стоит статуя фасианской богини; судя по внешнему виду, эта богиня скорее всего Рея: в руках она держит кимвал, у подножия ее сидища находятся львы и сама она сидит так же, как фидиева Рея в Афинах в храме Матери. Здесь же показывают якорь корабля Арго: железный не показался мне древним, хотя по величине он и не похож на нынешние якоря и имеет несколько отличную форму, но тем не менее он показался мне относящимся к более позднему времени; но здесь показывали старинные обломки какого-то другого каменного якоря, так что скорее можно эти последние принять за остатки от якоря корабля Арго. Никаких других памятников мифов о Язоне здесь не было» (§ 10—11).

Эти строки, а также дальнейшее описание Фасиса и Диоскуриады—Севастополя — важное свидетельство одного из немногих античных авторов, который лично побывал на Черноморском побережье и описал его на основе собственных наблюдений и впечатлений.

Описание устья Фасиса крайне важно для палеогеографической реконструкции этого района и поисков города Фасиса.

Затем Арриан знакомит нас с самим городом Фасисом: «Самая же крепость, где помещаются четыреста отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней построены военные машины, одним словом, она снабжена всем необходи-

¹ П. И. Прозоров в сборнике В. В. Латышева перевел это место неточно: «При входе в Фасис на левом берегу стоит статуя фасианской богини» Арриан указывает статую не на левом берегу, а слева (*ἐν ἀριστερᾷ*) от мореплавателя, входящего в устье реки. Слово «берег» в тексте вообще отсутствует.

мым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону. А так как и сама гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки, который окружит гавань и дома, стоящие вне стены (§ 12).

Отрезок пути от Фасиса до Диоскуриады описан очень кратко: «Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариент, расстояние между ними девяносто стадиев; от Хариента, проплыв еще девяносто стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и стали на якорю. А почему мы остановились и что здесь сделали, это объяснит тебе латинское письмо. После Хоба мы миновали судоходную реку Сингам; она отстоит от Хоба не более, чем на двести десять стадиев. За Сингамом следует река Тарсур; между ними сто двадцать стадиев. Река Гипп отстоит от Тарсура на сто пятьдесят стадиев а от Гиппа — река Астелеф на тридцать стадиев» (§ 13).

Весьма лаконичны и сведения о Диоскуриаде: «Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Севастополь, двинувшись от Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. От Хоба до Севастополя шестьсот тридцать стадиев, а от Трапезунта до Севастополя две тысячи двести шестьдесят. Севастополь прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета» (§ 14).

После этого Арриан вкратце перечисляет народы, обитающие между Трапезунтом и Диоскуриадой. Это — колхи, дрилы, санны, макроны, гениохи, зидриты, лазы, апсилы, абаски, саниги (§ 15).

Следующий параграф посвящен географическим наблюдениям автора перипла: «До Апсара мы плыли на восток по правой стороне Эвксина, Апсар же показался мне крайним пределом Понта, так как отсюда мы держали путь уже на север вплоть до реки Хоба и за Хобом до Сингама. От Сингама мы повернули на левую сторону Понта до реки Гиппа. На пути от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельтическим Альпам; нам показывали одну вершину Кавказа — имя вершины Стро-

бил, на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса» (§ 16).

На этом завершается первая часть перипла, посвященная описанию побережья от Трапезунта до Диоскуриады, участка, который Арриан проплыл лично. Остальное побережье знакомо ему по письменным источникам.

Вторая часть перипла охватывает участок от устья Понта до Трапезунта (§ 17—24).

Третья, заключительная и наиболее важная для нас часть перипла знакомит читателя с побережьем от Диоскуриады до Боспора Фракийского.

Сначала Арриан подводит итоги измерений предыдущего участка пути, того, который проплыл сам: «Расстояния от Трапезунта до Диоскуриады, измеренные по рекам, приведены выше. Сумма расстояний от Трапезунта до Диоскуриады, ныне называемой Севастополем, составляет две тысячи двести шестьдесят стадиев» (§ 25).

Затем правитель Каппадокии говорит об обстоятельстве, благодаря которому, собственно говоря, и был создан рассматриваемый перипл: «Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт. Но когда я услышал о смерти Котиса, царя Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе (Адриану. — М. А.) и путь до Боспора, для того, чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумать на основании точного знакомства с этим путем» (§ 26).

Вот этот путь: «27. Итак, если двинуться от Диоскуриады, первая стоянка будет в Пителинте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени. От Нитики до реки Абаска девяносто стадиев, Боргис отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса — шестьдесят стадиев Несис, где выдается Гераклов мыс. От Несиса до Масаитики девяносто стадиев, отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов от санигов. Царем у зилхов Стахемфак, также получивший власть от тебя.

28. От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклова мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики; отсюда сто пятьдесят стадиев до Старой Ахеи, а отсюда до гавани Пагр триста

пятьдесят: от гавани Пагр сто восемьдесят стадиев до Святого порта, а отсюда до Синдики триста.

29. От Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея пятьсот сорок стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до реки Танаиса, которая, как говорят, отделяет Европу от Азии. Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Эвксинского Понта». Впрочем, Эсхил в «Освобожденном Прометее» границей Азии и Европы делает Фасис. По крайней мере у него титаны с такими словами обращаются к Прометею:

Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия
Твои и на страданья от оков.

Затем перечисляют, какие страны они прошли:

И двойную земли Европейской
И Азии великую границу Фасис.

И тут же Арриан переходит к описанию Европейского побережья Понта: «30. Говорят, что объезд кругом Меотийского озера составляет около девяти тысяч стадиев. От Пантикапея до местечка Казека, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев; отсюда двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосия; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифо-тавров, а отсюда до Лампады в Таврической земле шестьсот стадиев. От Лампады до порта Символа, также таврического, пятьсот двадцать стадиев. Отсюда сто восемьдесят стадиев до Херсонеса Таврической земли; от Херсонеса до Керкинитиды — шестьсот стадиев, а от Керкинитиды до Прекрасной Гавани, также скифской, еще семьсот.

31. От Прекрасной Гавани до Тамираки триста стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов — триста восемьдесят стадиев, а отсюда до реки Борисфена — сто пятьдесят. Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город по имени Ольвия. От Борисфена шестьдесят стадиев до небольшого, необитаемого и безымянного острова, а отсюда восемьдесят до Одесса; в Одесса стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истриан, до нее двести пятьдесят стадиев; далее гавань исиаков, до которой пятьдесят стадиев. Отсюда до так называемого Голого¹ ус-

¹ П. И. Прозоров в сборнике В. В. Латышева почему-то перевел здесь слово «Голое» (Ψιλό) как «Узкое».

тья Истра тысяча двести стадиев; местности, лежащие между ними, пустыни и безмянны».

Здесь автор уводит нас от побережья к острову Ахиллу, современному Змеиному, которому уделяет сравнительно много внимания: «32. Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие — Бегом Ахилла, а третьи — по цвету — Белым. Есть предание, что его подняла [со дна моря] Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы. Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз; их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений — чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что все желающие угодить Ахиллу вместе с ним почитают и Патрокла. Много птиц гнездится на острове — чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма.

33. Существуют следующие рассказы: из числа посетителей острова некоторые, приезжающие сюда нарочно, привозят с собою на кораблях жертвенных животных и одних из них приносят в жертву, а других отпускают живыми в честь Ахилла; другие пристают, будучи вынуждены бурей; эти у самого бога просят жертвенного животного, обращая к оракулу вопрос о животных, хорошо ли и выгодно ли принести в жертву то именно животное, которое они сами выбрали на пастбище, и при этом кладут достаточную, по их мнению, плату. Если ответ оракула (в храме есть оракул) будет отрицательный, они прибавляют плату; если и после этого последует отрицание, прибавляют еще, и, когда последует согласие, они узнают, что плата достаточна. Животное при этом само останавливается и уже не убегает. Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы.

34. Ахилл, как рассказывают, является во сне одним после того, как причалит к острову, а другим еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву

на мачте или на конце реи, подобно Диоскурам; Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне. Эти рассказы об острове Ахилла я записал, как слышал от лиц, которые или сами приставали к острову, или узнали от других; они не кажутся мне невероятными: я считаю Ахилла героем предпочтительно перед другими, основываясь на благородстве его происхождения, красоте, душевной силе, удалении из здешнего мира в молодых годах, прославляющей его поэзии Гомера и постоянстве в любви и дружбе, дошедшем до того, что он решился даже умереть после смерти своего любимца».

После столь красочного описания острова Ахилла Арриан возвращает нас к дельте Истра: «От так называемого Голого¹ устья Истра шестьдесят стадиев до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья сорок стадиев; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарака, шестьдесят стадиев; отсюда до пятого устья — сто двадцать, а отсюда до города Истрии — пятьсот стадиев» (§ 35).

Как мы видим, обширная дельта реки хорошо знакома источнику Арриана. Указаны даже промежуточные расстояния между устьями. Эти цифры крайне важны для палеогеографической реконструкции дельты Истра.

В этом же параграфе продолжается описание западного побережья Понта на юг от Истрии: «Отсюда до города Томея триста стадиев, а от Томея до города Каллатии еще триста; здесь есть стоянка для кораблей. Отсюда до гавани карийцев сто восемьдесят; и земля, лежащая вокруг гавани, называется Карией. От гавани карийцев до Тетрисиады — сто двадцать стадиев; отсюда до безлюдной местности Бизоны — шестьдесят стадиев. От Бизоны до Дионисополя восемьдесят стадиев; отсюда до Одесса — двести; здесь есть корабельная стоянка» (§ 35).

Так же сухо и лаконично охарактеризован и весь оставшийся путь: «36. От Одесса до подгорий Гема, простирающихся до Понта, триста шестьдесят стадиев; и здесь есть корабельная стоянка. От Гема до города Месембрии девяносто стадиев; корабельная стоянка. От Месембрии до города Анхиала — семьдесят стадиев, а от Анхиала до

¹ Здесь П. И. Прозоров вновь ошибочно перевел слово «Голое» (*Ψιλόν*) как «Узкое».

Крепость Румели-Гиссары. Самое узкое место пролива, где персидский царь Дарий переправлялся в Европу

Аполлонии сто восемьдесят. Все это эллинские города, лежащие в Скифии, по левую руку для плывущего в Понт. От Аполлонии до Херсонеса шестьдесят стадиев; тут корабельная стоянка. От Херсонеса до Авлеевой стены двести пятьдесят стадиев, а отсюда до берега Тиниады — сто двадцать.

37. От Тиниады до Салмидесса¹ — двести стадиев... От Салмидесса до Фригии — триста тридцать стадиев, а отсюда до Кианей — триста двадцать. Это те Кианеи, о которых поэты говорят, будто некогда они были блуждающими и будто первым прошел между ними корабль Арго, который привез Ясона к колхам. От Кианей до святилища Зевса Урия, где устье Понта, сорок стадиев. Отсюда сорок стадиев до гавани так называемой Неистойой Дафны, а от Дафны до Византия восемьдесят. Вот что находится на пути от Киммерийского Боспора до Фракийского Боспора и города Византия».

¹ В сборнике В. В. Латышева вместо слов «От Тиниады до Салмидесса» читаем «От Салмидесса до Фригии». Последовательность изложения показывает, что здесь должно стоять «От Тиниады до Салмидесса», после чего соответственно «От Салмидесса до Фригии».

Таково описание Аррианом рассматриваемого побережья. Информация, как мы видим, лаконичная, но исключительно важная и интересная.

Остановимся теперь еще на одной рукописи, посвященной описанию Понта Эвксинского. Это описание — более подробное, чем в рассмотренном перипле Арриана. В основе этой более подробной рукописи лежит перипл Арриана с добавлением отрывков из произведений Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Мениппа и других авторов.

Долгое время исследователи считали, что эта рукопись также принадлежит Арриану. Потом ученые отказали Арриану в авторстве. И эту рукопись стали называть периплом Псевдо-Арриана, а позднее — периплом Анонимного автора. Составлен он, как полагают сторонники этой точки зрения, византийским автором V или VI в. н.э., который почти без изменений повторил сведения Арриана и других источников, добавил лишь некоторые современные ему названия и имеющиеся расстояния в стадиях перевел также в мили по принятому в то время стандарту: 1 миля = 7,5 стадиев.

Однако детальное изучение и сравнение изложенных в рукописи сведений приводят к убеждению, что географическое сочинение, называемое перипломом Анонимного автора, не что иное, как тот же перипл Арриана, расширенный и дополненный самим автором [14, с.12—13]. А византийский переписчик перипла лишь перевел стадии в мили, так как в его время уже не пользовались стадиями, и привел некоторые современные ему названия.

Следовательно, сочинения, известные как перипл Арриана и перипл Анонимного автора, — не два разных произведения, а краткая и расширенная редакция одного и того же сочинения. Краткая редакция была представлена как официальный отчет императору Адриану и посвящена ему. Затем Арриан переработал свое сочинение, расширил и дополнил другими источниками. Так появилась полная редакция перипла.

Перейдем теперь к рассмотрению полной редакции перипла Арриана, называвшейся перипломом Псевдо-Арриана или перипломом Анонимного автора. Как же здесь описан интересующий нас регион?

После упоминания Апсара автор пишет: «От реки Апсара до судоходной реки Акамписса 15 стадиев, 2 мили. От реки Акамписса до реки Глубокой 75 стадиев, 10 миль. От реки Глубокой до реки Кинаса 90 стадиев, 12 миль. От ре-

ки Кинаса до судоходной реки Исиса 90 стадиев¹, 12 миль. Акампис и Исис судоходны, и по утрам на них дуют сильные ветры. От реки Исиса до так называемого Могра (или Нигра) плавания кораблям 90 стадиев, 12 миль» (§ 43). Этот параграф практически полностью повторяет § 9 перипла Арриана.

Далее читаем: «Эта река Фасис течет из Армении, вблизи нее живут переселившиеся из Иберии в Армению иберы. При входе в реку слева² лежит основанный милетянами греческий город, называемый Фасисом, в который, как говорят, сходятся шестьдесят племен, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксика, к которой примыкает так называемая Колика, где ныне народ меланхленов и колхов» (§ 44).

В перипле Арриана этих сведений нет. Взяты они из другого источника. К. Мюллер полагает, что это — ямбическая перизгеса Псевдо-Скимна, и пытается даже восстановить процитированный отрывок в стихах (ВДИ, 1948, № 4, с. 229, примеч. 1). К этому вопросу мы еще вернемся, а пока продолжим знакомство с периплом.

Следующий параграф совсем маленький. Посвящен он Фасису: «Река эта судоходна на протяжении 180 стадиев. 24 миль³. На ней есть большой город по имени Эя, откуда происходила Медея» (§ 45). Этот отрывок полностью заимствован из перипла Псевдо-Скилака (§ 81).

Цитировать параграф за параграфом нет необходимости, так как здесь в основном повторяются сведения из перипла Арриана с добавлением некоторых отрывков из Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна и, как полагают исследователи, Мениппа.

Важно подчеркнуть, что в тексте повторяются обращения к Адриану (§ 51, 53, 56) и слова от лица Арриана (§ 49, 52—54).

Остановимся на некоторых сообщениях, которых нет в перипле Арриана, а также в перипле Псевдо-Скилака и перизгесе Псевдо-Скимна.

После указания о Синдской гавани читаем: «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или на узкой полосе между озером

¹ В сборнике В. В. Латышева по ошибке указано 99 стадиев.

² Э. Н. Штерн в сборнике В. В. Латышева ошибочно перевел это место «на левой стороне». Но в тексте стоит «слева» (*ἀριστερά*), т. е. слева от мореплавателя, на правом берегу реки.

³ В сборнике В. В. Латышева по ошибке стоит «100 стадиев, 4 мили».

и морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 630 стадиев, 84 мили. Если въехать в самое озеро и плыть вдоль берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев, $58 \frac{2}{3}$ мили.....От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев, $68 \frac{2}{3}$ мили» (§ 64, 66; промежуточный § 65, в котором указаны синды, керкеты, называемые также торитами, и ахейцы, заимствован у Псевдо-Скимна).

А в следующем параграфе повторяется взятое у Арриана сообщение о том, что прямой путь от Синдики до Пантикапея составляет 540 стадиев (§ 67).

После этого дана сумма измерений азиатского побережья Понта: «Всего, если плыть вдоль берега от святилища Зевса Урия до устья озера Меотиды или Ахиллова селения, 12 487 стадиев, $1653 \frac{1}{3}$ мили [читай 1665]» (§ 68).

Затем измерена ширина Боспора Киммерийского: «От Ахиллова селения, которое лежит на конечном пункте Азии и при проливе у устья Меотиды или Танаиса, до селения, лежащего напротив на конечном пункте Европы, называемого Портмием и лежащего также при проливе у устья Меотиды, ширина устья 20 стадиев, $2 \frac{2}{3}$ мили» (§ 69).

Все эти процитированные отрывки взяты, по мнению исследователей, из перипла Мениппа. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока продолжим знакомство с источником.

Следующие несколько параграфов посвящены Боспору Киммерийскому и Меотиде (§ 70—75). Они повторяют сведения Арриана, Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна.

Описание европейского побережья начинается довольно подробными сведениями, отсутствующими у названных авторов: «Устье озера называется Боспором. От местечка Портмия, или устья Меотийского озера, до городка по имени Мирмекциона 60 стадиев, 8 миль. От Мирмекциона до Пантикапея, важного боспорского города, 25 стадиев, $3 \frac{1}{3}$ мили; он имеет обширную гавань и верфи. По прямому пути от Боспора до устья Меотийского озера, или Танаиса, 60 стадиев, 8 миль. А от города Пантикапея до города Тиристки 60 стадиев, 8 миль; от города Тиристки до города Нимфея 25 стадиев, $3 \frac{1}{3}$ мили; от Нимфея до деревушки Акры 65 стадиев, $8 \frac{2}{3}$ мили; от Акры до города Кит, раньше называвшегося Кидеаками, 30 стадиев, 4 мили.

Итак, от Афинеона до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский Боспор.

От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив него в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых, не очень больших острова. Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадиев, 40 миль, а от города Пантикапея до Киммерика 240 стадиев, 32 мили» (§ 70).

Этот отрывок относят также к периплу Мениппа.

Следующий параграф посвящен отрезку пути от Киммерика до Феодосии: «От Киммерика до деревни Казека, лежащей у моря, 180 стадиев, 24 мили. От Казека до Феодосии, опустевшего города, имеющего и гавань, 280 стадиев, $37\frac{1}{3}$ мили; и это был древний эллинский город, колония милетян; о нем есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардаба, т. е. Семибожный. В этой Феодосии, говорят, жили некогда и изгнанники из Боспора» (§ 77).

Часть этих сведений известна из перипла Арриана, остальные нигде больше не встречаются.

Аналогичным образом описан дальнейший путь от Феодосии до Каркинитского залива: «От Феодосии до пустынной гавани Афинеона, или гавани скифо-тавров, 200 стадиев, $26\frac{2}{3}$ мили; здесь спокойная стоянка для кораблей. От Афинеона, или гавани скифо-тавров, до Лампады 600 стадиев, 80 миль; там стоянка для кораблей. От Лампады до высокой горы Бараньего лба, мыса Таврической земли, 220 стадиев, $29\frac{1}{3}$ мили...

От Бараньего лба до таврической же гавани Символа, называемой также гаванью Символов,— 300 стадиев, 40 миль; здесь спокойная гавань. От гавани Символа до города Херронеса, или Херсонеса в Таврической земле, колонизованного понтийскими гераклеотами, 180 стадиев, 24 мили; здесь пристань и хорошие гавани.

Береговая линия Таврического Херсонеса, от гавани Афинеона до Прекрасной Гавани, в объезде составляет 2600 стадиев, $346\frac{2}{3}$ мили, а от деревни Портмитиды, лежащей на крайнем пункте Европы или входе в Меотийское озеро или в Танаис, до Херсона 2200 стадиев, $293\frac{1}{3}$ мили.

От Херсона до так называемой Коронитиды, или Керкинитиды, до скифской гавани Прекрасной в Херсонской земле 700 стадиев, $93\frac{1}{3}$ мили. От Прекрасной Гавани до реки Истра или Данубия опять обитают скифы. За Прекрасной Гаванью начинается залив, называемый Карки-

нитским и простирающийся до Тамираки; он имеет в длину 2250 стадиев, 300 миль; если же не объезжать его вдоль берегов, но прямым путем переплыть устье, то всего 300 стадиев, 40 миль. Внутри Тамираки есть небольшое озеро» (§ 78, 81—83; промежуточные параграфы 79—80 взяты у Псевдо-Скимна).

Затем следует не встречающееся в предыдущих источниках довольно подробное описание Ахиллова Бега: «От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев, или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плефра; концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев, 8 миль. Посередине ее истмовидный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком (или с твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев, $5\frac{1}{2}$ мили. Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты, получают упомянутые 1200 стадиев, или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев, $26\frac{2}{3}$ мили» (§ 84).

Описание реки Борисфена, а также Тиры и Истра взято у Псевдо-Скимна (§ 85, 88, 94).

А побережье между ними охарактеризовано гораздо подробнее, чем у Арриана, причем на основе уникальных сведений:

«От реки Борисфена до весьма маленького, пустынного и безмянного островка 60 стадиев, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безмянного острова до Одесса 80 стадиев, $10\frac{2}{3}$ мили; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, $21\frac{1}{3}$ мили, от Скопелов до гавани истриан 90 стадиев, 12 миль; от гавани истриан до гавани исиаков 90 стадиев, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили.

Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадиев, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль; а географ Артемидор от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4420 стадиев, или $589\frac{1}{3}$ мили¹. От реки Тиры до Неоптолемовых 120 стадиев, 16 миль; от Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит,

¹ В сборнике В. В. Латышева ошибочно стоит 4200 стадиев. Указанное число миль составляют именно 4420 стадиев. Эта цифра подтверждается, как мы увидим далее, соответствующими расчетами

что от реки Тирь до Кремнисков 480 стадиев, 64 мили. От Кремнисков до Антифиловых 330 стадиев, 44 мили. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль» (§ 87, 89).

Далее повторяется часть сведений Арриана об острове Ахилла, отрывок из Псевдо-Скимна об этом острове, описание Аррианом устьев Истра.

Западное Причерноморье описано по данным Арриана с добавлением некоторых сведений Псевдо-Скимна.

И в заключение автор дает итоговые цифры расстояний: «Всего от Священного устья реки Истра до святилища Зевса Урия, или устья Понта, 3640 стадиев, $485\frac{1}{3}$ мили. От реки Борисфена, называемой также Данаприем, до святилища Зевса Урия 5600 стадиев, $746\frac{2}{3}$ мили. От Херсона до святилища Зевса Урия 8900 стадиев, $1186\frac{2}{3}$ мили. От деревни Портмии, лежащей на краю европейских частей Понта, на устье Меотийского озера, или так называемого Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11 100 стадиев, 1480 миль.

Говорят, что путь европейских берегов Понта равен объезду азиатских частей Понтийского моря.

От святилища Зевса Урия до Амиса 4660 стадиев, $621\frac{1}{3}$ мили; от Амиса до реки Фасиса 3802 стадия, 507 миль; от реки Фасиса до устья Меотийского озера или Ахиллова селения 4025 стадиев, $536\frac{2}{3}$ мили; так что выходит, от святилища Зевса Урия до устья Меотиды 12 487 стадиев, 1665 миль.

В общем итоге весь объезд Эвксинского Понта, т. е. правых частей Понта вдоль Азии и левых частей Понта вдоль Европы, от святилища Зевса Урия составляет 23 587 стадиев, 3145 миль.

Кроме того, объезд Меотийского озера составляет 9000 стадиев, 1200 миль» (§ 117—118).

Таковы краткая и полная редакция перипла Арриана.

Итак, мы познакомились с интересующими нас сведениями основных античных историков и географов, описавших Северное Причерноморье и прилегающие к нему районы.

Из числа основных письменных источников следует упомянуть и «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, известного географа II в. н. э. Это — одно из обобщающих произведений, в котором подводятся итоги и достижения античной географической науки. Но «Географическое руководство» — не нарративный источник. Здесь даны лишь координаты городов, поселений, устьев рек:

озер, лиманов и других географических объектов. Расстояний в линейных мерах, заимствованных Птолемеем у предшественников, нет. Практически нет и каких-либо конкретных описаний рассматриваемого региона. Данные Птолемея — это материалы для составления карт. Но сами карты до нас не дошли. Сохранились карты, выполненные по данным Птолемея в XV в. Вполне вероятно, что они изготовлены по более ранним оригиналам.

Современные исследователи провели огромную работу, обратную птолемеевой, перевели координаты в линейные меры и составили несколько карт «Европейской Сарматии» по Птолемею. Следует назвать карты И. А. Стемпковского, В. В. Латышева, Ю. А. Кулаковского, Ф. А. Брауна [241, 147, 142, 38].

Выяснилось, что широта Византия, исходного пункта исчислений Птолемея, определена неверно. Вследствие этого, а также в силу самой специфики перерасчетов и принципов составления карт Северное Причерноморье, как и другие регионы, изображено с определенными искажениями.

В связи со своеобразием произведения Птолемея мы рассмотрим его сведения о Северном Причерноморье не в этой главе, а при конкретном ознакомлении с описываемой местностью. Таким же образом мы будем привлекать и сведения других античных историков и географов.

Глава 2. Окружность Понта Эвксинского

Одна из первых попыток определить размеры Понта Эвксинского предпринята Геродотом. Длину моря он определил в 11 100 стадиев, ширину — в 3300 стадиев (IV, 85). Стадий Геродота равен, как выяснилось, 177,6 м. Следовательно, длина Понта равна, по его расчетам, 1971 км, а ширина — 586 км.

По современным измерениям, наибольшая длина Черного моря равна 1130 км, а ширина — 610 км. Как мы видим, цифры Геродота сильно завышены. К тому же наибольшая ширина бассейна приходится не на восточную его часть от Синдйки (совр. Анапа) до реки Фермодонт (совр. река Терме), как полагал Геродот (там примерно 400 км), а на западную часть моря от Очакова до Эрегли (610 км).

Приходится констатировать, что Геродот плохо представлял себе как конфигурацию, так и размеры Понта Эвксинского.

Анализируя это обстоятельство, исследователи предлагали самые различные объяснения [94, с. 325—326]. А. Б. А. Рыбаков попытался даже примирить столь явное противоречие. По его мнению, указанная Геродотом длина определяет расстояние от устья Понта до Фасиса при каботажном плавании вдоль *северных* берегов моря [222, с. 83]. Но такое предположение не имеет под собой ни малейшего основания и противоречит принципу географических измерений. Абсолютно все без исключения античные авторы измеряют расстояние от устья Понта до Фасиса, где «судам последний бег», разумеется, вдоль *южного* берега моря, так, как плыли туда мореходы.

В чем же причина столь существенных расхождений между расчетами Геродота и реальными расстояниями? Исследователи так и не пришли к единому мнению. Пытаясь устранить выявленные противоречия, они так или иначе старались уменьшить расстояние, которое, по данным Геродота, проходил корабль за день и ночь.

Рассмотрим подробнее расчеты «отца истории». В его распоряжении следующие сведения: 1) «корабль проходит всего в течение долгого дня приблизительно 70 000 оргий,

а в течение ночи — 60 000 оргий», 2) от устья Понта до Фасиса девять дней и восемь ночей плавания, 3) от Синдики до Фермодонта три дня и две ночи плавания. Умножив скорость на время, Геродот получил соответствующие расстояния.

Время пути не вызывает каких-либо серьезных сомнений у исследователей. Они сосредоточили свое внимание на скорости корабля. Все их рассуждения направлены на то, чтобы уменьшить эту скорость. Ведь только так можно попытаться устранить выявленные расхождения. И ученые предлагали необходимые поправки, достаточно произвольные.

Мне представляется, что Геродот действительно использовал слишком большую скорость корабля. С развитием мореплавания и расширением географических знаний античные путешественники стали использовать «день плавания» как меру длины, имеющую постоянное значение. «День плавания» означает расстояние, которое корабль проходил *в среднем* за день. Как сообщает Псевдо-Скилак, день плавания равен 500 стадиям, причем день плавания и ночь плавания равны (§ 69). Такой усредненный «день плавания» и следует применять при измерении расстояний. Геродот же, надо полагать, использовал в своих расчетах данные о каком-то отдельном, нехарактерном случае.

Теперь проведем те же расчеты, используя указанный Псевдо-Скилаком «день плавания» в 500 стадиев. Плавание от устья Понта до Фасиса занимает, как сообщает Геродот, девять дней и восемь ночей. Поскольку здесь нет никаких пояснений, как при определении скорости корабля («в течение долгого дня приблизительно»), эти цифры, надо полагать, отражают именно устоявшиеся данные, проверенные длительными плаваниями, а не случайные, нехарактерные сообщения. Отсюда получим, что указанное расстояние составляет 8500 стадиев. Эта цифра вполне согласуется с данными Страбона, согласно которым от устья Понта до Фасиса «приблизительно 8000 стадиев, может быть, несколько больше или меньше» (XII, 3, 17) и почти полностью совпадает со сведениями Арриана, который в полном перипле определяет это расстояние в 8462 стадия (§ 118). Если считать стадий Арриана равным 157,7 м, получим 1334 км. Соответствующее измерение по современным крупномасштабным картам дает примерно 1350 км. Как мы видим, перипл дает абсолютно верные расстояния.

Таким образом, Геродот имел в своем распоряжении достоверные сведения о времени плавания от устья Понта до Фасиса. При использовании «дня плавания» в 500 стадиев он мог бы получить вполне правильное расстояние. Но «отец истории» определил слишком большую скорость дневного и ночного плавания и в результате получил завышенное расстояние.

Аналогична ситуация и при определении расстояния от Синдики до Фермодонта. По Геродоту, это плавание занимает три дня и две ночи. Используя «день плавания» в 500 стадиев, получим 2500 стадиев. Если стадий Геродота равен 177,6 м, эта цифра составляет 444 км. Современные измерения дают 400 км. Разница не столь велика и вполне естественна при таком приблизительном измерении, как «день плавания». Как мы видим, и здесь Геродот мог получить вполне достоверное расстояние.

Итак, Геродот дает нам завышенные размеры Понта Эвксинского. Причина — использование в расчетах слишком большой скорости плавания корабля за день и ночь. Данные о времени плавания от устья Понта до Фасиса и от Синдики до Фермодонта — достоверны. При использовании эталонного «дня плавания» в 500 стадиев получают довольно точные измерения длины и ширины Понта Эвксинского.

Сведения Геродота в определенной степени отражают уровень знаний раннеионийских географов о Черном море. Наиболее отдаленной точкой бассейна считалось устье Фасиса, по которому тогда проводили границу между Европой и Азией.

Рассмотрим теперь более точные измерения Понта Эвксинского. Аммиан Марцеллин сообщает: «Береговой объезд всей, как бы островной, окружности Понта, вычисленный в 23 000 стадиев, по утверждению Эратосфена, Гекедея, Птолемея и других им подобных точнейших исследователей, по общему мнению всех географов образует форму скифского лука, соединенного тетивой» (XXII, 8, 10).

В полном перипле Арриана окружность Понта Эвксинского определена в 23 587 стадиев (§ 118).

Агатемер дает цифру, более близкую к эратосфеновой, — 23 083 стадия (§ 11; ВДИ, 1948, № 2, с. 314).

Полибий пишет: «Море, называемое Понтом, в окружности имеет почти 22 000 стадиев» (IV, 39, 1).

По утверждению Страбона, «окружность всего моря равняется приблизительно 25 000 стадиев» (II, 5, 22). Но расстояния, которые географ приводит при описании Чер-

номорского побережья, в сумме дают другую цифру — около 23 000 стадиев. Наглядно это видно в сводной таблице, составленной Л. И. Грацианской [82, с. 42—43].

Последняя цифра вполне согласуется с данными других авторов. Откуда же тогда взялась окружность в 25 000 стадиев?

Рассмотрим это сообщение в контексте. Географ отмечает, что Черное море «состоит как бы из двух морей: почти посредине его выдвигаются два мыса, один — из Европы, с северной стороны, а другой, противоположный этому, — из Азии; они суживают находящийся между ними пролив и образуют два больших моря. Европейский мыс называется Бараний лоб, а азиатский — Карамбис; они отстоят друг от друга приблизительно на 2500 стадиев. Море к западу от них имеет в длину от Византия до устьев Борисфена 3800 стадиев, а в ширину — 2800 стадиев; в нем есть остров Белый. Восточное море имеет продолговатую форму и оканчивается узким заливом у Диоскуриады, имея в длину 5000 стадиев или немного больше, а в ширину — около 3000. Окружность всего моря равняется приблизительно 25 000 стадиев. Некоторые уподобляют форму этой окружности натянутому скифскому луку, приравнивая тетиве так называемые правые части Понта (это — путь от устья до залива у Диоскуриады; ибо, за исключением Карамбиса, весь остальной берег имеет лишь небольшие углубления и выпуклости, так что подобен прямой линии), а остальной берег — рогу лука, имеющему двойной изгиб, именно, верхний, более округленный и нижний, более прямой; так, говорят они, и этот берег образует два залива, из которых западный гораздо круглее другого» (II, 5, 22).

При внимательном изучении процитированного отрывка становится понятным, что античный автор сложил стороны западного и восточного морей, приплюсовал определенную величину для учета изгибов береговой линии и в результате получил округленную сумму в 25 000 стадиев. Расчеты выглядят следующим образом: $2800 + 5000 + 3000 + 5000 + 2800 + 3800 = 22\,400$ стадиев. Такова сумма длины и ширины Понта Эвксинского. К ней добавлены 2600 стадиев как поправка на изгибы береговой линии. В итоге окружность моря определена в 25 000 стадиев.

Эти расчеты сделал, надо полагать, сам Страбон. Но, не имея точной карты, географ весьма схематично представлял себе конфигурацию Понта Эвксинского и в результате получил слишком завышенную окружность бассейна.

А при конкретном описании Черноморского побережья он пользовался другими источниками, по которым окружность Понта равна приблизительно 23 000 стадиев.

Плиний Старший приводит несколько различных измерений: «Окружность же всего Понта, по утверждению Варрона и почти всех древних писателей, составляет 2150 миль. Корнелий Непот прибавляет 350 миль, а Артемидор дает 2919, Агриппа — 2560 миль, Муциан — 2425 миль. Подобным образом одни определяют меру европейской стороны Понта в 1479 миль, другие в 1100 миль. Марк Варрон измеряет таким образом: от устья Понта до Аполлонии 187,5 мили, столько же до Каллатии, до устья Истра — 125 миль, до Борисфена — 250 миль, до Херсонеса, города гераклейцев — 375 миль, до Пантикапея, который некоторые называют Боспором и который является последним городом на европейском берегу Понта, 212,5 мили, что в сумме составляет 1337,5 мили. Агриппа считает от Византия до реки Истр 560 миль, оттуда до Пантикапея 638 миль» (IV, 77—78).

В другом месте Плиний добавляет: «Некоторые дают измерения Понта от Боспора до Меотийского озера в 1438,6 мили, а Эратосфен на 100 миль меньше. Агриппа считает от Калхадона до Фасиса 1000 миль, а оттуда до Боспора Киммерийского 360 миль» (VI, 3).

Как мы видим, помимо измерений, сделанных римскими географами, Плиний сообщает нам также расстояния древнегреческих авторов, пересчитанных в мили. Пересчет стадиев в мили сделан по соотношению 8:1. Он указывает, что «стадий составляет 125 наших шагов» (II, 85), т. е. 185 м.

Но как же быть с расстояниями, которые измерены стадием в 157,7 м? Они пересчитаны в мили также, надо полагать, по стандарту 8:1. В результате эти расстояния «увеличены», и весьма значительно. Ведь стадий 157,7 намного короче стадия в 185 м. Римская миля вмещает не 8 таких стадиев, а 9,4 стадия. Следовательно, пересчитывать их в мили следовало исходя из соотношения 9,4:1. Иначе мили нельзя переводить в километры.

Проведем некоторые обратные пересчеты миль в стадии и сравним полученные цифры с другими измерениями.

Плиний сообщает, что «окружность же всего Понта, по утверждению Варрона и почти всех древних писателей, составляет 2150 миль». Но эта цифра ошибочна. Ниже Плиний приводит измерение Варроном европейского побережья моря — 1337,5 миль. Полная окружность должна быть

больше по крайней мере вдвое, что составляет 2675 миль. А в тексте указано лишь 2150 миль. В чем же причина столь значительного расхождения?

М. В. Скржинская пишет об этом следующее: «Плиний не очень внимательно делал выписки из произведения Варрона. Так, ошибочна цифра окружности Понта в 2150 миль со ссылкой на Варрона, а через него и на Эратосфена. Ниже указано, что Варрон давал 1337,5 мили для европейского, более короткого, берега Понта, поэтому вся окружность моря должна быть больше этого удвоенного числа, т. е. больше 2675 миль. Цифрой же 2150, возможно, у Варрона была обозначена длина азиатского берега Понта и Меотиды от Боспора до Танаиса» [228, с. 80].

Но можно ли обвинять такого серьезного и добросовестного ученого, как Плиний, в не очень внимательном отношении к своему источнику, которое приводит к весьма серьезным ошибкам? Думаю, у нас нет на это никаких оснований.

Рассмотрим внимательнее описание Варроном европейского побережья Понта Эвксинского. Проверка приведенных здесь расстояний показывает, что итоговая цифра 1337,5 мили также ошибочна. Дело в том, что одно из слагаемых — расстояние от Херсонеса до Пантикапея — указано неверно, 212,5 мили. А при конкретном описании этого побережья Плиний после характеристики Херсонеса рассказывает: «Далее — мыс Партений, город тавров Плакия, порт Симболум, мыс Криу Метопон, находящийся против мыса Карамбий на азиатском берегу и выдвигающийся в середину Эвксинского Понта (расстояние между мысами 170 миль), что главным образом и придает морю форму скифского лука. За этим мысом лежат многие гавани тавров и озера, город Феодосия в 125 милях от Криу Метопона, а от Херронеса в 165 милях. Далее были некогда города Киты, Зефирий, Акры, Нимфей и Дия. Остается назвать милетский Пантикапей, самый мощный город у входа в Боспор; он отстоит от Феодосии на 87,5 мили» (IV, 86—87).

По этим данным, от Херсонеса до Криу Метопона 40 миль, от Криу Метопона до Феодосии 125 миль, от Феодосии до Пантикапея — 87,5 миль. Следовательно, от Херсонеса до Пантикапея 252,2 мили, а от Криу Метопона до Пантикапея 212,5 мили.

Теперь еще раз внимательно перечитаем описание европейского побережья: «От устья Понта до Аполлонии 187,5 мили, столько же до Каллатии, до устья Истра —

125 миль, до Борисфена — 250 миль, до Херсонеса, города гераклейцев, — 375 миль, до Пантикапея, который некоторые называют Боспором и который является последним городом на европейском берегу Понта, 212,5 мили, что в сумме составляет 1337,5 мили».

Какая же информация здесь содержится? Как мы видим, Плиний не указывает прямо, что от Херсонеса до Пантикапея 212,5 мили. Он пишет, что *до* Пантикапея 212,5 мили. Но *откуда*? По его же данным, 212,5 мили — это расстояние от Крию Метопона до Пантикапея.

Отсюда следует единственно правильный вывод: в тексте рассматриваемого отрывка — лакуна. Здесь выпало указание о Крию Метопоне и связанном с ним расстоянии. Первоначальный текст выглядел следующим образом: «...до Херсонеса, города гераклейцев, — 375 миль, до мыса Крию Метопон — 40 миль, до Пантикапея, который некоторые называют Боспором и который является последним городом на европейском берегу Понта, 212,5 мили...».

В результате порчи текста исчезли слова «до мыса Крию Метопон — 40 миль». И создалось ложное впечатление, что последующее указание «до Пантикапея... 212,5 мили» определяет расстояние от Херсонеса. В действительности же 212,5 мили — это расстояние от Крию Метопона до Пантикапея.

Проанализируем теперь измерения Варрона в сопоставлении с данными других авторов и современными измерениями.

Что же представляют собой данные о расстояниях от устья Понта до Пантикапея? На первый взгляд может показаться, что отдельные участки этого пути измерены очень точно, с точностью даже до полумили. Но это — только на первый взгляд. Даже беглое сравнение этих цифр показывает, что они расходятся с данными других авторов и действительными расстояниями.

Например, М. В. Скржинская пишет по этому поводу следующее: «По современным измерениям расстояние от устья Дуная (Сулинское гирло) до устья Днепра — 275 км, от устья Днепра до Севастополя — 362,5 км, от Севастополя до Керчи — 350 км. Всего 987,5 км. В целом древние измерения (847,5 римских мили равны 1255,5 км) сильно завышены по сравнению с современными. Это объясняется отчасти тем, что теперь определяется путь прямо по морю, а древние, как правило, меряли путь корабля вдоль береговой линии» [228, с. 24, примеч.].

Но такое объяснение не убедительно. Разница в цифрах слишком велика. В действительности она еще больше, чем по расчетам М. В. Скржинской, так как там не учтено, что в источнике пропущено расстояние от Херсонеса до Криу Метопона. Фигурируемые в расчетах 847,5 мили составляют расстояние от Истра до Борисфена, от Борисфена до Херсонеса, от Криу Метопона до Пантикапея (250 + 375 + 212,5). Недостаёт, как уже говорилось, 40 миль, приходящихся на участок от Херсонеса до Криу Метопона.

Причина столь значительных расхождений в расстояниях не в различии принципов древних и современных измерений. Эта причина кроется, как мы сейчас увидим, совсем в другом.

По Варрону, от устья Понта до Аполлонии — 187,5 миль, от Аполлонии до Каллатии — столько же. Эти участки побережья действительно почти равны. Но указанные 187,5 мили составляют 278 км, а современные измерения дают примерно 190 км. И здесь налицо весьма существенные расхождения. Что же тогда означает точность до полумили?

Как мы видим, измерения Варрона оставляют весьма противоречивое впечатление. С одной стороны, они могут показаться весьма точными, а с другой, — выглядят очень округленными. Как же тут быть?

Рассмотрим под этим углом и другие приведенные Плинием измерения. Рассказывая о ширине обитаемой Земли, Плиний сообщает, что «по Исидору она составляет 5462 мили», и далее даёт эти измерения. Остановимся на интересующих нас отрезках пути: «(от мыса Сигей) к устью Понта — 312,5 мили, мысу Карамбию — 350 миль, устью Меотиды — 312,5 мили, устью Танаиса — 275 миль» (II, 245).

И здесь — та же точность до полумили и то же впечатление, что приведенные цифры очень округлены. И те же результаты расчетов — если перевести мили в километры, то получим цифры, значительно превышающие действительные расстояния. И опять встают те же вопросы.

Конечно, проще всего было бы обвинить античных географов в неточности измерений. Но не будем спешить с подобными выводами. Ведь для этого у нас нет никаких объективных оснований. Проблема здесь гораздо серьезнее.

Где же ключ к пониманию приводимых Плинием измерений расстояний на Понте Эвксинском?

Найти этот ключ помогли сведения других античных авторов. Удача заключается в том, что измеренный Исидором путь описывает также Агатемер. В его «Кратком землеописании» даны следующие измерения: «(от мыса Сигей) до устья Понта 2500 стадиев; до мыса Карамбис 2800 стадиев; до устья Меотиды 2500 стадиев; до Танаиса 2200 стадиев» (§ 18).

Как мы видим, оба автора указывают один и тот же маршрут. В первом случае расстояния измерены в милях, а во втором — в стадиях. Изложенные выше расхождения и несоответствия, размышления о причинах того натолкнули на мысль перевести мили в стадии. Напомню, что миля Плиния равна восьми стадиям.

Картина получилась потрясающая. Измерения Исидора и Агатемера полностью совпали: 312,5 мили — это те же 2500 стадиев, 350 миль — 2800 стадиев, 312,5 мили — 2500 стадиев, 275 миль — 2200 стадиев.

Отсюда следует неоспоримый вывод: Плиний имел в своем распоряжении измерения Исидора в стадиях и перевел их в мили по соотношению 8:1. Теперь ясно, откуда появляются цифры с точностью до полумили. 100 стадиев составляют 12,5 мили. И всякая цифра, содержащая нечетное количество сотен стадиев, при пересчете в мили будет заканчиваться на пять десятых мили. Эти пять десятых отнюдь не означают такую точность в измерении расстояний, а являются верным признаком того, что сообщаемое расстояние измерено первоисточником в стадиях, которые более поздний автор перевел в мили.

Теперь вернемся к измерениям Варрона. Переведем мили в стадии. Получается также интересная картина: от устья Понта до Аполлонии — 187,5 мили, или 1500 стадиев, от Аполлонии до Каллатии — 187,5 мили, или 1500 стадиев, от Каллатии до Истра — 125 миль, или 1000 стадиев, от Истра до Борисфена — 250 миль, или 2000 стадиев, от Борисфена до Херсонеса — 375 миль, или 3000 стадиев, до Пантикапея (по сохранившемуся тексту) — 212,5 мили, или 1700 стадиев, что в сумме составляет (по сохранившемуся тексту) 1337,5 мили, или 107 000 стадиев.

Все эти расстояния были измерены, бесспорно, в стадиях, которые позднее переведены в мили. Поэтому часть цифр получилась с пятью десятками мили.

Кто же произвел пересчет стадиев в мили: Варрон или Плиний? Автор «Естественной географии» сообщает: «Марк Варрон *измеряет* таким образом...» (IV, 77; курсив

мой.— М. А.). Подчеркиваю: не указывает, не передает, а *измеряет* сам. Измерения, как мы видим, весьма схематичны (к этому мы еще вернемся), цифры очень округлены. Но округлены они в стадиях, а не в милях: 1500, 1000, 2000, 3000, 1700. Следовательно, и сами измерения проведены в стадиях. В противном случае мы имели бы круглые цифры в милях.

Таким образом, из сказанного неоспоримо вытекает, что Марк Варрон произвел указанные измерения в стадиях. А Плиний пересчитал стадии в мили по соотношению 8 : 1. Но даже если допустить, что Плиний воспользовался каким-то промежуточным источником, в котором стадии были уже переведены в мили, суть дела не меняется: рассматриваемые расстояния первоисточник измерил, несомненно, в стадиях.

Попытаемся теперь сравнить измерения Варрона с данными перипла Псевдо-Скилака и полного перипла Арриана. Для наглядности это можно сделать в виде специальной таблицы.

Начнем с Арриана. Но сначала необходимо уточнить некоторые детали. Плиний сообщает, что по измерениям Варрона от Каллатии 125 миль до «устья Истра» и далее от этого устья до Борисфена — 250 миль. Но название упоминаемого устья не приводится. А далее, при подробном описании рассматриваемого района Плиний рассказывает, что остров тирагетов, лежащий на реке Тире, «отстоит от Псевдостомы, устья Истра, на 130 миль... а в 120 милях от Тиры река Борисфен» (IV, 82). Оба отрезка пути в сумме составляют приведенные выше 250 миль. Следовательно, в измерениях Варрона фигурирует именно Псевдостома. Это же устье указано Аррианом как в кратком (§ 35), так и в полном (§ 93) перипле вторым по счету при описании дельты Истра с севера, но не названо по имени.

Приведенные Варроном 212,5 мили, т. е. 1700 стадиев, до Пантикапея измерены, как выяснилось, от мыса Криу Метопон. А расстояние от Херсонеса до Криу Метопона здесь не фигурирует: сведения о нем исчезли вследствие порчи текста.

Детальные измерения, приведенные Аррианом, как показывают их многочисленные проверки и сравнения, абсолютно достоверны и полностью соответствуют действительности.

А что можно сказать об измерениях Варрона? Как видно из приведенной таблицы, расхождения здесь весьма существенные — до 320 стадиев, причем в разные

стороны: как в сторону увеличения расстояния, так и в сторону уменьшения. Но при этом наблюдается интересная особенность: в конечном счете эти расхождения сводятся к минимуму или, по всей вероятности, даже к нулю.

По Варрону, расстояние от устья Понта до Аполлонии на 200 стадиев больше, чем у Арриана, от Аполлонии до Каллатии — на 240 стадиев больше, от Каллатии до Псевдостома, наоборот, уже меньше на 320 стадиев, от Псевдостома до Борисфена — вновь больше, на 260 стадиев, от Борисфена до Херсонеса — опять меньше, на 300 стадиев. В результате от устья Понта до Херсонеса у Варрона — 9000 стадиев, у Арриана — 8900 стадиев. Разница, как мы видим, совсем незначительная — 100 стадиев. А для участка Криу Метопон — Пантикапей разница вовсе минимальная — 20 стадиев.

К сожалению, в этой цепи недостает одного звена — измерения Варроном расстояния от Херсонеса до Криу Метопона. Разумеется, мы не можем с абсолютной категоричностью утверждать, какая там была указана цифра, но, бесспорно, она близка к 480 стадиям Арриана. И итоговая сумма расстояний от устья Понта до Пантикапея у Варрона также близка к 11 100 стадиям Арриана.

Сравним теперь измерения Варрона и Псевдо-Скилака. Расстояние от устья Понта до реки Истра, согласно уточненным данным Псевдо-Скилака, составляет 4 дня и 4 ночи плавания, или 4000 стадиев. Такую же цифру в сумме указывает и Варрон. Совпадают также опорные ориентиры: устье Понта — Аполлония — Каллатия — река Истр. Все это свидетельствует о том, что в обоих случаях фигурирует один и тот же источник.

Далее, по Псевдо-Скилаку, от Истра до Бараньего лба вдоль берега 6 дней и 6 ночей плавания, т. е. 6000 стадиев. Варрон указывает 2000 стадиев от устья Истра до Борисфена и 3000 стадиев от Борисфена до Херсонеса. А сведения о расстоянии от Херсонеса до Бараньего лба отсутствуют. Приведенные Варроном 2000 и 3000 стадиев представляют собой, надо полагать, также производные от 500 стадиев, величины дневного плавания, и, следовательно, связаны с тем же источником.

В таком случае получается, что на отрезок от Херсонеса до Бараньего лба по Псевдо-Скилаку приходится 1000 стадиев. Полный перипл Арриана дает 480 стадиев, или 76 км, что вполне соответствует действительности, если отождествлять Бараний лоб с мысом Ай-Тодор. Расхож-

дение, как мы видим, значительное, но оно вполне объяснимо, так как суммарное измерение Псевдо-Скилака весьма приблизительное и механическое выделение рассматриваемого отрезка могло оказаться и оказалось искаженным, в сторону увеличения.

А последний отрезок побережья, от Бараньего лба до Пантикапея, у Псевдо-Скилака получился также искаженным, но уже в сторону уменьшения. По периплу, это расстояние составляет 1 день и 1 ночь плавания, или 1000 стадиев. А Варрон и Арриан в полном перипле приводят соответственно 1700 и 1720 стадиев, которые отражают реальную протяженность пути.

Итоговые цифры таковы. Расстояние от устья Понта до Пантикапея составляет: у Псевдо-Скилака — 11 дней и 11 ночей плавания, или 11 000 стадиев, у Варрона — 11 100 стадиев, у Арриана в полном перипле — 11 100 стадиев. Дополнительные разъяснения по цифрам даны ниже.

Все вышесказанное приводит к следующему пониманию рассматриваемых описаний европейского побережья Понта Эвксинского.

Псевдо-Скилак измерил это побережье в днях и ночах плавания, разъяснив при этом, что день плавания приравнивается к ночи плавания и составляет 500 стадиев. Измерения даны по следующим участкам: устье Понта — река Истр — Бараний лоб — Пантикапей. В сумме получается 11 дней и 11 ночей, или 11 000 стадиев.

Варрон имел в своем распоряжении несколько различных источников. При измерении побережья от устья Понта до Херсонеса он взял за основу сведения Псевдо-Скилака. Пересчитал дни и ночи плавания в стадии и, руководствуясь, надо полагать, картой, произвел более детальные измерения. Полученные 4000 стадиев Псевдо-Скилака от устья Понта до реки Истра географ разделил на три отрезка: устье Понта — Аполлония — 1500 стадиев, Аполлония — Каллатия — 1500 стадиев, Каллатия — устье Истра — 1000 стадиев.

Основываясь на следующем измерении Псевдо-Скилака побережья от реки Истра до Бараньего лба в 6 дней и 6 ночей плавания, или 6000 стадиев, Варрон сократил измеряемый регион до Херсонеса и определил его длину в 5000 стадиев. Затем, руководствуясь, надо полагать, той же картой, он разделил его на два отрезка: устье Истра — Борисфен — 2000 стадиев, Борисфен — Херсонес — 3000 стадиев.

Тот факт, что опорным ориентиром здесь у Псевдо-Скилака был Бараний лоб, а у Варрона стал Херсонес,

объясняется не только различием в маршрутах плавания и описания, но и возросшей ролью самого Херсонеса.

Все эти кабинетные измерения получились, разумеется, приблизительные. Как видно из приведенной ниже таблицы, расстояние на одном отрезке несколько преувеличено, а на другом, наоборот, преуменьшено. Но в конечном счете расстояние от устья Понта до Херсонеса у Варрона оказалось лишь на 100 стадиев больше, чем в полном перипле Арриана, отражающем реальную протяженность пути практически между всеми упоминаемыми в нем объектами (9000 и 8900 стадиев).

Такое близкое совпадение, надо полагать, не случайное. Варрон, как мы увидим далее, имел в своем распоряжении, если не весь перипл конца IV—III вв. до н. э., который лег в основу перипла Арриана, то по меньшей мере его часть, посвященную побережью от Пантикапея до Херсонеса, и итоговую цифру длины европейского побережья Понта Эвксинского. И, сокращая измеренный Псевдо-Скилаком регион на участок от Бараньего лба до Херсонеса, Варрон, наверняка, скорректировал свои измерения с данными эллинистического перипла и с учетом этого уменьшил 10 000 стадиев Псевдо-Скилака на 1000 стадиев и получил указанные 9000 стадиев.

О знакомстве Варрона с эллинистическим периплом неизвестного автора свидетельствуют приведенные 1700 стадиев, которые, как выяснилось, определяют расстояние от Бараньего лба до Пантикапея. Из более детальных сведений Плиния становится понятным, что эта цифра получена сложением расстояния от Бараньего лба до Феодосии — 1000 стадиев (125 миль) и от Феодосии до Пантикапея — 700 стадиев (87,5 мили). Но последняя цифра представляет собой сумму расстояний между населенными пунктами от Пантикапея до Феодосии, которые указаны, причем в разных слагаемых, как в кратком перипле Арриана — $420 + 280$ (§ 30), так и в полном перипле $60 + 25 + 65 + 30 + 60 + 180 + 280$ (§ 76—77). Все эти цифры восходят, несомненно, к эллинистическому периплу неизвестного автора. Следовательно, отсюда же взял указанные 700 стадиев и Варрон. Там же он нашел и сведения о расстоянии от Бараньего лба до Феодосии. Источник определил его, как видно из полного перипла Арриана (§ 78), в 1020 стадиев. Варрон округлил эту цифру до 1000 стадиев.

В таком случае, имея итоговую цифру эллинистического перипла в 11 100 стадиев и стремясь согласовать с ней свои измерения, он округлил указанные в перипле 480 ста-

дией (именно эта цифра получается в сумме (300 + 180) по данным § 81 полного перипла Арриана), надо полагать, до 400 стадиев (50 миль). В таком случае сумма измерений Варрона составит именно 11 100 стадиев.

Таким образом, если принять изложенное предположение, следует согласиться с двумя положениями.

1. Выявленная лагуна в тексте Плиния должна быть заполнена так: «до мыса Крию Метопон — 50 миль».
2. Сумма расстояний от устья Понта до Пантикапея в таком случае составит 1387,5 мили.

Теперь необходимо отметить следующее обстоятельство. При описании крымских берегов Плиний сообщает, что здесь лежат «город Феодосия в 125 милях от Крию Метопона, а от Херронеса в 165 милях» (IV, 86). Отсюда следует, что расстояние от Херронеса до Крию Метопона равно 40 милям. Эти данные взяты, надо полагать, из другого источника, близкого ко времени Плиния. Указанные 40 миль, как и 170 миль между Крию Метопоном и Карамбисом, были измерены непосредственно в милях. Плиний приплюсовал эти 40 миль к 125 милям от Крию Метопона до Феодосии, которые получил, пересчитав взятые у Варрона 1000 стадиев, и получил приведенные 165 миль.

Об использовании разных источников свидетельствует и различное написание названия главного здесь города: Херсонес — при изложении измерений Варрона и Херронес — в рассматриваемом отрывке.

Расхождение между источниками не столь уже значительно. По периплу от Бараньего лба до Херсонеса с заходом в гавань Символов — 460 стадиев, т. е. 75 км. Современник Плиния указывает напрямик 40 миль, т. е. 59 км. При плавании разными маршрутами такое расхождение вполне объяснимо.

Для удобства читателя приведем сравнение измерений европейского побережья Понта Эвксинского Псевдо-Скилаком, Варроном и в полном перипле Арриана (в стадиях).

Маршрут	Псевдо Скилак	Варрон	Арриан
Устье Понта — Аполлония	4000	1500	1300
Аполлония — Каллатия		1500	1240
Каллатия — Псевдостома		1000	1320
Псевдостома — Борисфен	6000	2000	1740
Борисфен — Херсонес		3000	3300
Херсонес — Крию Метопон		400	480
Крию Метопон — Пантикапей	1000	1700	1720
Итого:	11 000	11 100	11 100

Измерениями Варрона пользовался также Страбон. Об этом свидетельствуют такие наиболее наглядные примеры.

1. Географ указывает от Аполлонии до Кианей, т. е. практически до устья Понта Эвксинского, «около 1500 стадиев» (VII, 6,1). По Варрону, здесь именно 1500 стадиев. Надо полагать, оттуда и почерпнул эти сведения Страбон.

2. Страбон сообщает, что от Херсонеса до устья Тиры 4400 стадиев (VII, 4, 2) Эта цифра почти полностью совпадает с измерениями Артемидора, который, как передает Арриан в полном перипле (§ 89), определяет это расстояние с объездом Каркинитского залива в 4420 стадиев. Поэтому может создаться впечатление, что Страбон взял указанную цифру у Артемидора и слегка округлил ее. Но ощущения такого округления у Страбона нет. Обычно, округляя ту или иную цифру, он добавляет слово «около». Так, например, используя вместе с Аррианом общий источник, где длина Ахиллова бега определена в 1200 стадиев, Страбон указывает «около тысячи стадиев». Да и в любом случае округление с 4420 до 4400 стадиев весьма относительно.

А с другой стороны, у Страбона прослеживается следующая цепочка измерений. Расстояние от Херсонеса до устья Тиры равно у него 4400 стадиев. А от Священного устья Истра до устья Тиры, по Страбону, 900 стадиев, дельта же Истра тянется у него почти на 300 стадиев (VII, 3, 15). Следовательно, от северного устья Истра до устья реки Тиры, по данным Страбона, 600 стадиев.

Здесь необходимо заметить следующее. Некоторые исследователи из-за не совсем четкой формулировки Страбона считают, что указанные 900 стадиев определяют расстояние до устья Тиры от северного устья Истра [см., напр.: 121, с. 154; 82, с. 42]. Но соответствующие измерения опровергают такое понимание отрывка.

Таким образом, приведенные 600 стадиев составляют при величине стадия в 157,7 м — 95 км, при величине в 185 м — 111 км. До района современного г. Вилково, где находилось северное устье Истра [195, с. 150], от района с. Приморского, у которого, как мы увидим далее, до конца IV—начала III в. до н. э. выходило в море основное устье Тиры, примерно 86 км, а от района с. Затока, куда затем переместилось основное устье Тиры,— примерно 106 км. Как мы видим, приведенные 600 стадиев в любом случае приводят нас именно в район г. Вилково, т. е. к северному устью Истра.

У Страбона дельта Истра имеет 7 устьев и тянется почти на 300 стадиев. Арриан указывает 5 устьев и 280 стадиев. Устье Псевдостом, не названное по имени, у него — второе по счету и отстоит от северного устья, называемого Голым, на 60 стадиев. Страбон, к сожалению, не сообщает такого рода детали, но и без того ясно, что в его описании расстояние от северного устья Истра до Псевдостома совсем незначительное. Следовательно, мы вполне можем сказать, что, по данным географа, расстояние от Псевдостома до устья Тиры составляет примерно 600 стадиев.

Итак, по Страбону, от Херсонеса до устья Тиры 4400 стадиев, а от устья Тиры до Псевдостома — 600 стадиев. Отсюда получается, что расстояние от Псевдостома до Херсонеса составляет 5000 стадиев, т. е. ту цифру, что привел Варрон.

Обратимся теперь к некоторым источниковедческим вопросам, связанным с длиной европейского побережья Понта Эвксинского. По уточненным данным Псевдо-Скилака, от устья Понта до Пантикапея 11 000 стадиев. Цифра, разумеется, приблизительная и округленная. Но она оказалась близкой к действительной. Автор перипла эллинистического времени, имя которого осталось неизвестным, приводит уже уточненную цифру — 11 100 стадиев. Варрон, детализируя измерения Псевдо-Скилака от устья Понта до Херсонеса, дальнейшие измерения скорректировал с учетом данных этого перипла и определил итоговую цифру также в 11 100 стадиев. Плиний, передавая измерения Варрона, пересчитал стадии в мили. Но вследствие испорченности текста общая картина получилась искаженной.

В VI книге «Естественной истории», посвященной азиатскому побережью Понта Эвксинского, Плиний сообщает: «Некоторые дают измерение Понта от Боспора до Меотийского озера в 1438,5 мили, а Эратосфен на 100 миль меньше» (VI, 3). Попытаемся проанализировать эти сведения.

Отсюда следует, что Эратосфен определил расстояние от Боспора Фракийского до устья Меотиды в 1338,5 мили, или 10 708 стадиев. Эта цифра практически совпадает с цифрой, которая фигурирует как итог измерений Варроном европейского побережья Понта, — 1337,5 мили. Такое совпадение вряд ли случайно, особенно при столь малом количестве цифр. А разницу в одну милю можно объяснить тем, что автор, сравнивая измерения «некоторых» географов и Эратосфена, расхождение в 101 милю округлил до 100 миль. И этот случай не единичен. Так, например, рас-

сказывая об измерениях Агриппы, Плиний сообщает: «Агриппа считает от Византия до реки Истр 560 миль, оттуда до Пантикапея 638 миль... Агриппа считает от Калхадона до Фасиса 1000 миль, а оттуда до Боспора Киммерийского 360 миль» (IV, 78; VI, 3). В сумме эти цифры составляют 2558 миль. А Плиний, перечисляя измерения окружности всего Понта разными авторами, указывает: «Агриппа — 2560 миль» (IV, 77).

Таким образом, из изложенного следует, что измерение европейского побережья Понта в 11 100 стадиев принадлежит Эратосфену.

Отсюда следует, что измерение европейской части побережья Понта Эвксинского принадлежит Эратосфену. Он определил это расстояние, как выяснилось, в 11 100 стадиев, или 1387,5 мили. Варрон, измеряя это побережье по отдельным участкам, «разбросал» 11 100 стадиев на несколько составляющих. Эти данные дошли до Плиния с лакуной, в результате чего в «Естественной истории» это число оказалось искаженным — 1337,5 мили вместо 1387,5 мили. Далее это искаженное число ошибочно помещено в разделе, посвященном азиатскому побережью Понта.

Вернемся теперь к словам Плиния. Текст гласит: «Некоторые дают измерение Понта от Боспора до Меотийского озера в 1438,5 мили, а Эратосфен на 100 миль меньше». Но измерение Эратосфена равно, как выяснилось, 1387,5 мили. Какая же из цифр в процитированном тексте появилась в результате сравнения с данными Эратосфена: 1438,5 или 100?

Указанные «некоторыми» географами 1438,5 мили составляют 11 508 стадиев. Но длина азиатского побережья Понта, по данным полного перипла Арриана, почти на тысячу стадиев больше — 12 487 стадиев. Столь значительное расхождение приводит к мысли, что именно эта цифра зависит от эратосфеновой, т. е. на 100 миль больше ее. Следовательно, по измерению «некоторых» географов длина азиатского побережья Понта Эвксинского равна 1487,5 мили, или 11 900 стадиев.

Чему же равна вся окружность Понта? Сложив 11 100 стадиев и 11 900 стадиев, получим 23 000 стадиев! Да, именно 23 000 стадиев! Ведь такова окружность Понта, как уже говорилось, по данным Эратосфена и других античных авторов. Это полностью подтверждает правильность высказанных сомнений и снимает какие-либо сомнения.

Как мы видим, при анализе измерений Понтийского побережья перед нами все ярвственнее вырисовывается фигура Эратосфена, одного из наиболее крупных авторитетов античной географической науки.

Эратосфен теоретически вычислил длину европейской части побережья Понта Эвксинского — 11 100 стадиев. Длину азиатской части он позаимствовал у «некоторых» географов — 11 900 стадиев. И в результате получил 23 000 стадиев.

Говоря о высоком авторитете Эратосфена, можно привести такой очень показательный пример. Длина европейской части побережья Понта Эвксинского от Портмий, устья Меотиды, до святилища Зевса Урия, устья Понта, по данным краткого перипла Арриана, составляет 11 570 стадиев. В полном перипле Арриан, как мы увидим далее, уменьшает расстояния между некоторыми пунктами и указывает уже иную итоговую цифру — 11 100 стадиев. Но, если уже быть точным до конца, от Портмий до святилища Зевса Урия в полном перипле насчитывается даже после предпринятых сокращений 11 160 стадиев. А указанные 11 100 стадиев охватывают расстояние от Пантикапея до святилища Зевса Урия. Арриан не посчитал 60 стадиев от Портмий до Пантикапея. Что означают эти пересчеты, если не стремление согласовать имеющиеся данные с результатами столь уважаемого авторитета, как Эратосфен?!

Рассмотрим теперь измерения всей окружности Понта Эвксинского. Современная лоция сообщает, что длина береговой линии Черного моря равна 4090 км [157, с. 3]. Разумеется, эту цифру нельзя воспринимать как абсолютную. В других изданиях можно найти несколько отличающиеся от нее сведения. И это неудивительно, так как при разных измерениях столь извилистой береговой линии получить одинаковые результаты практически невозможно.

Указанные Эратосфеном и другими авторами 23 000 стадиев, если считать величину стадия 157,7 м, составляют 3627 км. Эта цифра меньше современной, но не будем забывать, что она получена путем теоретических вычислений.

Данные краткого перипла Арриана дают итоговую цифру 23 680 стадиев, которые в пересчете тем же стадием составляют 3734 км. В полном перипле указана несколько иная итоговая цифра — 23 587 стадиев, которые составляют в пересчете тем же стадием 3720 км.

По Артемидору, окружность Понта равна, как сообщает Плиний, 2919 миль. Но Артемидор проводил измерения,

разумеется, в стадиях. А Плиний перевел эти стадии в мили по соотношению 8:1. Произведя обратный пересчет, получил, что Артемидор определил окружность Понта в 23 352 стадия. Эта цифра, как мы видим, близка к вышеуказанным результатам. Следовательно, Артемидор также пользовался стадием в 157,7 м. Отсюда получим, что указанные им 23 352 стадия составляют 3683 км.

Этот пример с Артемидором наглядно показывает, что мили, полученные в результате пересчета стадиев, переводить напрямую в километры нельзя, так как первоисточник мог пользоваться стадием в 157,7 м. В таком случае прямой перевод миль в километры, как уже говорилось, значительно «увеличивает» рассматриваемое расстояние.

В этом плане весьма показательны также следующие данные. Плиний сообщает, что «одни определяют меру европейской стороны Понта в 1479 миль, другие — в 1100 миль» (IV, 77). Расхождение может показаться весьма значительным. Но это — только на первый взгляд.

Дело в том, что в первом случае расстояние было измерено стадиями, которые пересчитаны Плинием в мили по тому же соотношению 8:1. Указанные 1479 миль составляют 11 832 стадия. Эта цифра несколько больше даже итоговой цифры краткого перипла Арриана, которая равна, напомним, 11 570 стадиям. Близость этих цифр показывает, что в обоих измерениях использован стадий в 157,7 м. Произведя соответствующий пересчет, получим, что 11 832 стадия равны 1866 км.

А 1100 миль измерены римской милей, равной 1481,5 м. Они составляют 1630 км.

Разница в 236 км не столь значительна, особенно если учесть, что древнегреческий географ измерил береговую линию детальнее даже, чем автор перипла, который использовал Арриан, где проложен маршрут с заходом в Каркинитский залив, низовья Тираса, современное озеро Сасык и др., а римский географ «срезал» многие изгибы берегов.

Нам осталось рассмотреть приведенные Плинием измерения окружности Понта несколькими римскими авторами. По его данным, Корнелий Непот указывает 2500 миль, Агриппа — 2560 миль, Муциан — 2425 миль. Результаты, как мы видим, довольно близки между собой. Надо полагать, во всех случаях измерения проведены римскими милями. Переведем их в километры. Получается, что 2500 миль Корнелия Непота составляют 3704 км, 2560 миль Агриппы — 3793 км, 2425 миль Муциана — 3593 км.

Таким образом, античные авторы дают следующие измерения окружности Понта Эвксинского: Эратосфен и другие, следующие ему, авторы — 3627, Артемидор — 3683, Арриан в кратком перипле — 3734, Арриан в полном перипле — 3720, Корнелий Непот — 3704, Агриппа — 3793, Муциан — 3593 км.

Картина довольно компактная. Наибольший разброс между результатами Агриппы и Муциана составляет 200 км. Это — всего лишь девятнадцатая часть от измерения Агриппы. Отмеченное наибольшее расхождение пришлось на римских авторов. Расхождения между данными древнегреческих географов значительно меньше.

Близость результатов древнегреческих и римских измерений — еще одно убедительное доказательство того, что Эратосфен, Артемидор, Арриан пользовались стадием в 157,7 м.

Необходимо отметить, что античные измерения окружности Понта Эвксинского на несколько сотен километров меньше современных. Причина — в различии принципов измерения. Древние мореходы, плавая в пределах видимости берегов, прокладывали все же наиболее короткий маршрут между указываемыми в перипле пунктами, а расстояние между ними часто составляет несколько десятков, иногда — даже около сотни километров. А современная лоция, как правило, указывает даже незначительные мысы, устья мелких рек и другие объекты, расстояние между которыми часто равно нескольким морским милям. Таким образом, современные измерения более детальны и тщательны по сравнению с древними, скрупулезнее учитывают все изгибы береговой линии. Поэтому вполне естественно, что длина береговой линии моря, по современной лоции, больше, чем по данным античных авторов.

Дельта Истра

Дельта Истра описана античными авторами сравнительно подробно. Указаны устья реки, их названия, острова между ними. Страбон сообщает расстояние между крайними устьями — почти 300 стадиев (VII, 3, 15). Арриан приводит даже расстояния между устьями, составляющие в сумме 280 стадиев.

Клавдий Птолемей знакомит нас не только с устьями, но и рукавами, на которые разветвляется русло реки: «Затем устья Истра идут в таком порядке: первое разделение на устья у города Новиодуна под $54^{\circ}50'$ — $46^{\circ}30'$; затем самый южный рукав обтекает остров, называемый Певкой и находящийся под $55^{\circ}20'$ — $46^{\circ}30'$, и впадает в Понт так называемым священным устьем, или Певкой, находящимся под 56° — $46^{\circ}15'$. Самый северный рукав разделяется под 55° — $46^{\circ}45'$, и северный рукав, образовавшийся от этого разделения, в свою очередь, разделяется под $55^{\circ}30'$ — 47° .

Затем южный проток, образовавшийся от этого разделения, исчезает недалеко от впадения в Понт, а северный образует озеро, называемое Тиаголой и лежащее под $55^{\circ}40'$ — $47^{\circ}15'$, а затем впадает в Понт устьем, которое также называют Тиаголой, или Голым (*Ψιλόν*)¹, и которое лежит под $56^{\circ}15'$ — 47° .

Южный проток, образовавшийся от второго разделения, в свою очередь, делится надвое под $55^{\circ}20'$ — $46^{\circ}45'$, и северный рукав, происшедший от этого разделения, впадает в Понт так называемым Северным устьем, которое лежит под $56^{\circ}20'$ — $46^{\circ}45'$, а южный опять разделяется под $55^{\circ}40'$ — $46^{\circ}30'$ и южный проток, образовавшийся от этого разделения, впадает в Понт так называемым Наракийским устьем, которое находится под $56^{\circ}10'$ — $46^{\circ}20'$. А северный снова делится под 56° — $46^{\circ}40'$, и происшедший от этого

¹ В сборнике В. В. Латышева И. П. Цветков избрал второе значение слова *Ψιλόν* — «Пустое». В перипле Арриана это слово переведено как «Узкое». Для унификации таким же должен быть и перевод этого слова у Птолемея.

нового разделения северный проток впадает устьем Псевдостомом, лежащим под $56^{\circ}15'$ — $46^{\circ}40'$; а южный впадает устьем, которое называется Прекрасным и лежит под $56^{\circ}15'$ — $46^{\circ}30'$ » (III, 10, 2).

Переведем координаты Плиния в линейные меры. Зная, что градус широты у него равен 500 стадиям, а градус долготы на нужной нам широте — 344 стадиям [38, с. 179, 181], получим следующие цифры. От устья Тиагола, или Голое, до Северного — 128 стадиев, от Северного до Псевдостома — 50 стадиев, от Псевдостома до Прекрасного — 82 стадия, от Прекрасного до Нарака — 88 стадиев, от Нарака до Священного устья — 70 стадиев. В сумме получается 418 стадиев.

Эти цифры отличаются от данных Арриана и Страбона.

Сравнение различных описаний дельты показывает, что античные авторы указывают разное количество устьев реки. Тимагет и Аполлоний Родосский отмечают три устья; Геродот, Эфор, Псевдо-Скимн, Дионисий, Арриан, Авиен, Клавдисен, Присциан и др. — пять устьев; Плиний Старший — шесть; Страбон, Овидий, Валерий Флакк, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей, Вибий Секвестр, Солин, Аммиан Марцеллин, Аполлинарий Сидоний и др. — семь устьев.

Современные исследователи, рассматривая сведения того или иного автора, отмечают эти противоречия и стараются показать, что именно «их» автор дал правильное описание дельты, а другие приводят ошибочные сведения. Однако такие попытки оправдать «своего» автора и обвинить «чужих» совершенно неправомерны.

Причина указанных расхождений кроется не в ошибке того или иного древнего автора, а в изменениях самой дельты. Ведь дельта Дуная, как и дельты других рек, находится в постоянной эволюции.

Комплексное изучение сведений античных и средневековых авторов, материалов геологических исследований, многочисленных разнообразных карт XIV—XX вв. показывает, что за прошедшие 2,5 тыс. лет дельта реки претерпела существенные изменения. Одно из главных изменений — постепенное перемещение дельты с юга на север. Происходит это в виде отмирания южных рукавов и образования новых, северных. Таким образом, основное русло реки переместилось от южного рукава к северному.

В эллинистическое время основным рукавом реки был Священный. Он находился, как указывает Арриан, в 500 стадиях (около 80 км) севернее Истрии, т. е. в районе

современного Георгиевского русла. В средние века основным рукавом стал — Георгиевский, в XVIII—XIX вв. — Сулинский, а в настоящее время — Килийский.

В свете этой закономерности становится понятным, почему письменные источники указывают разное количество устьев Истра. Каждый из античных авторов отмечает столько устьев, сколько было во времена его источника. Следовательно, все описания дельты абсолютно достоверны.

Выявленная закономерность перемещения дельты Истра с юга на север открывает новые возможности для относительной датировки имеющихся описаний по принципу «больше устьев — позднее источник». Отсюда следует, что наиболее ранние сведения — те, в которых фигурируют три устья. После них идут описания пяти устьев. За ними — сведения о шести устьях. Наиболее поздние данные указывают семь устьев. А при одинаковом количестве устьев более поздними источниками следует считать те, которые уделяют северным устьям больше внимания.

Разумеется, предлагаемый принцип не следует использовать чисто механически, так как здесь возможны исключения, связанные с разным уровнем знакомства с дельтой и другими причинами.

Рассмотрим теперь такой вопрос. В эллинистическое время Священное устье Истра было крайним южным устьем. Отсюда до Истрии целых 500 стадиев (80 км) дельты. Дальше на юг начинался уже высокий коренной берег. Как же Истрия могла существовать в таком отдалении от реки?

В этом плане особый интерес представляют сведения Плиния Старшего. Указав Певкийское устье, остров Певку, Священное русло, через 19 миль поглощаемое большим болотом, географ сообщает: «Из того же русла выше Истриополя образуется озеро окружностью в 63 мили; его называют Гальмирида» (IV, 79).

Здесь ясно указано, что выше города Истрии от Священного русла отделялось на юг в сторону Истрии еще одно русло. Во времена рассматриваемого источника это русло уже заглохло, было подтоплено и превратилось в озеро.

Каким же временем датируются эти сведения? Сравнение описания Плиния с характеристикой дельты другими авторами, образование озера на месте заглохшего рукава, точные измерения в милях показывают, что рассматриваемые сведения относятся к римскому времени и могут быть датированы I в. н. э., т. е. они современны Плинию или немного старше его.

Город Истрия

Итак, в I в. н. э., когда в ходе нимфейской трансгрессии уровень моря приближался к современному, самый южный заглохший рукав Истра был подтоплен и превратился в озеро Гальмирида. Это озеро отождествляется с современным озером Разельм. А существование древнего рукава подтверждается не только материалами геологических исследований, но и современной географической картиной. Остатки этого рукава сохранились до настоящего времени и фиксируются на крупномасштабных картах. А устье этого рукава находилось в районе современного Портицкого устья.

В эллинистическое время, во время пика фанагорийской регрессии, когда уровень моря был на 5—7 м ниже современного, озера Гальмирида еще не существовало. На его месте был самый южный, заглохший к тому времени рукав.

А какова же была географическая ситуация в более ранний период? Зная закономерность перемещения основного русла Истра с юга на север, можно с уверенностью сказать, что в архаическое и классическое время рассматриваемый южный рукав дельты был вполне судоходным. Именно на берегу этого рукава и был основан город Ист-

рия. Древнегреческие переселенцы обосновались на сравнительно возвышенном мысу, выделяющемся среди низменного коренного берега придунайской степи. Их главным стремлением было поселиться в устье Истра — этой крупнейшей водной артерии, которая давала возможность наладить торговые связи с глубинными районами Фракии и Скифии.

Эта цель первопоселенцев была достигнута. Выгодное географическое положение Истрии обеспечило тесные экономические связи как с другими древнегреческими центрами, так и с местным населением. Город быстро развивался и процветал.

Но в эллинистическое время южный рукав постепенно обмелел и стал несудоходным. Торговые связи резко сократились. Это тяжело сказалось на экономике города. Постепенно Истрия пришла в упадок. И у Страбона она названа уже не городом, а городком (*πολίχιον*) (VII, 6, 1).

Таким образом, обмеление южного рукава стало одной из главных причин упадка Истрии. Разумеется, при этом не исключается и определенная роль военно-политических событий. Но коренная причина — в палеогеографических изменениях. Река, определившая местоположение города, давшая ему свое имя, «покинула» его и этим предопределила дальнейшую судьбу: упадок, кризис и превращение из крупного торгового центра в незначительный городок.

Рассмотрим теперь вопрос о топографии города. Среди исследователей широко распространено мнение о том, что «Истрия располагалась на острове или, возможно, на небольшом полуострове в непосредственной близости к морю» [195, с. 39].

Познакомимся с этой местностью детальнее. Возвышенный мыс, на котором расположена Истрия, выдается в озеро Синое, которое представляет собой обособившуюся часть озера Разельм. В напольную сторону мыс постепенно понижается и сливается с покрытой водой, заболоченной низиной, которая тянется несколько километров. А далее уже возвышается холмистая степь. Таким образом, городище действительно со всех сторон окружено водой. А асфальтовая дорога, ведущая к нему, насыпана строителями.

Так выглядит эта местность сегодня. И многие исследователи автоматически переносили наблюдаемую картину на античное время. Но в период фанагорийской регрессии уровень Черного моря был ниже современного, как уже говорилось, на 5—7 м. И рассматриваемая местность выглядела несколько иначе. Низина между мысом и степным плато была обычной измененностью, вполне пригодной для

Экспозиция находок из раскопок города Истрия

земледелия. Следовательно, ни о каком острове или полуострове говорить не приходится.

Озер Синое и Разельм тогда не существовало. На их месте протекал, как уже говорилось, южный рукав Истра. Ближе к устью в этот рукав с юго-запада впадал небольшой приток. Мыс, на котором был основан город, продолжался тогда несколько восточнее. Позже, в результате повышения уровня моря, гавань и нижняя часть Истрии были затоплены. Начавшаяся абразия разрушила и часть мыса.

Приведенная палеогеографическая реконструкция, разумеется, весьма схематична. Для детального восстановления топографии необходимы целенаправленные комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования, в том числе и подводные.

Остров Певка

Описывая дельту Истра, многие античные авторы указывают остров Певку. Познакомимся с основными сведениями об этом острове.

Геродот ничего не говорит о Певке. Сама дельта Истра у него отмечена мимоходом, в связи с рассказом о

строительстве Дарием моста через реку: «И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл прямо к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстояние двух дней плавания от моря, они начали строить мост у горла реки, с которого начинается разветвление устья Истра» (IV, 89).

Аполлоний Родосский, рассказывая о возвращении аргонавтов по Истру, дает уже конкретное представление о рассматриваемом острове: «Ибо рекою Истром образуется некий остров по имени Певка, видом треугольный, широкими сторонами обращенный к берегам, а узким изгибом — к речному руслу; вокруг него разделяются два устья, из которых одно называют Наракон, а другое, крайнее — Прекрасным устьем, здесь Аписирт и колхи быстро устремились вперед; между тем аргонавтыплыли вдаль от вершины острова. Дикие пастухи покинули на лугах свои многочисленные стада из страха перед кораблями, как бы увидев зверей, выходящих из обильного чудовищами моря, ибо до сих пор не видали еще морских судов ни смешанные с фракийцами скифы, ни сигинны, ни гравкении, ни синды, живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине» (IV, 309—325).

А в «Схолиях к Аполлонию "Походу аргонавтов"» читаем: «Эратосфен в III книге "Географии" говорит, что на Истре есть треугольный остров, равный Родосу, и называют его Певкой [Сосновым] вследствие изобилия на нем сосен» (§ 310).

Псевдо-Скимн при описании Истра сообщает: «В нем лежит много обширных, по слухам, островов, из которых один, лежащий между морем и устьями, не менее Родоса; он называется Сосновым (Певка) от множества растущих на нем сосен» (§ 785—789).

Лаконичные, но весьма ценные сведения находим мы у Страбона: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название певкинов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое Священное устье, по которому до Певки сто двадцать стадиев плавания. На нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Тире; седьмое устье отстоит от первого почти на триста стадиев. Между устьями-то и образуются упомянутые островки. Три устья, следу-

щие за Священным, невелики, а остальные гораздо меньше Священного, но больше этих трех» (VII, 3, 15).

Здесь особенно важно указание на то, что до Певки 120 стадиев плавания вверх от Священного устья. Эти слова надо понимать так, что остров тянулся не до самого моря. Последние 120 стадиев занимали, видимо, заболоченные плавни, которые являлись, строго говоря, продолжением острова, но не были пригодны для обитания.

Трудно переоценить сведения Страбона о том, что на острове Певка поселились бастарны, получившие теперь название певкинов. Этот остров, надо полагать, был наиболее удобен для обитания. Конечно, по сравнению с коренным берегом жители испытывали здесь немало неудобств: сырость, обилие комаров, змей, нередкие наводнения и т. д. Но были и большие выгоды: плодородные земли, богатые пастбища, охотничьи угодья, условия для рыболовства. А главное преимущество — почти полная безопасность островитян за столь серьезной водной преградой. Ведь ради такого спокойствия можно было и поступиться и некоторыми удобствами, особенно в тревожные времена. А обетановка в Нижнем Подунавье была сложной. Об этом убедительно свидетельствуют слова Страбона о том, что геты и трибаллы «принуждены совершать переселения, вследствие того что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на *се островах* (курсив мой.— М. А.), или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13).

Это главное преимущество Певки наглядно доказывает неудачная попытка Александра Македонского захватить остров. Страбон рассказывает об этом следующее: «Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом, вторгшись в землю трибаллов и увидев, что их область простирается до Истра и находящегося на нем острова Певка, а за рекой живут геты, дошел, как говорят, до берега реки; вследствие недостатка в судах он не мог высадиться на остров, тем более что туда бежал царь трибаллов Сирм и оказал сопротивление этому предпринятию» (VII, 3, 8).

Подробнее об этих событиях можно узнать из произведения Арриана «Поход Александра». Автор пишет: «Сирм, царь трибаллов, давно зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибаллов к Истру, велев им переправиться на один из островов на Истре. Остров этот на-

звался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибаллами; туда же бежал со своими и царь Сирм...

На Истре он (Александр.— М. А.) застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Эвксинскому морю и по реке. Посадив в них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибаллы, и попытался высадиться, но всюду, где ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно» (I, 2—3).

Так остров Певка спас трибаллов и фракийцев от поражения. А Александр Македонский потерпел неудачу.

В этой информации особенно важны сведения о крутых берегах Певки и о стремительном течении Священного рукава. Как понимать слова о крутых берегах дельтового острова? Сам остров возвышался над урезом воды, надо полагать, на несколько метров. Кроме того, следует учесть, что в дельтах рек русла обычно создают вдольбереговые валы. Они делали берег выше и круче. А для военных парусно-весельных кораблей эллинистического времени такие берега были довольно крутыми.

Важно также отметить, что в некоторых источниках Певка названа городом. В разных схолиях, адресованных Лукану, известному римскому поэту, племяннику Сенеки, читаем о Певке, что это — «государство, расположенное над морем ... обрызгиваемое глубоким... Город Европы на конце Понта, омываемый одним устьем из 7 устьев Истра» (III, 202). А Юлий Гонорий в «Описании мира» сообщает, что рска Данубий «образует продолговатую округлость, которая заключает в себе город Певку. Из этой речной округлости выходят семь рукавов, впадающие в Понт» (А. 24).

Некоторые исследователи полагали, что Певка названа городом ошибочно (ВДИ, 1949, № 2, с. 331, примеч. 5). На мой взгляд, у нас нет достаточных оснований видеть здесь ошибку, тем более у двух разных авторов. Было бы правильнее считать, что во времена рассматриваемых источников на острове Певка существовало довольно крупное поселение, которое называли даже городом.

Несколько слов о происхождении названия острова. Как указывает Эратосфен и Псевдо-Скимн, название Певка, т. е. Сосновый, связано с множеством растущих здесь

сосен. Такое объяснение вполне убедительно и не вызывает никаких сомнений. Но в более поздних источниках этот вопрос приобретает мифологическую окраску. Так, например, в «Монтенессуланских схолиях» к Лукану говорится о том, что «Истр сильно полюбил нимфу Певку, про которую мы знаем, что она была превращена в остров» (III, 202).

Где же находился остров Певка? Аполлоний Родосский помещает его между Нараком и Прекрасным устьем, Страбон, Плиний и Птолемей — между Священным устьем и Нараком (правда, у Страбона нет названия второго устья, но им может быть только Нарак). А остальные авторы просто указывают, что остров Певка расположен между устьями Истра. А византийский составитель «Хрестоматии из "Географии" Страбона» помещает этот остров «от Священного, самого южного устья Истра, до самого северного, которое служит основанием Певки» (из кн. VII).

Анализируя эти сведения, Ф. К. Брун пришел к выводу, что название Певка применялось в широком и узком смысле: в ранний период так называлась вся дельта, а позднее, после близкого ознакомления с ней — только один, самый большой ее остров, расположенный между Священным устьем и Нараком [45, ч. 1, с. 57]. М. В. Скржинская, ссылаясь на этот вывод, обращает внимание на сравнение Эратосфеном Певки по величине с Родосом и отмечает, что «в устье Дуная трудно представить остров подобной величины» [230, с. 117].

С этими выводами трудно не согласиться. Окружность Родоса равна, как сообщает Страбон (XIV, 2, 10), 920 стадиям. Примерно такой же была в соответствии с указанным сравнением и окружность Певки. При треугольной форме острова его сторона должна равняться приблизительно 300 стадиям. А длина всей дельты равнялась, по Страбону (VII, 3, 15), почти 300 стадиям, а по Арриану — 280 стадиям (§ 35 краткого перипла, § 93 полного перипла). Следовательно, при подобном сравнении под Певкой подразумевается, бесспорно, вся дельта.

Постепенно, по мере ознакомления древнегреческих мореплавателей с дельтой Истра название Певка закреплялось за ее южной частью. Один из таких промежуточных этапов отражен в «Монтенессуланских схолиях» к Лукану, где сказано, что «Истр разделяется на много рукавов, откуда один рукав бежит по самому острову Певке» (III, 202). И в последние века до нашей эры название Певка

прочно закрепилось за обширным дельтовым островом между Священным устьем и Наракком.

Согласно современным геологическим исследованиям, остров Певка находился на месте гряды Сэрэтуриле [195, с. 157]. Комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования в этом районе позволяют уточнить конфигурацию острова, его топографию, изучить существовавшие здесь поселения, наиболее крупное из которых, видимо, называлось, даже городом Певка.

Переправа через Истр

Первое упоминание о переправе через Истр мы находим у Геродота. Рассказав о переправе войск Дария через Боспор Фракийский, «отец истории» продолжает: «И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл прямо к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстояние двух дней плавания от моря, они начали строить мост у горла реки, с которого начинается разветвление устья Истра» (IV, 89).

Как мы видим, место переправы указано довольно конкретно — шея дельты реки. Это наиболее удобное место для строительства понтонного моста через реку. В настоящее время основное русло Дуная начинается разветвляться на рукава между современными румынскими городами Исакча и Тульча. В этом же районе разветвлялась дельта реки и в античное время. На этом последнем отрезке течения основного русла именно на район Исакчи приходится наибольшее сужение долины реки. Здесь наиболее удобны и подступы к реке как с правого берега, так и с левого. Это обстоятельство особенно важно при переправе огромного войска.

Но Страбон локализует мост Дария совсем в другом месте. Описывая дельту Истра и остров Певку, географ сообщает: «... на нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней» (VII, 3; 15).

Однако понтонный мост никак не мог быть построен на острове Певка. Это противоречит как предельно ясным, не вызывающим никакого сомнения сведениям Геродота, так и всякому здравому смыслу. Ведь в таком случае должны были быть, как минимум, две части моста: одна от правого берега к острову, вторая — от острова к левому берегу.

Чем же объясняется такая неточность? На мой взгляд, Страбон неправильно понял свой источник и поэтому неточно указал место переправы Дария.

Сохранились также интересные сведения о переправе через Истр Александра Македонского. Арриан в своем произведении «Поход Александра», рассказав о неудачной попытке македонского войска овладеть островом Певка, продолжает: «Тогда Александр отвел свои суда и решил переправиться через Истр, чтобы напасть на гетов, живущих за Истром; он видел, что они во множестве собираются на берегу Истра, рассчитывая помешать его переправе (всадников у них было около 4000, а пеших воинов больше 10 000). К тому же ему очень хотелось побывать на той стороне. Он сам сел на корабль, велел набить сеном меха, из которых делали палатки, и собрал тут же челноки, выдолбленные из одного дерева (их было великое множество, потому что береговое население ловит на Истре рыбу с этих челноков, ездит на них по реке друг к другу, и многие на них же занимаются разбоем). Собрав как можно больше этих челноков, он переправил на них столько войска, сколько было возможно при таких средствах переправы. Перешло с Александром тысячи полторы всадников и около 4000 пехотинцев.

Переправившись ночью в том месте, где росли густые хлеба, за которыми и не видно было людей, подбиравшихся к берегу, на рассвете Александр повел пехоту через хлеба, приказав воинам держать сарисы наперекос и раздвигать колосья, пригибая их. Так они вышли на пространство необработанное. Всадники следовали сзади, пока фаланга не прошла через хлеба. Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло, а Никанору велел построить пехоту вытянутым прямоугольником. Геты не выдержали и первого натиска всадников; невероятной казалась им дерзость Александра, который так легко, в одну ночь, не наведя мостов, переправился через величайшую из рек, ужасной — сомкнутая фаланга, неистовым — натиск всадников. Сначала они бросились в свой город, отстоявший от Истра примерно на парасангу. Когда же они увидели, что Александр спешит со своей пехотой, идя вдоль реки, чтобы не оказаться пехоте в кольце и не попасть в ловушку, устроенную гетами, а всадники едут впереди, геты оставили свой плохо укрепленный город, забрав с собой на лошадях столько детей и женщин, сколько лошади могли увезти: они устремились как можно дальше от реки в пустынные степи. Александр овладел городом и всем, что оставили геты. Он велел Мелеагру и Филиппу переправить эту добычу, сам же разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу-Спасителю, Гераклу

и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться. Еще засветло он привел всех целыми и невредимыми в лагерь» (I, 3—4).

В этом обширном отрывке особый интерес для нас представляется в связи с вопросом о переправе фраза: «Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло». Эти слова ясно показывают, что войско двигалось *вверх* вдоль реки. Правое крыло, куда выдвинулась конница, было обращение в сторону степи, где находился город гетов, а левое крыло — к реке. следовательно, направлялись они *вверх* по течению реки.

Город гетов — это, конечно же, городище у с. Орловка, расположенное на так называемой Каменной горе на берегу озера Кагул.

Следовательно, Александр переправился через реку где-то ниже Орловки, надо полагать, в 5—6 км от городища. Это расстояние приводит нас в район с. Новосельское. Несколько лет назад здесь был найден фрагмент каменной плиты с сохранившейся частью надписи римского времени, где говорится о существовавшей тут переправе [97, с. 34]. А по многочисленным сообщениям местных жителей во время понижения уровня Дуная в воде просматриваются каменные кладки, которые исследователи связывают с древней переправой [97, с. 34—35].

Необходимо подчеркнуть, что в этом районе традиционно существовала переправа через Дунай в средние века, новое и новейшее время.

Таким образом, вышеизложенные данные достаточно убедительно показывают, что античная переправа через Истр находилась именно в районе Исакча — Новосельское. Это позволяет прийти к выводу о том, что упомянутый район весьма перспективен для комплексных подводных историко-археологических и палеогеографических исследований.

Отмель Стефы

С устьями Истра связана и проблема отмели Стефы. Полибий в своей «Всеобщей истории», излагая теорию обмеления Понта Эвксинского, сообщает об этой отмели следующее: «Так, Истр, протекая по Европе, впадает в Понт несколькими устьями, то перед ним на расстоянии дня пути от материка образовалась коса почти в тысячу стадий длиною из наносимого устьями ила; моряки, плывущие еще по открытому морю в Понте, иногда ночью незаметно набега-

ют на нее и разбивают корабли; эти места называют Стефами» (IV, 41, 1—2).

Упоминает эту отмель и Страбон «С течением времени весь Понт может быть занесен илом, если сохранятся подобные течения: ведь и теперь уже имеет вид болота часть левой стороны Понта, именно Салмидесс, называемые у моряков Грудями местности у Истра, и Скифская пустыня» (I, 3, 4). Далее географ подчеркивает: «Заносы ила образуются у самых устьев рек, как, например, у устьев Истра так называемые Груды, Скифская пустыня и Салмидесс» (1, 3, 7).

Как мы видим, отмель Стефы, что в переводе означает Груды, находилась перед дельтой Истра и своим происхождением обязана речным устьям. Источники говорят об этом совершенно ясно и однозначно. Тем не менее этот вопрос долгое время оставался нерешенным и вызывал споры среди исследователей (подробно см.: [12, с. 44—50]).

Где же находились Стефы? Ведь сегодня в районе дунайской дельты описываемой отмели нет. Но это не значит, что ее не было в античное время.

В результате многолетних геологических исследований советскими и румынскими учеными установлено, что за прошедшие 2,5 тыс. лет дельта реки претерпела существенные изменения. Один аспект происшедших изменений мы уже рассмотрели. Это — перемещение основного русла от южного рукава к северному. Второй аспект связан с выдвиганием дельты в сторону моря за счет выноса ила устьями ила. Заметим, что Дунай — очень мутная река и ежегодно выносит в море около 1200 млн т твердых наносов и растворенных минеральных веществ [203, с. 41]. За счет этих наносов и увеличивается площадь дельты.

Как же выглядела дельта Истра в античное время? Исследования показывают, что «около двух тысяч лет назад основная часть территории современной дельты представляла собой залив, отгороженный узкой косой, простирающейся по линии западной границы гряд Жебрианской, Летя и Караорман» [195, с. 266 (послесловие Я. Д. Никифорова)]. Иными словами, в указанный период по внешнему краю современной дельты более чем на 150 км протянулась узкая коса. А граница древней дельты проходила намного западнее. Определить ее примерное положение нам помогает передаваемое Псевдо-Скимном указание на то, что лежащий перед дельтой остров Ахилла, современный

Змеинный, отстоит от земли на 400 стадиев (§ 796). Если считать, что здесь использован стадий в 157,7 м, указанные 400 стадиев составляют 63 км. А сейчас наименьшее расстояние от Змеиног острова до внешнего края дельты равно 34 км. Следовательно, за прошедший период Дунай выдвинулся в море, как минимум, на 29 км. Максимальная же цифра намного больше.

Совершенно очевидно, что за прошедшие 2,5 тыс. лет Дунай выдвинулся в море на несколько десятков километров, в результате чего рассматриваемая отмель стала частью дельты.

Таким образом, письменные и геологические данные свидетельствуют о том, что в древнегреческий период в Понте перед устьями Истра почти на тысячу стадиев (около 170 км, так как стадий Полибия равен 177,6 м) вытянулась узкая отмель, сформировавшаяся из наносимого рекой ила. Это отмель выступила из воды в период фанагорийской регрессии, когда уровень моря понизился до отметки минус 5—7 м. Тогда на всем побережье моря, особенно на мелководье, обнажились прибрежные илы. Именно это дало основания Страбону отметить, что Скифская пустыня, район Истра и Салмидесс «имеют вид болота». Обнажившаяся отмель не простиралась сплошной лентой, а выступала из воды прерывистой цепочкой, напоминающая женские груди. Отсюда и ее название — Стефы, т. е. Груды.

В результате повышения уровня моря отмель Стефы была постепенно подтоплена и перекрыта новыми отложениями. За прошедшие столетия дельта Дуная наполнила выносами прибрежную часть моря и слилась с древней отмелью. В настоящее время отмель Стефы лежит в основании внешнего края современной дельты Дуная. Этот район весьма перспективен для комплексных подводных историко-археологических и палеогеографических исследований.

Коснемся теперь вопроса о датировке рассматриваемых источников. Судя по описываемой географической ситуации, сведения Полибия и Страбона отражают период пика фанагорийской регрессии. Согласно кривой изменения уровня Черного моря, этот пик приходится на V—III вв. до н. э. После этого начинается повышение уровня моря, так называемая нимфейская трансгрессия. Сопоставление имеющихся данных показывает, что наиболее вероятное время, к которому можно отнести сведения об отмели Стефы, — III в. до н. э.

Полибий и Страбон пользовались, надо полагать, разными, не зависимыми друг от друга источниками. Восходят ли эти источники к Стратону, как предполагает Ф. Уолбэнк, выяснить невозможно. Ясно только, что Страбон, в отличие от Полибия, располагал совсем краткой информацией об отмели Стефы. Иначе он не преминул бы подробнее охарактеризовать эту отмель при описании дельты Истра, тем более что такая информация крайне важна для мореплавателей.

Сведения о Стсфах отсутствуют в произведениях других античных историков и географов. Это свидетельствует о том, что опасная для моряков отмель существовала недолго и не успела покрыть себя печальной славой.

Остров Левка

Остров Левка, т. е. Белый, называемый также островом Ахилла, упоминается многими античными авторами. Столь широкой популярностью остров обязан культу Ахилла, который, согласно мифам, поселился здесь в своей загробной жизни. Остров лежал на пути древних мореходов в Северное Причерноморье в очень удобном месте. Для захода сюда не нужно было делать лишний крюк. Даже наоборот: прямой маршрут через остров короче вдольберегового. С развитием культа Ахилла Понтарха, т. е. владыки Понта Эвксинского, и строительством на острове храма Ахилла многие мореплаватели заходили сюда, чтобы принести жертву Ахиллу в надежде на счастливое плавание или в благодарность за спасение.

С точки зрения мореплавания остров не представлял собой ничего примечательного. Этот крошечный клочок скалистой суши затерялся далеко в море. От берега он отстоял, по данным Деметрия Каллатийского, как уже говорилось, на 400 стадиев, т. е. на 63 км, и не был виден оттуда. Окружность его равнялась, как указывает в «Описании Эллады» Павсаний (III, 19, 11), 20 стадиям, т. е. примерно 3 км. Здесь не было ни удобной бухты, ни возможностей для сколько-нибудь серьезного ремонта. В лучшем случае возле острова под его укрытием можно было отстояться на якорю во время шторма.

В настоящее время наибольшая длина острова (настоящее сейчас название — Змеиный) — 640 м, окружность — чуть более 2 км, высота берега достигает до 40 м. Следовательно, площадь острова за прошедшие 2,5 тыс. лет уменьшилась, как минимум, в 1,5 раза. Следы разрушительных

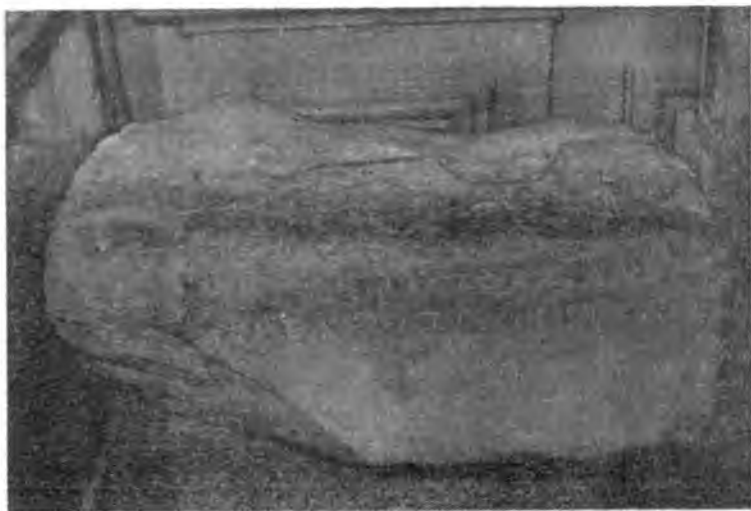

Остров Ахилла. Карта-схема и археологические находки из раскопок храма

сил стихии хорошо видны. Подводные склоны Змеиного острова усеяны обрушившимися в море глыбами, плитами, камнями различной формы и величины.

Коснемся теперь вопроса о пещерах на острове. Н. В. Пятышева предполагала наличие здесь карстовых пещер, которые жрецы храма использовали как тайники, куда прятали от пиратов статуи богов и драгоценности [208, с. 62—63]. Такие своего рода пещеры вполне могли образоваться в результате трещин. Ведь и сегодня в каменном теле острова имеются довольно широкие и глубокие расщелины. Но периодические попытки отыскать древние пещеры не приносят успеха. Они, видимо, большей частью разрушены абразией, а сохранившиеся завалены обрушившимися плитами и глыбами. При их поисках необходимо учитывать, что уровень моря в период фанагорийской регрессии был на 5—7 м ниже современного. Следовательно, часть пещер-расщелин в настоящее время затоплена. Для их поисков необходимы целенаправленные подводные археологические исследования.

В районе острова Змеиного лежит немало затонувших в древности кораблей. Так что подводные исследования здесь могут быть весьма результативными.

Мраморный постамент статуи неизвестного ольвинопольца с надписью, найденный на о. Змеином

Храм Ахилла постигла печальная участь. В средние века он был забыт и брошен.

В поле зрения ученых остров Змеиный попал в начале XIX в. В 1823 г. его осмотрел капитан-лейтенант Критский. В юго-западной части острова на возвышенном месте его взору открылись развалины храма Ахилла: мощный фундамент, кое-где сохранившиеся нижние части стен, валявшиеся мраморные карнизы, капители, базы и барабаны каннелюрованных колонн. Критский составил план острова, нанес на него развалины храма. Этот план был опубликован в 1826 г. в обширной статье, посвященной острову Ахилла [330].

А в 1841 г. перед членами экспедиции Одесского общества истории и древностей под руководством Н. Н. Мурзакевича открылась чудовищная картина. На упомянутой возвышенности стояли «...груды камня, сложенные в кубические сажени, и этот камень был остаток храма Ахиллова» [175, с. 554]. Оказалось, что подрядчик, взявшийся за строительство маяка на острове, превратил развалины храма в каменоломню и самым варварским образом уничтожил ее. Правда, мраморные детали храма были вывезены в Сулину для отправки в Одессу, но их дальнейшие следы затерялись.

А маяк, построенный из камня храма Ахилла, функционирует и сегодня. В связи с ним хочется отметить следующее обстоятельство. Автору неоднократно доводилось слышать, что служащие маяка во время ремонтных работ замечали на некоторых плитах следы, похожие на остатки надписей. Эти сообщения наталкивают на мысль исследовать здание маяка с помощью новейшей рентгеноскопической аппаратуры. Ведь в кладке действительно могут быть плиты с надписями.

В последние годы экспедиция Одесского археологического музея АН УССР под руководством С. Б. Охотникова продолжила исследования на острове как наземные, так и подводные. Будем надеяться, что эти работы принесут новые важные результаты.

Глава 4. Нижнее Поднестрие

Продолжим наше путешествие далее на восток. Между Истром и Тирасом (нынешним Днестром) античные авторы указывают всего лишь несколько незначительных населенных пунктов.

Антифилово поселение

Этот пункт упоминается только в полном перипле Арриана: «От Кремнисков до Антифиловых 330 стадиев. От Антифиловых до так называемого Голого устья Истра 300 стадиев» (§ 89).

Голое устье Истра находилось у современного г. Вилково [4, с. 254]. Город Кремниски, о котором речь пойдет дальше, находился, надо полагать, у современного с. Лебедевка, у устья левого берега озера Бурнас [8, с. 138—143; 12, с. 73—75]. Отсчитав от этих районов указанные 300 стадиев (47 км) и 330 стадиев (52 км), приходим к верховьям довольно большого и глубокого озера Сасык.

Озеро Сасык, бесспорно, существовало в античное время. Об этом наглядно свидетельствуют данные Страбона о том, что в промежутке между Истром и Тирасом есть «два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что служит и гаванью, а другое не имеет входа» (VII, 3, 15). Указанные «два больших озера» — это современные Сасык и Алибей. В настоящее время озеро Алибей, не имеющее большого речного стока, полностью отгорожено от моря пересыпью, а в пересыпи озера Сасык, имеющего большой речной сток, сохранялось гирло, соединяющее его с морем¹. Аналогичной была ситуация и во времена рассматриваемого источника Страбона. Таким образом, для локализации Антифилова поселения на берегу озера Сасык никаких препятствий нет.

Где же находился этот пункт? Исследователи указывали его в различных точках побережья Сасыка и прилегаю-

¹ Недавно озеро Сасык было полностью отгорожено от моря бетонной дамбой.

щих районов. Но найти какие-либо археологические остатки так и не удалось. Даже самые тщательные археологические разведки последних лет, в том числе и предпринятые автором этой книги, не обнаружили на Сасыке археологического памятника, который можно было бы отождествить с Антифиловым поселением. Это наталкивает на мысль о том, что разыскиваемый пункт разрушен абразией и его остатки находятся на дне озера. Можно предположить, что он находился на правом берегу озера к югу от Татарбунар у с. Глубокое, которое раньше называлось Эскиполис, т. е. древний город. Не развалины ли Антифилова поселения определили это название?

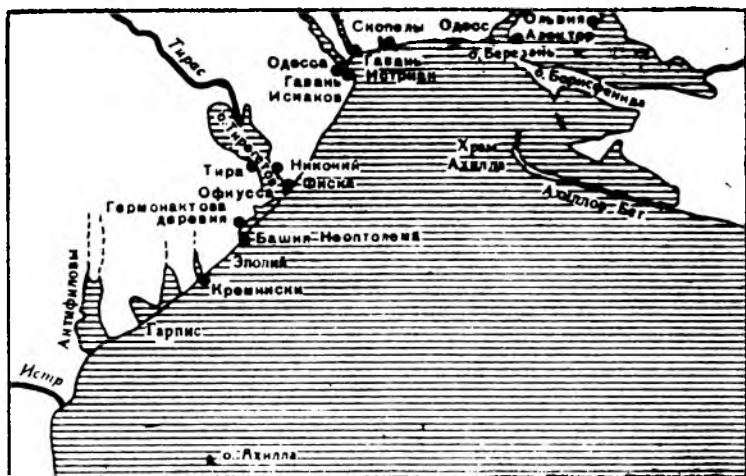
Город Гарпис

Город Гарпис упоминается только у Клавдия Птолемея. По его данным, Гарпис находился западнее Гермонактовой деревни под координатами $56^{\circ} - 47^{\circ}15'$ (III, 10, 70). Пересчет координат в линейные меры показывает, что Гарпис был отдален от Гермонактовой деревни примерно на 150 стадиев (28 км). Гермонактова деревня, о которой речь пойдет дальше, локализована на берегу Будацкого лимана у Косовка. Указанное расстояние приводит нас отсюда в район озера Бурнас. Где-то здесь, надо полагать, и находился Гарпис. Точно локализовать его на основании имеющихся данных не представляется возможным. Для его поисков необходимы целенаправленные археологические исследования в этом районе.

Город Кремниски

Город Кремниски указан в полном перипле Арриана и в «Естественной истории» Плиния Старшего. Последний лишь кратко отмечает: «За Истром же находятся города Кремниски, Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира...» (IV, 82). Арриан же дает точную привязку: «От реки Тиры до Неоптолемовых 120 стадиев; от Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадиев; географ же Артемидор говорит, что от реки Тиры до Кремнисков 480 стадиев» (§ 89).

Это — один из нескольких случаев, когда Арриан указывает использованный источник — Артемидор. Но здесь налицо явное расхождение. Основной источник Арриана определяет расстояние от устья Тиры до Кремнисков в 240 стадиев, Артемидор же — в 480 стадиев. Но это не значит,

Северо-Западное Причерноморье в античное время

что авторы помещают Кремниски в разных местах. Причина расхождений в том, что расстояние до этого города измерено по разным маршрутам и от разных устьев Тириса.

Башня Неоптолема (Неоптолемовы) локализована, как мы увидим далее, у с. Приморское. Измеренные отсюда 120 стадиев (19 км) приводят к левому берегу устья озера Бурнас, у которого раскинулось современное с. Лебедевка. Но на коренном берегу здесь нет никаких следов античного поселения. Построенная палеогеографическая реконструкция показала, что в античное время этот район выглядел иначе. В период фанаторийской регрессии при отметке минус 5 м современного озера Бурнас не существовало, на его месте была долина реки, а берег моря проходил примерно в километре мористее. Подводные археологические разведки показали, что здесь на древнем мысу существовало поселение эллинистического времени. По всей вероятности, это и есть остатки города Кремниски [8, с. 142—143; 12, с. 74—75].

Кремниски, надо полагать, были основаны на высоком мысу. Об этом говорит и само название, в переводе означающее «Крутогорск». Будучи небольшим населенным пунктом, Кремниски просуществовали, видимо, дольше соседних поселений, упомянутых вместе с ними в перипле эллинистического времени, так как указаны в более позднем источнике Плиния и названы даже городом.

С повышением уровня моря в результате абразии развалины города были полностью уничтожены и затоплены. Непереотложенный культурный слой здесь едва ли мог сохраниться. Но для сбора подъемного материала, среди которого возможны отдельные достаточно хорошо сохранившиеся находки, все же необходимы целенаправленные подводные археологические разведки.

Город Эполий

Город Эполий упоминает только Плиний Старший (IV, 82). По его данным, этот пункт находился где-то восточнее города Кремниски. Этих данных явно недостаточно для точной локализации Эполия, находившегося где-то между мысом Бурнас и устьем Днестровского лимана.

Макрокремские горы

Макрокремские горы — это высокий обрывистый берег между мысами Бурнас и Будаки. Этот участок морского берега резко возвышается по сравнению с соседними низменными участками озера Бурнас с запада и Будацкого лимана с востока и обращает на себя внимание мореплавателя.

Перейдем теперь непосредственно к району современного Днестровского лимана.

Нижнему Поднестровью античные авторы уделяют сравнительно много внимания. Их лаконичные сведения насыщены чрезвычайно важной информацией. Однако многие сообщения долгое время вызвали оживленные споры и дискуссии. Дело в том, что в сведениях античных авторов об этом районе имеется немало противоречий, расхождений в расстояниях и несоответствий с современной географией. Современные исследователи объясняли это обычно ошибками древних географов. Но причина оказалась в другом.

Комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования показали, что в античное время рассматриваемый район выглядел совсем по-другому. Современного Днестровского лимана тогда не существовало. На его месте была дельта реки из двух рукавов, между которыми раскинулся обширный дельтовый остров. Основное устье реки в ранний период находилось у с. Приморское. Примерно в конце IV — начале III в. до н. э. оно переместилось километров на двадцать восточнее, в район совре-

менного с. Затока. С повышением уровня моря дельта реки была затоплена и на ее месте заплескались волны образовавшегося лимана [5, с. 116—122; 9, с. 114—116; 12, с. 64—67, 81—86, 95—101, 111—112].

Таковы вкратце основные положения полученной палеогеографической реконструкции. Как мы видим, за прошедшие тысячелетия здесь произошли значительные географические изменения. Именно они стали основной причиной противоречий, расхождений, несоответствий в сведениях античных авторов.

Комплексное изучение письменных, археологических и палеогеографических источников позволило правильно понять сведения античных авторов и локализовать указываемые в них населенные пункты.

Башня Неоптолема

Страбон указывает этот пункт «при устье Тиры» (VII, 3, 16), а Арриан в полном перипле — в 120 стадиях (19 км) западнее устья Тиры (§ 89). Расхождение в источниках — кажущееся. Дело в том, что под «устьем Тиры» источник Страбона имеет в виду устье у с. Приморского, а источник Арриана — устье у с. Затока. Но локализуемый пункт они помещают в одном и том же месте — в районе современного с. Приморское.

Как показывает палеогеографическая реконструкция, в период фанаторийской регрессии берег моря проходил здесь примерно в 1 км мористее. В ранний период здесь выходило в море основное устье Тиры. Примерно в конце IV — начале III до н. э. оно переместилось приблизительно на 20 км восточнее, в район современного с. Затока.

Башня Неоптолема находилась, надо полагать, на высоком мысу в месте впадения в море и служила маяком, указывающим вход в довольно сложный фарватер [5, с. 122—123; 12, с. 67—69]. Для поисков ее остатков необходимы целенаправленные подводные археологические исследования с применением новейшей специальной аппаратуры.

Названа была башня, надо полагать, в честь Неоптолема, сына владыки Понта Эвксинского — Ахилла Понтарха.

Гермонактова деревня

Страбон указывает этот пункт вместе с башней Неоптолема при устье Тиры (IV, 3, 16). А Птолемей помещает Гермонактову деревню под координатами 56°15' — 47°30'

(III, 10, 7), т. е. примерно в 90 стадиях (16,5 км) к западу от устья Тирь. Расхождение источников здесь, как и в случае с башней Неоптолема,— кажущееся. В первом случае под «устьем Тирь» имеется в виду устье у с. Приморское, а во втором — устье у с. Затока.

На основе имеющихся данных Гермонактова деревня отождествляется с поселением IV—III вв. до н. э. на берегу Будаковского лимана у с. Косовка [5, с. 122—123; 12, с. 69—70].

Личность Гермонакта, именем которого названа деревня, остается неизвестной.

Город Фиска

Этот пункт указывает только Клавдий Птолемей. Он помещает Фиску под координатами $56^{\circ}40'$ — $47^{\circ}40'$ (III, 10, 7), т. е. примерно в 112 стадиях (20,7 км) восточнее устья Тирь, находившегося у с. Затока. Это расстояние приводит нас к левому берегу устья Днестровского лимана, где расположено издавна известное Каролино-Бугазское городище. Именно оно и отождествляется с городом Фиска [7, с. 118—125; 12, с. 70—73].

Город Никоний

Псевдо-Скилак лишь кратко называет реку Тирис, город Никоний, город Офиуссу (§ 68).

Страбон посвящает Нижнему Поднепровью весьма лаконичный, но очень информативный отрывок, особенно вызывавший оживленные споры исследователей: «При устье Тирь находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обеих сторонах встретятся города: один Никония, а другой слева — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город» (VII, 3, 16).

Всесторонний анализ этого отрывка показывает, что он состоит из двух одновременных источников, в которых расстояния измерены от разных устьев Тирь, причем — разными стадиями, а под «рекой» фигурируют ее разные рукава [12, с. 95—97; 7, с. 134—137].

В первой части отрывка, где указаны башня Неоптолема, Гермонактова деревня, Никоний и Офиусса, под «усть-

Находки из Никонии

ем Тиры» подразумевается устье у с. Приморское. Отсюда измерены приведенные 140 стадиев до Никония, развалины которого находятся, как известно, на левом берегу Днестровского лимана, у северной окраины с. Роксоланы. Это расстояние составляет 26 км. Следовательно, при измерении здесь использован стадий, равный 185 м. Никоний был расположен на коренном берегу левого рукава реки. Именно этот рукав и фигурирует под «рекой».

Во второй части отрывка под «городом», название которого не приводится, имеется в виду Тира. Во времена этого, более позднего источника, она оставалась единственным крупным центром в округе и местные жители называли ее просто городом. И все понимали, что речь идет о Тире. Расстояние от устья реки до Тиры определено в 120 стадиев, тогда как она расположена выше Никония, до которого указано 140 стадиев. Одно это сравнение уже показывает, что здесь, в отличие от первой части, фигурирует другое устье — у с. Затока, что и подтверждают конкретные измерения. Расстояние от развалин Тиры до с. Затоки составляет 19 км. Следовательно, в этом случае фигурирует стадий в 157,7 м. Тира находилась на коренном берегу правого рукава реки. Несомненно, что под «рекой» здесь подразумевается уже не левый рукав, как в первой части отрывка, а правый.

Арриан в полном перипле сообщает: «...от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев» (§ 87).

Указанные 300 стадиев (47 км) приводят нас от Приморского бульвара современной Одессы, где находилась гавань исиаков, именно к северной окраине с. Роксоланы, где был расположен Никоний.

Куда же ведут последующие 30 стадиев (около 5 км), «от местечка Никония до судоходной реки Тиры?» Правильно понять этот отрывок также помогла палеогеографическая реконструкция. Здесь указано расстояние от Никония не до устья реки, как считали одни исследователи, и не до города Тиры, как полагали другие, допуская порчу текста, а до *судоходной* реки Тиры, т. е. до ее западного рукава, из чего следует, что восточный рукав реки, на котором лежал Никоний, ко времени источника, относящегося, видимо, к III в. до н. э., стал несудоходным [5, с. 121].

Обмеление левого рукава в результате гидрологических изменений привело к резкому сокращению торговых связей, что стало одной из основных причин упадка и захирения Никония [6, с. 17—18]. И назван он уже не городом, как в предыдущих источниках, а местечком.

Существование двух рукавов Тиры и перемещение ее основного устья внесли определенную путаницу и в работу Птолемея. Имея в своем распоряжении источники, отражающие две разные географические ситуации, он «привязал» все населенные пункты к одному устью — устью у с. Приморское. В результате Нижнее Поднестрие получилось у него «растянутым», а междуречье Дуная и Днестра, наоборот, «сжатым» [7, с. 122—123; 12, с. 107]. Поэтому координаты Никония, Офиуссы и Тиры искажены.

Несколько слов о топографии Никония. Город был основан на высоком коренном берегу левого рукава реки. Вероятно, он состоял из нижнего, террасного и верхнего города. С образованием лимана остатки гавани, портовых сооружений и нижнего города были затоплены. Начавшаяся абразия постепенно разрушила террасный город и часть верхнего города. В результате лиманом уничтожено не менее 2 га территории Никония. Сохранившаяся площадь равна 3,8 га. Следовательно, территория города составляла не менее 6 га.

В 1975 г. автором настоящей книги были проведены небольшие подводные исследования в Никонии: изучено дно лимана в прилегающей к городищу части, собраны обломки амфор и лепной посуды, выполнены буровые работы.

Результаты исследований показали, что берег левого рукава реки, на котором находился город, проходил не менее чем в 200 м от современного берега лимана. Вдоль берега городище тянется примерно на 100 м. Отсюда получим, что затопленная площадь составляет не менее 2 га.

Таким образом, становится ясно, что Никоний раскинулся между южной и северной балками и по длине был вытянут поперек реки. Западная часть города затоплена и разрушена лиманом. Для ее изучения необходимы комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования. Они помогут уточнить западную границу города, местоположение гавани, принцип застройки города, палеогеографическую реконструкцию региона, уровень моря, скорость его повышения, скорость абразии и т. д.

Город Офиусса

Вопрос об Офиуссе — один из самых сложных и запутанных. По образному выражению В. И. Гошкевича, это — «гордиев узел, сплетенный из отдельной от Тиры Офиуссы, нового Тираса и безымянного страбонова города на берегу р. Тиры» [76, с. 183].

Этот вопрос долгое время вызывал острые и продолжительные споры и дискуссии. Одни ученые отождествляли город Офиуссу с городом Тирой. Другие считали Офиуссу самостоятельным, отдельным от Тиры городом и искали его в различных местах Нижнего Поднепровья, но так и не нашли.

Комплексный анализ письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников, всестороннее изучение мнений моих предшественников позволили мне выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что Офиусса была основана в VI в. до н. э. на дельтовом острове между двумя рукавами Тиры, а через некоторое время, в V в. до н. э., перенесена на правый коренной берег и переименована в Тиру [7, с. 128—138; 12, с. 87—101].

Эта гипотеза полностью согласуется с имеющимися данными, снимает кажущиеся противоречия в источниках, объясняет некоторые неясности.

Конфигурация дельты показывает, что сведения Страбона не могут быть истолкованы иначе. Ранний источник первой части рассмотренного выше отрывка сообщает, что Никоний и Офиусса находились в 140 стадиях от устья. Представим себе эту ситуацию. Пройдя мимо башни Нео-

птолема и Гермонактовой деревни, корабль зашел в левый рукав реки и поднялся на 140 стадиев от устья. Справа от мореплавателя, на высоком коренном берегу лежал Никокий. Слева, т. е. на острове, должна была находиться Офиусса. Там и следует искать ее.

Островное положение Офиуссы подтверждается и ее названием, которое в переводе означает «Змеинный остров». Оно аналогично названиям островов Питиусса, Питекусса, Гидрусса, Элеусса, Аргинусса и др. Происхождение и трактовка этих названий не вызывает никаких сомнений: вторая часть слова — «усса» — означает «остров», а первая — его личное название. Например, относительно Питиуссы Страбон ясно сообщает: «Остров назывался также Питиуссой от названия дерева» (IX, 1, 9). Иными словами, название «Питиусса» означает «Сосновый остров».

Показательно также, что в древнегреческом мире известно около десяти Офиусс. И все они находились, конечно же, на островах. Почему же рассматриваемая Офиусса должна быть исключением? Город с названием «Змеинный остров», несомненно, должен стоять на острове.

Такова вкратце выдвинутая более десяти лет назад гипотеза. Она не встретила сколько-нибудь серьезных возражений и принята рядом исследователей.

Наиболее требовательным моим оппонентом в этом вопросе был П. О. Карышковский, но и он не мог привести достаточно убедительных контрдоводов. В совместно написанной монографии П. О. Карышковского и И. Б. Клеймана после довольно подробного рассмотрения гипотезы об Офиуссе, изложенной тогда только в статье, высказаны лишь общие сомнения и в итоге отмечено, что «трудно безоговорочно согласиться с фактом существования Офиуссы» [123, с. 17]. После написания статьи гипотеза об Офиуссе была развита автором настоящей книги в кандидатской диссертации и рассмотрена на более широком фоне, с привлечением новых историко-географических данных и результатов подводных археологических разведок. П. О. Карышковский в официальном отзыве на диссертацию и в личном письме от 11.01.1985 г. принял гипотезу о существовании Офиуссы на дельтовом острове, перенесении ее на коренной берег и переименовании в Тиру.

Ю. Г. Виноградов, проводя аналогию с Березанским поселением, которое служило эмпорием Ольвийского государства, предполагает, что «и Офиусса со временем могла превратиться в эмпорий (хотя и недолговечный) Тирасского полиса» [54, с. 374]. В таком случае получается, что

какой-то период Офиусса и Тира существовали одновременно.

Но гипотеза все же остается гипотезой. И пока не обнаружены развалины Офиуссы, всегда найдутся скептики, продолжающие по инерции отождествлять Офиуссу с Тирой.

Найти Офиуссу можно только в результате целенаправленных подводных археологических исследований с использованием новейшей гидролокационной аппаратуры и грунтососной техники. Такие исследования, несомненно, дадут новые, крайне интересные и принципиально важные материалы, которые помогут решению целого ряда историко-археологических и геолого-географических проблем. Общий ориентир района поисков — средняя часть Днестровского лимана западнее — северозападнее Никония.

Город Тира

Геродот при описании Нижнего Поднестровья не указывает никаких конкретных населенных пунктов, а только сообщает: «У устья Тираса обитают греки, которые называются тириты» (IV, 51). Однако некоторые исследования ошибочно полагают, что здесь назван город Тира.

Но в середине V в. до н. э. в низовьях реки, бесспорно, уже существовали оформившиеся городские центры — Никоний и Офиусса. Отсутствие у Геродота упоминаний о них можно объяснить тем, что «отец истории» не располагал конкретными сведениями о Никонии и Офиуссе, да и не ставил своей задачей назвать все существовавшие в Северном Причерноморье античные города.

Первое конкретное упоминание о Тире, этом наиболее крупном античном центре Нижнего Поднестровья, содержится в перизегесе Псевдо-Скимна: «Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит соименный реке город Тира, основанный милетянами» (§ 798—803).

По мнению М. И. Ростовцева, описание побережья от Тиры до Крыма заимствовано у Эфора, а данные о районе Истра взяты у Деметрия [217, с. 28—32]. Но выяснить с полной уверенностью, кому — Эфору или Деметрию — принадлежат сведения, в которых источник не указан, не представляется возможным. Сведения о Тире относятся, надо полагать, к эллинистическому времени.

Весьма показательны, что Арриан в полном перипле практически целиком приводит процитированный отрывок Псевдо-Скимна. В перипле эллинистического времени, который лег в основу перипла Арриана, город Тира, конечно же, упоминался. Но Арриан почему-то предпочел заменить это сухое и лаконичное указание стихотворными строками из перизгесы Псевдо-Скимна. Точно так же поступил он с упоминанием об Ольвии. А при характеристике Истрии приводятся оба указания — и эллинистического перипла, и Псевдо-Скимна.

Страбон во второй части своего отрывка под безымянным городом подразумевает, как уже говорилось, именно Тиру. Местные жители называют ее просто городом, не приводя всем хорошо известного названия.

Такие же лаконичные сведения о Тире можно найти в «Землеописании» Помпония Мелы. Автор этого труда кратко сообщает, что река Тира «берет начало в земле невров», а при устье касается одноименного с ней города (II, 7). Это упоминание города Тире можно отнести, думается, к позднеэллинистическому времени.

Особый интерес вызывают сведения Плиния, в которых указана «известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса» (IV, 82).

Здесь обращает на себя внимание какая-то неуверенность Плиния. Он не утверждает, что Тира находится на том же месте, что и Офиусса, а делает оговорку — «как говорят». Надо полагать, Плиний располагал какими-то дополнительными сведениями о перемещении города и поэтому старался избежать категоричности.

Весьма показательны, что Плиний тут же указывает остров тирагетов, тот самый остров, на котором когда-то находилась Офиусса. Вполне возможно, что сведения об Офиуссе и острове тирагетов он нашел в одном и том же источнике.

Необходимо специально остановиться и на сведениях Стефана Византийского. В сборнике В. В. Латышева читаем следующее: «Тира — город и река при Эвксинском Понте ...город назывался еще Офиуссой» (см. слово «Тира»). Но в «Описании племен» Стефана Византийского это место звучит не столь категорично. Дело в том, что текст здесь испорчен и дошел до нас с пропуском, лакуной. Источник сообщает буквально следующее: «Тира — город и река при Эвксинском Понте ...назывался Офиуссой». В. В. Латышев счел необходимым дополнить это место так: «... город назывался еще Офиуссой» [148, с. 141]. Предло-

женная им конъектура, разумеется, произвольна. Ведь при желании лакуну можно дополнить и словами о том, что город раньше находился на острове и назывался Офиуссой.

Такого рода дополнение не лишено оснований, особенно если учесть, что для Стефана Византийского свойственна подобная манера упоминания в одной статье, помимо рассматриваемого пункта, также соседних объектов. Особенно наглядно это видно в статье, посвященной Таврике: «Таврика — большой и очень замечательный остров, имеющий много народов и своим положением запирающий кругом Меотийское озеро; неподалеку от него лежит небольшой остров Алопекия. К Таврике прилегают два острова: Фанагора и Гермонасса».

Предположим, что этот отрывок оказался испорченным и дошел до нас в следующем виде: «Таврика — большой и очень замечательный остров, имеющий много народов и своим положением запирающий кругом Меотийское озеро; ... Алопекия... два острова ... Фанагора и Гермонасса».

В таком случае испорченный отрывок можно восстанавливать самым различным образом. Здесь возможны такие субъективные конъектуры, согласно которым получатся самые различные варианты. Вот некоторые из них.

1. Остров Таврика назывался также Алопекия.
2. На острове Таврика находился город Алопекия.
3. Остров Алопекия разделялся на два острова: Фанагора и Гермонасса.

И количество таких вариантов легко увеличить. Но суть вопроса и так, думается, ясна.

Из всего сказанного вовсе не следует, что следует решительно отвергать конъектуру В. В. Латышева и предлагать свою. Просто здесь необходимо подчеркнуть, что эта конъектура не бесспорна и не единственно возможная и поэтому не может служить достаточно веским аргументом. Так или иначе, но в сообщении Стефана Византийского нет прямого утверждения о том, что город Тира раньше назывался Офиуссой. И у Плиния, как уже говорилось, нет уверенности в том, что город Тира и город Офиусса находились на одном и том же месте.

И вот на основании этих далеко не бесспорных сведений Плиния и Стефана Византийского, а также неверного толкования компилятивного отрывка Страбона многие исследователи долгое время отождествляли Тиру и Офиуссу. Кроме того, серьезным аргументом считалось отсутствие в этом районе других развалин, кроме Тиры, которые можно было бы отождествить с Офиуссой.

А Клавдий Птолемей абсолютно ясно и определенно указывает Тиру и Офиуссу как два разных города (III, 10, 7). Некоторые исследователи пытались признать эти данные ошибочными. Но для этого у нас нет никаких объективных оснований. Местоположение Тиры, Офиуссы и Никония у Птолемея вполне согласуется с палеогеографической реконструкцией Нижнего Поднепровья и предлагаемой локализацией Офиуссы. Схематически все три города указаны Птолемеем относительно друг друга и устья реки в общем-то правильно, но абсолютные цифры расходятся с действительными, как уже говорилось, из-за палеогеографических изменений в этом районе и связанных с ними ошибок. Географ располагал, надо полагать, не дошедшими до нас источниками, ясно указывавших на Офиуссу как на самостоятельный, отдельный от Тиры город, а может быть, даже рассказывавших о перенесении Офиуссы и переименовании ее в Тиру.

Нельзя обойти вниманием сведения римского поэта второй половины I в. н. э. Валерия Флакка. В своей поэме «Аргонавтика» он посвящает две строки Нижнему Поднепровью. В сборнике В. В. Латышева в последней редакции эти слова переведены следующим образом: «Покидается и стоящая на обрыве моря Тира, покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса» (VI, 84—85; ВДИ; 1949, № 2, с. 346). Согласно этому переводу, Тира и Офиусса указаны как два разных города.

Однако проверка текста показала, что приведенный перевод неточен. В действительности поэт сообщает следующее: «Покидается прерываемая морем Тира; покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса» [7, с. 125—128]. Здесь указана *река*, а не город Тира и город Офиусса.

Таковы вкратце основные сведения античных историков и географов о городе Тире.

Итак, Тира была основана на коренном берегу правого рукава реки на удобном возвышенном мысу, образованном изгибом рукава. Она состояла, надо полагать, из нижнего и верхнего города.

С повышением уровня моря и образованием Днестровского лимана гавань Тиры, портовые сооружения и часть нижнего города оказались под водой и в настоящее время перекрыты слоем лиманно-морских осадков. Для их изучения необходимы целенаправленные подводные археологические исследования с применением новейшей аппаратуры и техники для подводных работ. Такие исследования, не-

сомненно, дадут важные результаты, которые помогут дальнейшему решению целого ряда историко-археологических и палеогеографических вопросов.

Остров тирагетов

Плиний Старший при описании низовьев Тирь сообщает, что «обширный остров на этой реке населяют тирагеты» (IV, 82). Исследователи искали этот остров в самых различных местах, но так и не нашли. Потом стали высказывать мнения, что такой остров вообще не существовал. И поиски его прекратились.

Ключ к разгадке дала палеогеография. Комплексное изучение письменных, археологических и палеогеографических данных позволило отождествить остров тирагетов с обширным дельтовым островом между двумя рукавами Тирь [9, с. 110—116; 12, с. 76—86]. Длина его равнялась в среднем 20—30 км, ширина — 5—8 км, поверхность его возвышалась над уровнем воды на 1—2 м и более.

Видимо в IV в. до н. э., в тревожное для Северо-Западного Причерноморья время, на этом острове обосновались тирагеты. За водной преградой они, как и бастарны на Певке, чувствовали себя гораздо спокойнее.

С повышением уровня моря поверхность острова была затоплена и стала дном образовавшегося Днестровского лимана. В настоящее время она перекрыта слоем лиманно-морских осадков до нескольких метров.

В 1981—1982 гг. нам удалось провести небольшие подводные археологические разведки на Днестровском лимане и в прилегающей к нему прибрежной зоне моря. В результате исследований обнаружены следы по меньшей мере четырех поселений IV—III вв. до н.э., которые существовали на дельтовом острове.

Этот район весьма перспективен для планомерных подводных археологических исследований. Значительные результаты может принести применение новейшей аппаратуры и техники для подводных раскопок. Условия залегания остатков существовавших на острове поселений, в том числе и Офиуссы, дают основания надеяться на открытие сравнительно хорошо сохранившегося культурного слоя. Его изучение позволит уточнить уровень моря в античное время, скорость его повышения, осадконакопления и других геологических процессов.

Рассмотрим теперь некоторые общие вопросы описания античными авторами рассматриваемого региона.

Первый из этих вопросов связан с периплом Псевдо-Скилака. Характеризуя Понтийское побережье от Дуная до Крыма, автор называет только реку Тиру, полисы Никоний и Офиуссу и умалчивает о реке Борисфене и городе Ольвии, одном из крупнейших античных центров Северного Причерноморья.

М. И. Ростовцев объясняет причины умалчивания об Ольвии так: «Очевидно, в промежуток времени между источниками Геродота и источником перипла Скилака произошел какой-то поворот. Ольвия и окрестности для греков перестали быть интересны; весь интерес сосредоточился на Крыме и специально на Пантикапее».

Объясняется эта перемена ориентировки, конечно, не только временем. Устами Геродота и перипла Гиппократ, очевидно, говорят с нами ионийцы, в лице же Псевдо-Скилака мы имеем дело с афинским писателем и купцом, торговые интересы которого, как мы увидим ниже, с конца V в. почти игнорировали Ольвию и всецело клонились к Крыму, Синдике и Кавказскому побережью [217, с. 25].

И. Б. Брашинский в общем согласился с приведенным объяснением М. И. Ростовцева, но отметил, что оно «страдает односторонностью и нуждается в существенном уточнении». Анализируя археологические материалы, И. Б. Брашинский пришел к выводу, что на рубеже третьей и четвертой четверти IV в. до н. э. в Ольвии наблюдается кризис, нарушение внешних экономических связей, и предположил, что перипл Псевдо-Скилака был составлен именно в этот период. Далее он продолжает: «При таком допущении станет понятным отсутствие в нем упоминания Ольвии и ее окружения, поскольку в это время город, очевидно, не мог представлять интереса для афинского, как и для любого другого, купца-мореплавателя [40, с. 141].»

Рассматривая эти и другие, близкие к ним объяснения, следует признать, что они не проясняют суть вопроса. Причины умалчивания об Ольвии объясняются не направлением торговых интересов Афин и не состоянием экономики и торговых связей Ольвии, а спецификой самого перипла, его цели и задач.

При анализе и оценке того или иного места сочинения Псевдо-Скилака мы не должны забывать, что это не пе-

рипл Понта Эвксинского, где автор обязан указать все более или менее крупные города, поселения, реки, острова и расстояния между ними, а перипл всего обитаемого моря, т.е. Средиземного, Мраморного, Черного и Азовского морей. Вчитаемся еще раз в название перипла и весьма показательный подзаголовок: «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии и сколько и какие народы в каждой; затем еще области и заливы и реки; и какова протяженность плаваний; и семь населенных островов, и у какого материка каждый лежит». В этом подзаголовке собственно и сформулирована главная задача автора перипла.

И в соответствии с этой задачей он должен в рассматриваемом разделе вкратце описать европейское побережье от Геракловых Столпов до Танаиса и определить, чему равно «плавание вдоль всей Европы». И его интересы, конечно же, не имели никакого отношения к торговле и были устремлены не «к Крыму, Синдике и кавказскому побережью» и не к Боснору, а к устью Танаиса, конечной точке побережья обитаемого моря.

На интересующем нас участке маршрут пролегает напрямик от Истра к Бараньему лбу. Поэтому в свете главной задачи Псевдо-Скилака нет ничего удивительного в том, что здесь не названа Ольвия. Ведь точно также не указаны такие же крупные центры Тома и Истрия. Мало того, не указан даже гораздо более крупный Византий, несмотря на то, что мимо этого города, занимавшего ключевое положение у входа в Понт, мореплавателю пройти никак не мог. В чем же тут причина?

Дело в том, что Псевдо-Скилак описывает европейское побережье обитаемого моря не последовательно от пункта к пункту, а по странам. Например, § 66 посвящен Македонии, § 67 — Фракии, § 68 — Скифии, таврам, сарматам. Внутри описания каждой страны указаны ее границы и основные города и реки, но не все.

Рассмотрим под этим углом описание, например, Фракийского побережья. Здесь после параграфа и заглавия сразу же определены границы страны: «67. Фракия. Фракия же простирается от реки Стримон вплоть до реки Истр в Эвксинском Понте». Далее читаем: «Во Фракии существуют такие греческие полисы: Амфиполь, Фагр, Галепс, Ойсима и *другие* эмпории фасосцев (курсив мой. — М. А.). Напротив них лежат остров Фасос и полис с двумя гаванями; из них одна — закрытая. Возвращаясь обратно, откуда отправился. Неаполь, против него греческий полис Дат, который заселил Каллистрат Афинянин, и река Нест...».

Приближаясь в своем описании к Боспору Фракийскому, Псевдо-Скилак называет полис и гавань Селимбрию и далее продолжает: «От него до устья Понта 500 стадиев. Пространство Боспора, пока не придешь к самому Святилищу [Зевса], называется Анапл. От Святилища ширина устья Понта 7 стадиев». Основным ориентиром на этом участке избрано устье Понта. А упоминание о Византии из-за лаконичности описания вообще отсутствует.

Затем автор перипла сообщает: «В Понте существуют такие греческие полисы во Фракии: Аполлония, Месембрия, Одессополис, Каллатис и река Истр». Здесь, как уже говорилось, пропущены Тома, Истрия и другие города.

И в заключение даны расстояния между основными ориентирами, после чего подытоживается: «А весь вообще перипл от Фракии и реки Стримон вплоть до реки Истр 8 дней и 8 ночей».

Как мы видим, составитель перипла указывает не все греческие города и не дает сплошное последовательное описание побережья, а опускает некоторые участки, приводя лишь расстояние между крайними пунктами.

Теперь в свете этого заключения рассмотрим интересующий нас отрывок. Границы описываемого в нем побережья — река Истр и мыс Бараний лоб. Расстояние между ними дано дважды: напрямик, через открытое море — 3 дня и 3 ночи, а также вдоль берега — вдвое больше, т.е. 6 дней и 6 ночей. О побережье сообщается: «За Фракией живут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса». Характеристика лаконичная и неполная. Да, это так. Но ведь автор перипла, как уже говорилось, не стремился к полноте описания и не ставил это своей задачей. Так можно ли требовать от Псевдо-Скилака еще и упоминание об Ольвии, особенно если учесть, что маршрут мореплавателя пролегал от Истра к Бараньему лбу напрямик, через открытое море и что в перипле не указаны даже Византий, Тома, Истрия, хотя они лежали именно по пути корабля?!

Таким образом, отсутствие упоминания об Ольвии в перипле Псевдо-Скилака объясняется, на мой взгляд тем, что автор не ставил своей задачей сплошное последовательное описание побережья, а опирался на основные ориентиры. Характеризуя участок от Истра до Бараньего лба, он указал близлежащую к Истру реку Тирис, города Никоний и Офиусу и, чтобы не загромождать свое лаконичное изложение, не стал называть лежащие еще дальше от маршрута реки Гипанис, Борисфен и город Ольвию.

Второй вопрос связан с кратким и полным периплами Арриана. Суть его в следующем. В кратком перипле после указания гавани исиаков кратко сказано: «Отсюда до так называемого Голого устья Истра тысяча двести стадиев; местности, лежащие между ними, пустынные и безыменные» (§ 31). В полном же перипле между гаванью исиаков и Голым устьем названы местечко Никоний, судоходная река Тира, Неоптолемовы, Кремниски, Антифиловы.

Анализируя эти данные, исследователи высказывали самые различные мнения о том, почему Арриан не называет никаких населенных пунктов между гаванью исиаков и Голым устьем и характеризует эти местности как пустынные и безыменные, откуда взяты сведения второго источника, к какому времени они относятся и т.д. [38, с. 198; 217, с. 68, примеч. 2, с. 71—73; 123, с. 8—9].

Но все оказалось гораздо проще. Дело в том, что сумма промежуточных расстояний в полном перипле от гавани исиаков до Голого устья составляет именно 1200 стадиев ($300 + 30 + 120 + 120 + 330 + 300$) — столько же, сколько в кратком перипле Арриана, где подразумевается прямой путь от гавани исиаков до Голого устья, без захода в низовья Тире к Никонию и современное озеро Сасык к Антифиловым. Но прямой путь должен быть намного короче. Однако Арриан указывает те же 1200 стадиев. Следовательно, в обоих случаях автор использовал один и тот же источник. В кратком перипле он существенно сократил его и привел лишь сумму расстояний от гавани исиаков до Голого устья, опустив само описание этого участка. А в полном перипле Арриан частично восстановил это описание. Лишь при характеристике реки Тире и одноименного с ней города он почему-то предпочел сведениям этого источника строки из Псевдо-Скимна, о чем мы уже говорили.

Таким образом, выясняется, что при описании Северо-Западного Причерноморья Арриан в кратком и полном перипле использовал один и тот же источник, который в первом случае был значительно сокращен, а во втором приведен полнее. Никаких новых источников во втором случае автор не привлекал.

Отсюда следует, что все иные объяснения исследователей относительно этих описаний снимаются.

Третий вопрос связан со сведениями Страбона. В отрывке, посвященном Нижнему Поднепровью, после указания города без названия, т.е. Тире, географ сообщает: «На расстоянии 500 стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Белый, посвященный Ахиллу» (VII, 3, 16).

Сразу же отметим, что в «Хрестоматии из «Географии» Страбона», составленной в византийское время неизвестным автором, это сообщение связано не с устьем Тирь, а с дельтой Истра: «От острова Певка, образуемого устьями Истра, до устьев Тирь девятьсот стадиев, а от Священного, самого южного устья Истра, до самого северного, которое служит основанием Певки, имеющей форму треугольника, — 300 стадиев.

От Певки к востоку по направлению в открытое море отстоит на пятьсот стадиев остров Белый, посвященный Ахиллу» (из кн. VII).

В чем же причина столь значительного расхождения? При внимательном чтении отрывка из хрестоматии нетрудно заметить, что здесь отсутствует описание Нижнего Поднепровья. И вследствие этого указание об острове Белом примкнуло непосредственно к сведениям об острове Певка. А поскольку Страбон, указывая местоположение острова Белый, не приводит название реки Тирь, от которой измерены 500 стадиев, говорит только об устье, то это указание получилось привязанным к острову Певка. В результате составитель хрестоматии при вольном изложении источника вместо слов «от устья» написал «от Певки» и добавил ориентир — «к востоку».

Таким образом, по сведениям Страбона, от устья Тирь до острова Белый 500 стадиев. При стадии в 157,7 м это расстояние составляет 79 км, при стадии в 185 м — 92,5 км. По современным измерениям, до острова Змеиный от района с. Приморское около 80 км, а от района с. Затока — около 100 км. Эти данные в сопоставлении с другими цифрами Страбона, Арриана, Псевдо-Скимна склоняют к мысли, что здесь указан путь от более позднего устья у с. Затока и что измерен он стадием в 185 м.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Остров Белый находился, как сообщает передаваемый Псевдо-Скимном Деметрий Каллатийский, в 400 стадиях от берега, т.е. от Певки; ведь остров Белый, или остров Ахилла, лежал, как указывает тот же Псевдо-Скимн, напротив Певки (§ 785—796). А от острова Белый до устья Тирь, по Страбону, 500 стадиев. Следовательно, от Певки до устья Тирь получается 900 стадиев.

А у Страбона при описании дельты Истра прямо сказано, что от Священного устья Истра, т.е. южной оконечности Певки, «до судоходной реки Тирь — девятьсот стадиев» (VII, 3, 15).

Фигурирует одна и та же цифра — 900 стадиев. Что это, случайное совпадение длины двух разных маршрутов? Но они не могут быть равными. Расстояние от Священного устья Истра до устья Тиры вдоль берега было большим, чем через остров Белый. Да и в любом случае такое совпадение очень маловероятно.

Мне представляется возможным следующее объяснение. Страбон имел в своем распоряжении данные о расстоянии: от Священного устья Истра до «судоходной реки Тиры — девятьсот стадиев». Здесь, безусловно, подразумевается каботажное плавание, поскольку дальше говорится: «В промежутке есть два больших озера, одно из которых имеет сообщение с морем и служит гаванью, а другое не имеет входа» (VII, 3, 15). Кроме того, Страбон располагал, надо полагать, сведениями Деметрия Каллатийского о том, что остров Белый отстоит от Певки на 400 стадиев. Но по каким-то причинам он не указал остров Белый при описании дельты Истра и решил упомянуть его после характеристики низовьев Тиры. Теперь требовалось дать расстояние до острова от этой реки. Зная, что низовья Тиры лежат от Священного устья Истра за островом Белым примерно в том же направлении и что каботажный маршрут по своей длине существенно не отличается от маршрута через остров, Страбон поступил очень просто. Из расстояния от Священного устья Истра до устья Тиры (900 стадиев) он вычел расстояние от Священного устья Истра до острова Белый (400 стадиев) и получил расстояние от устья Тиры до острова Белый — 500 стадиев.

Этот пример важен для понимания методов работы Страбона со своими источниками и составления своего описания.

И еще одно обстоятельство. Страбон говорит не просто о реке, а о *судоходной* реке Тире. Сразу же вспоминается сообщение Арриана в полном перипле о том, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев» (§ 87). Примечательно, что в «Хрестоматии из „Географии“ Страбона» говорится о расстоянии не до устья, а «до устьев Тиры». Эти факты дают основание считать, что источники Страбона содержали сведения, в которых ясно говорилось о существовании двух рукавов Тира, один из которых был уже несудоходным. Географ значительно сократил свои источники и составил из них настолько лаконичное описание, что в нем сохранились лишь глухие намеки на существовавшую в то время географическую ситуацию в низовьях реки. Аналогичным образом поступил и соста-

витель перипла, которым позднее воспользовался Арриан. Видимо, Страбон и неизвестный нам составитель перипла использовали один и тот же источник, относящийся к концу IV — началу III в. до н.э.

Таким образом, сведения Страбона о расстоянии от Священного устья Истра «до судоходной реки Тиры», о городе в 120 стадиях от устья, т.е. о городе Тире, о 500 стадиях до острова Белый взяты, надо полагать, из источника конца IV — начала III в. до н.э. Под «устьем Тиры» здесь подразумевается устье у с. Затока, а под «рекой» — ее правый рукав; левый же рукав к тому времени стал несудоходным. В эти сведения вклинился отрывок, взятый из более раннего источника, в котором указаны башня Неоптолема, Гермонактова деревня, Никоний и Офиусса. Под «устьем Тиры» здесь фигурирует, как уже говорилось, устье у с. Приморское, а под «рекой» — ее левый рукав, бывший в то время вполне судоходным.

Третий вопрос касается нескольких цифр Плиния. Указывая остров тирагетов, географ сообщает, что «он отстоит от Псевдостомы, устья Истра, на 130 миль» (IV, 82). И еще через несколько строк читаем, что «в 120 милях от Тиры река Борисфен...» (IV, 82).

На первый взгляд эти цифры создают впечатление конкретных измерений указываемых участков. И современные исследователи, как уже говорилось, сравнивают эти измерения с действительными измерениями, констатируют, что они сильно завышены, и объясняют это отчасти различием в принципах прокладки маршрута.

Но все, оказывается, гораздо проще. Указанные 130 и 120 миль в сумме составляют 250 миль. Это — те самые 250 миль, которые Марк Варрон измерил от устья Истра до Борисфена, о чем говорил Плиний при описании европейского побережья Понта Эвксинского (IV, 78). Но Варрон, как выяснилось, сам не проводил конкретных измерений, а, опираясь, видимо, на карту, «разбросал» имевшуюся у него общую длину побережья от устья Понта до Пантикапея на несколько составных отрезков пути. Таким образом, он определил протяженность береговой линии от Псевдостомы до Борисфена в 2000 стадиев. Плиний пересчитал стадии в мили по соотношению 8 : 1 и получил 250 миль. При такой схематичной разброске говорить о какой-либо точности, разумеется, не приходится. Как уже говорилось, измерение одного участка получилось завышенным, другого, наоборот, заниженным. Длина рассмат-

Оформление витрины античного зала в Одесском археологическом музее АН УССР.
На фото С. Б. Охотников и И. Б. Клейман

риваемого побережья от Псевдостома до Борисфена оказалась завышенной.

А при описании этого побережья Плиний, используя, видимо, также карту, поделил указанные 250 миль между двумя участками. Расстояние от Псевдостома до устья Тириса он определил в 130 миль, а от устья Тириса до устья Борисфена — в 120 миль. Эти цифры, разумеется, завышены, как и сумма, из которой они получены.

Таким образом, мы вкратце рассмотрели сведения античных авторов о Нижнем Поднепровье и прилегающих к нему районах и локализацию указываемых здесь населенных пунктов.

Геродот не указывает конкретных городов и поселений, а говорит только о живущих у устья реки греках, называемых тиритами.

Валерий Флакк называет здесь только один город — Офиуссу. Поэт использовал источник, относящийся, видимо, к позднеархаическому — классическому времени. Исходя из того, что источник знает в этом районе только Офиуссу, и учитывая ее географическое положение, можно предположить, что Офиусса была первым древнегреческим поселением в Нижнем Поднепровье. Опасаясь возможных стычек с местными племенами, колонисты на первых по-

рах обосновались на дельтовом острове, где могли чувствовать себя гораздо спокойнее, чем на коренном берегу.

В перипле Псевдо-Скилака упомянуты уже два города — Никоний и Офиусса.

Страбон в первой части своего отрывка указывает при устье Тиры, т.е. в районе с. Приморское, башню Неоптолема и Гермонактову деревню, а в 140 стадиях (26 км) вверх по реке — города Никоний и Офиуссу. Во второй, более поздней части отрывка, в 120 стадиях (19 км) вверх по реке (от устья у с. Затока) упомянут не названный по имени город, под которым подразумевается Тира.

Птоломей приводит координаты пяти населенных пунктов: Гермонактовой деревни, Тиры, Офиуссы, Никония, Фиски.

Перипл эллинистического времени, использованный Аррианом, называет местечко Никоний, Неоптолемовы. Автор перипла указывал, надо полагать, и город Тиру. Но Арриан заменил это указание отрывком из Псевдо-Скимна.

Псевдо-Скимн, Помпоний Мела, Плиний Старший и Стефан Византийский сообщают уже только об одном городе — Тире. Плиний при этом добавляет, что Тира находится «на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса». Согласно конъектуре В. В. Латышева, Стефан Византийский приводит аналогичные сведения.

Глава 5. Ольвийский район

Ольвийское государство занимало обширную территорию низовьев Днепро-Бугского лимана и прилегающих к нему районов. А зона экономического влияния Ольвии была, разумеется, большей и простиралась, надо полагать, до современного Одесского залива на запад и до Каркинитского залива на восток. Античные авторы описывают этот регион весьма кратко и схематично, хотя некоторые из них приводят иной раз довольно детальные сведения.

К западу от Днепро-Бугского лимана указано несколько населенных пунктов. Познакомимся с ними, продвигаясь со стороны Днестровского лимана.

Гавань исиаков

Этот пункт указан в кратком и полном перипле Арриана (§ 31 и 87). На основании его данных гавань исиаков отождествляется с поселением IV—III вв. до н.э. на Приморском бульваре современной Одессы [8, с. 137—138; 12, с. 136—138]. Место для гавани было выбрано исключительно удобное. Ведь именно здесь сегодня раскинулся Одесский порт. Гавань получила свое название от имени местного племени исиаков, или асиаков (по Помпонию Меле), или аксиаков (по Плинию Старшему). Само поселение раскинулось на высоком берегу залива. С юга и севера оно было защищено довольно глубокими балками.

Следовательно, при выборе места учитывались и оборонительные возможности. Это говорит о том, что рассматриваемый пункт изначально мыслился как сравнительно крупный торговый центр.

Остановимся на одном интересном обстоятельстве. В кратком перипле Арриан определяет расстояние между гаванью истриан и гаванью исиаков в 50 стадиев, а в полном перипле — в 90 стадиев. Исследователи обычно объясняли это расхождение ошибкой одного из источников. Но обвинения в адрес Арриана оказались напрасными. Как показал анализ имеющихся данных, здесь указаны два разных маршрута от гавани истриан к гавани исиаков, лежав-

ших на противоположных берегах залива. Прямой путь, через залив, равнялся 50 стадиям (8 км), а плавание вдоль берега было соответственно длиннее и насчитывало 90 стадиев (14 км). Оба измерения ведутся от поселения Лузановка, с которым отождествляется гавань истриан, к поселению на Приморском бульваре, т. е. к гавани исиаков.

Вопрос о статусе гаваней истриан и исиаков не решен. Одни исследователи считают, что эти пункты входили в состав Ольвийского государства, другие говорят лишь об экономическом влиянии Ольвии, третьи отрицают и то, и другое и проводят границу ольвийской государственной территории по Березанскому лиману [182, с. 18—19, 22].

Определенную помощь в этом вопросе могут оказать, по нашему мнению, следующие обстоятельства.

1. В полном перипле Арриана гавань исиаков является последним населенным пунктом, примыкающим к описанию района Ольвии. Следующий пункт — местечко Никокий — находился на значительном расстоянии в 300 стадиев (47 км).

2. В кратком перипле Арриан после указания гавани исиаков прерывает дальнейшее описание Северо-Западного Причерноморья и приводит расстояние до Голого устья Истра.

Отсюда ясно видно, что на гавани исиаков обрывается цепочка населенных пунктов, указанных в перипле к западу от Ольвии. В чем же причина этого? Не в том ли, что здесь проходила граница если не Ольвийского государства, то зоны экономического влияния Ольвии?

Будем надеяться, что дальнейшие археологические исследования помогут окончательно решить этот вопрос.

Несколько слов о перспективах подводных археологических исследований. Сама гавань и портовые сооружения гавани исиаков затоплены морем и, вероятнее всего, полностью разрушены при строительстве Одесского порта и дноуглубительных работах. Во время подводно-технических работ здесь периодически встречаются обломки амфор и целые сосуды. Целенаправленные же подводные археологические исследования крайне затруднены и малоперспективны.

Гавань истриан

Этот пункт также указан в кратком и полном перипле Арриана (§ 31 и 87). Согласно приведенным в источнике данным, гавань истриан отождествляется с поселением

IV—III вв. до н. э. Лузановка, которое расположено у левого берега устья Куяльницкого лимана на территории пионерского лагеря «Молодая гвардия» [8, с. 136—137; 12, с. 136].

Гавань была основана в очень удобном месте — в устье Куяльницкого лимана, у восточной оконечности Одесского залива. Само поселение располагалось на возвышенном мысу. Точное местоположение гавани неизвестно. По всей вероятности, она полностью затоплена морем и ее остатки следует искать ближе к основанию современной пересыпи Куяльницкого лимана. Подводные археологические исследования здесь могут быть весьма перспективными.

Свое название гавань истриан, аналогично гавани исиаков, получила от имени истриан, одного из причерноморских племен, названного по реке Истр [123, с. 40].

Локализация гавани истриан и гавани исиаков оказалась принципиально важной для датировки сведений перипла. Долгое время исследователи датировали эти сведения обычно временем жизни самого Арриана, т. е. II в. н. э. Теперь же можно с полной уверенностью считать, что их следует относить к IV—III вв. до н. э. К аналогичному выводу, основываясь на общ исторических соображениях, пришел и М. И. Ростовцев [217, с. 69—73]. Правда, его вывод относится лишь к сведениям полного перипла, которые отсутствуют в кратком перипле Арриана, т. е. в перипле Анонимного автора. Но сейчас, когда выяснилось, что перипл Арриана и перипл Анонимного автора — это лишь полная и краткая редакции одного и того же перипла, принадлежащие перу Арриана, эту датировку надо распространить и на краткий перипл. И определяется указанная датировка уже не общими соображениями, а конкретными археологическими материалами поселения Лузановка и поселения на Приморском бульваре, которые существовали именно в IV—III вв. до н. э.

Местечко Скопелы

Местечко Скопелы указывается только в полном перипле Арриана (§ 87). Оно локализуется у с. Дофиновка на левом берегу устья одноименного лимана [8, с. 135—136; 12, с. 135—136]. Остатки его не были найдены. Однако еще в середине XIX в. А. С. Уваров открыл здесь довольно крупное древнегреческое поселение и отождествил его со Скопелами [261, вып. 2, с. 144]. Проверка приведенных в перипле расстояний полностью подтверждает это отождеств-

ление. Открытое А. С. Уваровым поселение, вероятно, частично занято современными постройками, а частично разрушено морем, и для его исследования необходимы целенаправленные археологические разведки, в том числе и подводные.

Само слово «Скопелы» в переводе с древнегреческого означает «наблюдательная башня», «место, с которого далеко видно», «возвышенность», «утес». Топография местности вполне подтверждает название этого пункта. Вероятно, местечко Скопелы было важным наблюдательным пунктом.

Арриан в кратком перипле опустил упоминание о Скопелах и указал общее расстояние от Одесса до гавани истриан. Надо полагать, он посчитал это местечко менее значительным пунктом, чем гавани истриан и исиаков. А в полном перипле Арриан восстановил имевшиеся в его источнике сообщения о местечке и привел расстояние от Одесса до Скопел и от Скопел до гавани истриан.

Время существования этого пункта и его конкретная история остаются пока неизвестными. Вероятно, Скопелы существовали в то же время, что и гавань истриан и гавань исиаков,— в IV—III вв. до н.э.

Город Одесс

Город Одесс упоминают Арриан в кратком и полном перипле (§ 31 и 87), Плиний Старший (IV, 82), Клавдий Птолемей (III, 5, 14). Изучение сообщаемых ими сведений показывает, что этот пункт находился у левого берега устья Тилигульского лимана, где его и помещали многие исследователи [8, с. 130—135; 12, с. 129—135]. Но на коренном берегу здесь нет никаких следов античного поселения. Поэтому пришлось обратиться к данным палеогеографии.

Согласно полученной палеогеографической реконструкции во второй половине I тысячелетия до н.э., когда уровень Черного моря был ниже современного, Тилигульский лиман представлял собой открытую лагуну и был намного уже. Берег моря проходил примерно в 500 м мористее. На левом берегу устья была удобная для гавани бухта и низменная терраса.

Со временем в результате повышения уровня моря указанная терраса была постепенно затоплена, а степное плато стало интенсивно разрушаться. Так эта местность приобрела современные очертания. Затопленная древняя терраса представляет собой так называемую банку Трутаева.

Сопоставление письменных, археологических и палеогеографических данных позволило выдвинуть гипотезу о том, что город Одесс находился на левом берегу древнего устья Тилигульского лимана, на месте нынешней банки Трутаева. В 1981 г. автору настоящей книги удалось провести здесь небольшие подводные археологические разведки. На банке Трутаева в 300—500 м от современного берега на глубине 3—4 м были обнаружены следы существовавшего здесь древнегреческого поселения: обломки амфор, лепной керамики, мелкие камни и т. д. Имеются сообщения о том, что в сети местных рыбаков здесь иногда попадаются целые амфоры. Надо полагать, это и есть остатки города Одесс. В результате трансгрессии и абразии город был полностью разрушен и затоплен. Для его изучения необходимы целенаправленные подводные археологические исследования.

Необитаемый остров Арриана

И в кратком, и в полном перипле Арриан указывает в 60 стадиях (9,5 км) западнее устья Борисфена, т. е. Очаковского мыса, небольшой необитаемый и безымянный остров.

Указанное расстояние приводит в район современного острова Березань. Поскольку других островов здесь нет, то указанный в перипле остров долгое время отождествляли с Березанью. Но еще в начале XIX в. Э. Р. Штерн, С. Д. Пападимитриу, а вслед за ними и другие ученые высказывали сомнения в том, что Березань была островом уже к моменту основания здесь во второй половине VII в. до н. э. наиболее раннего в Северном Причерноморье древнегреческого поселения. Сомнения были вызваны в основном общими соображениями о том, что поселение не могло существовать на таком маленьком острове.

Изучение геолого-географических данных показало, что Березань в древнегреческий период действительно была не островом, а полуостровом [143, с. 31—39; 144, с. 129—137; 285, с. 107—110]. Этот каменистый останец был правым берегом устья Березанского лимана, выдававшимся далеко в море мысом.

Весь комплекс имеющихся в настоящее время материалов убедительно показывает, что в период фанагорийской регрессии Березань была полуостровом. Ведь уровень моря тогда был ниже современного не менее чем на 5 м. А новейшие геологические исследования свидетельствуют

о том, «что широкая отмель, расположенная между очаковским побережьем и островом, как показало бурение 1970—1972 гг., даже при уровне 2—2,5 м ниже современного должна была еще оставаться сушей» [113, с. 40].

Когда же Березань отделилась от материка и стала островом? К. К. Шилик, основываясь на кривой изменения уровня Черного моря, полагает, что это произошло примерно в IV в. н.э. (см. тезисы доклада XVII конференции Института археологии АН УССР «Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.», Ужгород, 1978, с. 78). А в период выявленной им корсуньской регрессии в XIII—XIV вв., когда уровень моря вновь понизился до отметки минус 2—3 м, остров, как считает исследователь, вновь превратился в полуостров. После этого в результате нового повышения уровня моря Березанский полуостров еще раз отделился от материка и стал островом.

Выводы К. К. Шилика находятся в полном соответствии с современными представлениями о кривой изменения уровня Черного моря. И под этим углом зрения они вполне убедительны и не вызывают каких-либо серьезных сомнений.

Таким образом, согласно имеющимся данным, Березань до IV в. н.э. была полуостровом. Какой же тогда остров указан в перипле Арриана?

В настоящее время в районе Березани никакого другого острова нет. Но это еще не значит, что его не было в древнегреческий период. Оказывается, несколько южнее Березани еще менее 30 лет назад высился небольшой скалистый островок, так называемый кекур. А в XVIII в. здесь было четыре островка, расположенных один возле другого [108, т. 2, с. 70—71]. Теперь все они уничтожены волнами и в виде отдельных валунов находятся на дне моря. Ранес эти островки представляли собой, надо полагать, один небольшой остров, который и указан в перипле Арриана. За прошедшие столетия море уничтожило этот остров, а соседний полуостров превратило в современный остров Березань.

Но это не единственно возможное объяснение. Вполне вероятно, как мы увидим ниже, что в этом районе над современной Одесской банкой мог выступать из воды небольшой остров.

В любом случае, несомненно, что в перипле Арриана указан не остров Березань, бывший тогда полуостровом, а небольшой остров, находившийся к югу от Березанского мыса и со временем затопленный морем.

Итак, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Березань на протяжении всего античного периода была полуостровом. А вблизи этого полуострова в море находился небольшой, необитаемый и безымянный остров.

Укрепление Алектор

Этот пункт упомянут в «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома. Описывая Гипанис и Борисфен, знаменитый римский оратор сообщает, что «реки впадают в море у укрепления Алектора, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов» (II, 48). Это название отмечено также в «Географии» Равеннского анонима между Ольвией и Тамиракой (IV, 5; V, 11).

Как мы видим, данные о местоположении указанного укрепления весьма общие. Поэтому многие исследователи обходили этот вопрос стороной или высказывали самые общие соображения.

Из описания Хрисостома следует, что Алектор находился у устья Днепро-Бугского лимана, т. е. на месте современного г. Очакова. Именно здесь и локализовал его И. К. Суручан, обследовавший эту местность в 1882 г.: «Исследуя Очаков, я нашел в нем следы небольшого древнего укрепления, находившегося за нынешними батареями в сторону города, обращенной к острову Березани, во дворе одного мещанина, откопавшего там камни и черепки от амфор и другой посуды, а также около 50-ти разных ольвийских монет. Ввиду всего этого я предполагал бы возможным поставить на этом месте передовую скифскую крепость Алектор, что и было согласно со свидетельством Диона Хрисостома» [249, с. 130].

Других данных об археологических памятниках в районе Очаковского мыса нет. Мыс занят современными постройками, улицы заасфальтированы, поэтому отыскать указанное И. К. Суручаном поселение нелегко.

Локализация Алектора в этом месте представляется вполне возможной. Расположенное у входа в Днепро-Бугский лиман, оно имело большое военно-стратегическое значение. Ведь именно здесь в новое время находилась известная Очаковская крепость. Учитывая, что в античное время при более низком уровне моря устье лимана было более узким, становится понятной важная роль укрепления Алектор. Оно надежно контролировало вход в лиман.

Вопрос о том, кому принадлежало укрепление Алектор, пока не может быть решен с полной уверенностью из-за

отсутствия необходимых данных. Л. А. Ельницкий предполагал, что слова «царя савроматов», может быть, следовало бы исправить на «царя Савромата (на Боспоре)» (ВДИ, 1948, № 1, с. 229, примеч. 4). Но для такого исправления у нас нет никаких оснований.

Город Борисфен

Город Борисфен (Борисфенида) обычно отождествляется с поселением на современном острове Березань [94, с. 223]. Согласно хронике Евсевия, город Борисфен был основан в 645/644 г. до н. э. Археологические материалы свидетельствуют о существовании Березанского поселения во второй половине VII в. до н. э.

Поселение было основано перед устьем Днепро-Бугского лимана, которое считалось устьем Борисфена. Отсюда и его название — Борисфен. Для него было выбрано самое безопасное в округе место — каменная оконечность выдававшегося далеко в море мыса, который представлял собой, как уже говорилось, правый берег устья Березанского лимана. Боясь возможных стычек с местным населением, первопоселенцы предпочли обосноваться на не совсем удобном, но наиболее безопасном месте. С коренного берега к поселению вела сужающаяся перемычка. Стоило в узком месте отгородить оконечность мыса оборонительной стеной — и город становился надежно защищенным от нападения со стороны суши и мог выдержать длительную осаду. Видимо, такая стена была возведена у северной окраины города. Эта часть мыса, к сожалению, уже разрушена морем. Поэтому остатки стены, если она существовала, следует искать под водой.

Этот город упоминает также Помпоний Мела. Описывая реку Борисфен, автор сообщает, что «она изливается в море у греческих городов Борисфениды и Ольвии» (II, 6).

Но название Борисфен недолго оставалось за Березанским поселением. После основания Ольвии название Борисфен переходит на нее, а также на весь Ольвийский полис [52]. Березанское поселение становится эмпорием Ольвийского полиса. Как показывают материалы археологических исследований, наивысший расцвет Березанского поселения приходится на VII—VI вв. до н. э. [18, с. 33]. В начале V в. его размеры значительно сокращаются. В V—III вв. до н. э. оно остается небольшим поселением Ольвийского полиса и затем, видимо, прекращает свое существо-

вание. А в первые века нашей эры здесь возникло новое небольшое поселение.

Топография местности, характер общей ситуации в регионе и весь ход исторического развития Березанского поселения показывают, что оно было основано и существовало в период своего расцвета как важный торговый порт. Удобная и безопасная гавань, расположенная в восточной части поселения — вот главное достоинство и преимущество Березанского поселения. Здесь было безопаснее всего разгружать привозимые из Греции товары и отсюда удобнее всего развезти их мелкими партиями в многочисленные поселения на побережье Березанского и Днепро-Бугского лиманов, а также в глубинные районы Скифии. И сюда же было безопаснее и удобнее всего свозить предназначенные для отправки в Грецию зерно и другие сельскохозяйственные продукты и здесь отгружать их на корабли.

А с формированием Ольвийского полиса вся внешняя и внутренняя торговля стала централизованной и сосредоточилась, естественно, в Ольвии — столице государства. Теперь все корабли шли в Ольвию. Необходимость в Березанском порте отпала. Поселение потеряло свое значение и постепенно захирело.

Здесь автор вынужден, к сожалению, вновь вернуться в вопросу о топографии Березанского поселения в античное время. Дело в следующем. В 1988 г. при раскопках поселения была найдена мраморная плита с надписью I в. н. э., посвященной Ахиллу [97, с. 55—56]. В тексте упоминается не только Ахилл, названный по деду Эакидом, но и остров Ахилла. Изучая эту надпись, Ф. В. Шелов-Коведяев сообщает: «Особенно отметим, что остров назван здесь знаменитым (славным), опорой богов, принявшим кровь Фетидова порождения. Последнее двустипие включает в себе обращение к Ахиллу быть снисходительным к музе писавшего. Фактически перед нами не только (и даже не столько) гимн Ахиллу Понтарху, но и острову» [97, с. 56].

Изучение надписи привело Ф. В. Шелова-Коведяева к следующим выводам: «При этом, судя по месту и условиям находки, а также ранее известным посвящениям, воспеваемым в этих стихах островом, т. е. островом Ахилла, должна быть наша Березань, а не Левка (совр. Змеинный), что более соответствовало бы традиции. В этой связи совершенно особое звучание приобретает тот факт, что четыре из ныне известных нам шести посвящений Ахиллу Понтарху (ср. НО 86 — происхождение неизвестно; НО 88 — Со-

фиевка) были найдены именно на о. Березань. Думается, что для ольвиополитов того времени остров в устье Борисфена и был тем местом, куда Фетида перенесла своего сына после его гибели у стен Трои. Это подтверждает и мнение К. С. Горбуновой о существовании на Березани святилища Ахилла. Трудно переоценить и документальное подтверждение того, что Березань в тот период была островом. Примечательно также, что уже в I в. н. э. о. Березань относился к территории недавно возрожденного Ольвийского полиса» [97, с. 56].

Как мы видим, Ф. В. Шелов-Коведяев считает, что Березань в I в. н. э. была уже островом и что найденная надпись относится именно к этому острову, который ольвиополиты считали островом Ахилла.

Но, как уже говорилось чуть выше, Березань отделилась от материка и стала островом, согласно выводам специалистов, примерно в IV в. н. э.

Эти выводы подтверждают новейшие подводные археологические исследования, проведенные В. В. Назаровым в 1984 г. Исследователь отмечает «скопление обломков неокатанной керамики, в основном амфор первых веков н. э., обнаруженное в северо-восточном участке акватории острова на расстоянии 50—175 м от берега» и надеется, что «возможно, в дальнейшем здесь будет выявлен непереотложенный культурный слой» [206, с. 53]. Выявленное скопление наглядно показывает, что в первые века нашей эры уровень моря был не менее чем на 3 м ниже современного. А при такой отметке Березань, безусловно, была еще полуостровом.

Кроме того, сведения Диона Хрисостома, который посетил Ольвию около 100 г. н. э., дают основания, как мы увидим в следующем разделе, для утверждения, что уровень моря в то время был ниже современного также не менее чем на 3 м.

Таким образом, имеющие данные убедительно показывают, что в первые века нашей эры Березань была еще полуостровом.

А упоминаемый в надписи остров — это, конечно же, Левка, посвященный Ахиллу и широко известный во всем античном мире как место его обитания в загробной жизни. Только остров мог быть назван «знаменитым (славным), опорой богов, принявшим кровь Фетидова порождения».

Эти слова близки эпитафии из сочинения Аристотеля «Пеплос»:

5. Над Ахиллом, чтимым на острове Белом.
Сына богини Фетиды, Пелееву отрасль, Ахилла,
Остров сей Понта святой в лоне своем бережет.

Безусловно, в обоих случаях речь идет об одном и том же острове. Даже если допустить невозможное, серьезно ли говорить о том, что «для ольвиополитов того времени остров в устье Борисфена и был тем местом, куда Фетида перенесла своего сына после его гибели у стен Трои»? Ведь такое сознательное искажение общеизвестного эллинского мифа было бы немыслимым кощунством для ольвиополитов!

Необходимо заметить, что и ранее некоторые исследователи, анализируя сведения античных авторов, считали Березань островом, который, как и Левка, был посвящен Ахиллу; на этом мы еще остановимся в разделе, посвященном Ахиллову бегу. Но тогда еще не было убедительных доказательств того, что Березань в античное время была полуостровом. Теперь же, когда весь комплекс письменных, археологических и палеогеографических данных убедительно свидетельствует об этом, попытка Ф. В. Шелова-Коведяева абсолютно непонятна. Как можно игнорировать очевидные факты и стремиться выдать желаемое за действительное?!

Да, находки на Березани, посвящений Ахиллу, дают основания считать, что здесь, на поселении, расположенном на оконечности выдававшегося далеко в море полуострова, существовал храм Ахилла Понтарха, культ которого был, как известно, широко распространен в Северном Причерноморье. И найденная надпись — одно из таких посвящений храма. В ней упоминается не только Ахилл, но и остров на котором он поселился, т. е. Левка.

Ольвия

Ольвию упоминают почти все античные авторы, описывающие Северное Причерноморье. Исключение составляет, пожалуй, только Псевдо-Скилак, в перипле которого отсутствует упоминание об Ольвии, о причинах чего мы уже говорили.

Геродот указывает Ольвию несколько раз. Он называет ее гаванью Борисфен (IV, 24), Борисфеном (IV, 78), городом борисфенитов (IV, 78, 79).

А в начале своего описания Скифии «отец истории» отмечает гавань борисфенитов: «От гавани борисфенитов (она ведь находится в самой середине побережья всей Ски-

фии) — от нее первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны...» (IV, 17).

Какой же пункт назван здесь гаванью борисфенитов? Этот вопрос долгое время вызывал оживленные споры и окончательно не решен до сих пор [94, с. 222—223]. Одни ученые считают гаванью борисфенитов Березанское поселение, другие — Ольвию. Один из основных моментов этого спора: можно ли считать Ольвию самым срединным пунктом побережья Скифии или нет? П. О. Карышковский, наиболее полно обосновавший вторую точку зрения, отвечает на этот вопрос положительно: такое определение вполне применимо к Ольвии и именно ее Геродот называет гаванью борисфенитов [122, с. 75 сл.]. Первую точку зрения наиболее активно отстаивает Ю. Г. Виноградов. Он отвергает выводы П. О. Карышковского и считает, что гавань борисфенитов — это Березанское поселение, которое, по его мнению, было «самым подходящим пунктом для целей Геродота “начертать” расселение племен» [52, с. 83].

Рассмотрим выводы Ю. Г. Виноградова. Один из его доводов сформулирован так: если бы здесь имелась в виду Ольвия, то создавалось бы впечатление, что Геродот пропускает в своем описании довольно большую территорию в несколько десятков километров, но не говорит о том, что она пустынна.

Этот довод Ю. Г. Виноградова на первый взгляд выглядит веско. Но это — только на первый взгляд. Обратимся еще раз к Геродоту и внимательнее вчитаемся в текст. Какой здесь огромный географический охват! Ведь в таком небольшом отрывке «отец истории» кратко и сжато описывает обширнейшую территорию: собственно Скифию и более северные земли на всем известном ему протяжении. А это — многие сотни километров. Правомерно ли при таком общем, схематичном описании требовать от античного автора, чтобы он специально охарактеризовал столь незначительный участок побережья лимана длиной всего лишь в 36 км, который входил в сельскохозяйственную округу Ольвии!

А с другой стороны, если согласиться с Ю. Г. Виноградовым и его предшественниками в том, что гавань борисфенитов — это Березанское поселение, получится, что Геродот указал второстепенный населенный пункт — Березанское поселение и пропустил центр государства — Ольвию. Возможно ли такое? Думается, что нет. Ведь главная задача «отца истории» — ознакомить читателя с расселе-

нием племен. И исходным ориентиром здесь должен быть наиболее известный населенный пункт. Так какой же пункт больше подходит для такого ориентира — Ольвия, центр государства, или небольшое Березанское поселение? Конечно же, Ольвия. Ведь упоминание Березанского поселения мало что говорило читателю Геродота. Оно уже практически ничем не выделялось среди других поселений Ольвийского государства, разве что местоположением непосредственно у моря и более удобной гаванью, давно потерявшей свое былое значение.

Вернемся к сведениям Геродота. Гавань борисфенитов, по его данным, «находится в самой середине побережья всей Скифии». Выше нее, «вдоль по течению реки Гипаниса», обитают каллипиды, ализоны, скифы-пахари и невры. Отсюда логично предположить, что и сама гавань борисфенитов лежала также на Гипанисе.

Теперь зададимся самым общим вопросом. Где должна была находиться гавань борисфенитов? Наверное, там, где обитали борисфениты. А борисфенитами Геродот называет жителей города Ольвия, к которой перешло также название Борисфен. При описании района Днепро-Бугского лимана «отец истории» сообщает: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53).

А в отрывках о скифском царе Скиле читаем, что «всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов (борисфениты эти говорят, что они милетяне) и приходил к ним, он оставлял войско в предместье» (IV, 78), что Скил «дом построил себе в Борисфене» (IV, 78) и что «был у него в городе борисфенитов дом обширных размеров и богато устроенный» (IV, 79). Все эти сообщения ясно показывают, что борисфенитами здесь названы жители города Борисфена-Ольвии. Отсюда вытекает, что гавань борисфенитов — это ольвийская гавань.

Приведем еще одно сообщение Геродота: «Вот до этих плешивых о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней» (IV, 24).

Гаванью Борисфеном здесь названа та же Ольвия. Ведь нельзя же предположить, что сведения о землях, лежащих

далеко за пределами Скифии, накапливались не в Ольвии, крупном торговом центре, а в небольшом Березанском поселении!

Таким образом, Геродот указывает в Днепро-Бугском районе только один населенный пункт — Ольвию. Он называет ее по-разному: гавань борисфенитов, гавань Борисфен, Борисфен, город борисфенитов. Использование различных терминов объясняется, на мой взгляд, литературным мастерством «отца истории», его стремлением избежать повторений и оживить изложение.

Березанское же поселение во времена Геродота было уже рядовым поселением Ольвийского государства. И указывать этот незначительный, ничем особенным не примечательный населенный пункт не было никакой необходимости.

Для описания расселения скифских и других племен Геродот избрал наиболее подходящий ориентир — Ольвию, центр государства, крупный торговый центр, хорошо известный далеко за пределами этого региона. Местоположение Ольвии полностью соответствует определению «она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии». И описание Геродота не содержит никаких противоречий, неточностей или несоответствий. Только подходить к сведениям «отца истории» следует не с узкими мерками и требованиями детальной характеристики Нижнего Побужья, а соответственно масштабности описания в небольшом отрывке обширнейшей территории.

Рассмотрим теперь сведения других авторов. Необходимо подчеркнуть, что, хотя Ольвия лежала на берегу Гипаниса, большинство античных историков и географов указывают ее на реке Борисфене. Это объясняется несравненно большей известностью реки Борисфен, которая охарактеризована Геродотом как «величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнить никакую другую реку» (IV, 53), а также геоморфологией этого района. Ведь устье Днепро-Бугского лимана считалось в древности устьем Борисфена. Для того чтобы попасть в Ольвию, необходимо было зайти в устье Борисфена, проплыть некоторое расстояние по нему, а потом повернуть в Гипанис. Поэтому в кратких лаконичных описаниях Ольвия указана на Борисфене.

Так, Псевдо-Скимн сообщает: «При слиянии рек Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Оль-

вий, а затем элинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества. До него 240 стадий от моря вверх по течению Борисфена» (§ 804—812).

Страбон приводит несколько иные сведения: «Затем, в 600 стадиях судоходная река Борисфен и неподалеку от нее другая река, Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами» (VII, 3, 17).

Нетрудно заметить, что Псевдо-Скимн и Страбон указывают разное расстояние от устья Борисфена до Ольвии: 240 и 200 стадиев. Расхождение, как мы видим, довольно существенное. Чем же оно объясняется? Обычно исследователи видели здесь либо ошибку одного из авторов, либо неточность измерения. И то, и другое объяснение бросают тень на авторитет античных историков и географов, вызывает недоверие к их сведениям.

Нам представляется, что причина расхождения не в ошибке одного из авторов и не в неточности измерений, а в использовании различных стадиев. Для того чтобы убедиться в этом, произведем следующие расчеты. Если считать, что Псевдо-Скимн, а точнее, его источник, измерял расстояние стадием в 157,7 м, приведенные им 240 стадиев составляют 37,8 км. А 200 стадиев Страбона при стадии в 185 м равны 37 км. Действительное расстояние от Очаковского мыса до развалин Ольвии насчитывает примерно 36 км. Как мы видим, оба древних автора приводят весьма точные данные о расстоянии от устья Борисфена до Ольвии.

Плиний же дает совсем другую цифру. Он называет реку Борисфен, «а также имеющие то же самое название озеро, племя и город, отстоящий от моря на 15 миль, в древности носивший имя Ольвиополис и Милитополис» (IV, 82).

Эти сведения Плиний получил, надо полагать, из какого-то современного ему сочинения или устного информатора. А значит, указанное расстояние измерено непосредственно в милях. Произведя перерасчет, получим, что 15 миль составляют 22 км. Эта цифра на 14 км меньше расстояния от Очаковского мыса до Ольвии. Но не будем спешить с обвинениями в ошибке.

Сопоставление древних и современных измерений, а также других античных описаний этого района позволяет

предложить следующее объяснение. Указанные 15 миль (22 км) определяют расстояние от Ольвии до верховья упоминаемого Плинием озера Борисфена, которое считалось частью моря. Теперь становится понятным, что выявленная разница в 14 км — это длина самого озера. Устье его находилось у современного Очаковского мыса, который раньше считался устьем Борисфена, а верховья — восточнее современного с. Дмитровка.

Сообщение Плиния об озере Борисфене и приведенное им измерение расстояния до Ольвии — исключительно важные историко-географические свидетельства. Они зафиксировали один из первых этапов формирования современного Днепро-Бугского лимана. Если источники Псевдо-Скимна, Страбона и Арриана, относящиеся к эллинистическому времени, упоминают только реки Борисфен и Гипанис и определяют устье Борисфена у современного Очаковского мыса, то источник Плиния, датируемый, надо полагать, первой половиной I в. н. э., указывает здесь уже озеро. Это свидетельствует о том, что в последние столетия до нашей эры — начале нашей эры в результате повышения уровня моря предустьевая часть Борисфена была затоплена и на ее месте образовалось небольшое озеро, положившее начало формирования современного Днепро-Бугского лимана. А до того, в период пика фанаторийской регрессии, здесь была широкая долина Борисфена. Геродот сообщает: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь» (IV, 53). Надо полагать, после впадения Гипаниса течение Борисфена заметно расширилось, и поэтому Геродот назвал это место заводью (*ἐλός*). Но это — еще не лиман, или озеро (*λίμνη*, *lacusque*), а только заводь.

Таким образом, сведения Плиния имеют исключительно важное значение для построения палеогеографической реконструкции района Днепро-Бугского лимана для различных периодов античного времени, а также для уточнения кривой изменения уровня моря.

Такое же исключительно важное значение имеет описание этого района Дионом Хрисостомом, который посетил Ольвию примерно в 100 г. н. э.: «Случилось мне летом быть в Борисфене, когда я после изгнания прибыл туда морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам, чтобы посмотреть, что там делается. И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса. Надо знать, что, хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины этой реки, но как

ныне лежит на Гипанисе, так и прежде был выстроен там же, немного выше так называемого Гипполаева мыса, на противоположном от него берегу. Мыс этот представляет собой острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, около которого сливаются обе реки; далее они представляют уже лиман вплоть до моря на протяжении почти 200 стадиев; и ширина рек в этом месте не менее. Большая часть лимана представляет мели, и при безветрии поверхность воды там постоянно гладка, как на озере. Лишь с правой стороны заметно течение воды, и плывущие с моря по течению заключают о глубине; отсюда-то река изливается в море вследствие силы течения; если бы его не было, вода легко могла бы быть задержана сильным южным ветром, дующим в устье.

В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям. Здесь есть также много соли, и отсюда получают ее покупкой большинство варваров, а также эллины и скифы, живущие на Таврическом полуострове. Реки впадают в море у укрепления Алектора, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов» (XXXVI, 2).

Как мы видим, автор точно указывает местоположение Ольвии и довольно подробно описывает географическую ситуацию в районе. Здесь зафиксирован уже следующий этап формирования лимана. За период, прошедший со времени источника Плиния, в результате дальнейшего повышения уровня моря долина реки подтапливалась все выше и выше. Лиман протянулся уже почти на 200 стадиев, которые при стадии в 157,7 м составляют 31,5 км, а при стадии в 185 м — 37 км. Получается, что длина лимана увеличилась более чем вдвое. Это свидетельствует о довольно быстром подъеме уровня моря в начале нашей эры.

Но и около 100 г. н. э. уровень моря оставался еще весьма низким. Большая часть лимана, как сообщает Дион Хрисостом, представляла собой мели. Множество деревьев в лимане свидетельствуют о том, что эта часть долины была затоплена морем совсем недавно. О том же говорит и терминология античного оратора. Сначала он отмечает, что около Гипполаева мыса «сливаются обе реки; далее они представляют уже лиман вплоть до моря», а потом указывает, что «река изливается в море вследствие силы течения» и что «реки впадают в море у укрепления Алектора» (курсив мой. — М. А.). Судя по неустоявшемуся тер-

мину, сам лиман образовался не так уже давно и местные жители (а вслед за ними — и мореплаватели из других регионов) по традиции говорили о *реке*.

Всестороннее изучение сведений Диона Хрисостома, крупномасштабных батиметрических карт современного Днепро-Бугского лимана, материалов геолого-географических исследований на его акватории показывает, что около 100 г. н. э. уровень Черного моря был ниже современного не менее чем на 3 м. Этот вывод полностью укладывается в существующую схему изменения уровня и подтверждается результатами подводных археологических исследований.

Рассмотрим теперь сведения об Ольвии, содержащиеся в перипле Арриана. В кратком перипле лаконично сказано: «Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город по имени Ольвия» (§ 31). А в полном перипле Арриан заменил это сообщение строфами из Псевдо-Скимна, где расстояние от устья Борисфена до Ольвии определено в 240 стадиев. Надо полагать, что в перипле эллинистического времени, которым пользовался Арриан, также было указано расстояние до Ольвии. Ведь маловероятно, чтобы в таком подробном описании Понтийского побережья не было определено местоположение одного из крупнейших античных центров Северного Причерноморья. Если такое измерение было, то в кратком перипле Арриан опустил его, а в полном — заменил сведениями Псевдо-Скимна.

Клавдий Птолемей указывает устья реки Борисфена под координатами $57^{\circ}30'$ — $48^{\circ}30'$, а Ольвию, или Борисфен, 57° — 49° (III, 5, 2, 14). И помещена Ольвия у Птолемея на реке Борисфене. Переведя координаты в линейные меры, получим, что расстояние от устья Борисфена до Ольвии составляет здесь 300 стадиев. Эта цифра больше действительной. Расхождение объясняется, надо полагать, тем, что географ определил местоположение Ольвии приблизительно и округлил координаты города до градуса.

Таковы основные сведения античных авторов об Ольвии. Они дают достаточно полное представление об этом районе и являются важным источником для построения необходимых палеогеографических реконструкций.

Каких-либо серьезных споров исследователей при локализации Ольвии практически не возникало. Еще в конце XVIII — начале XIX в. город был надежно локализован на правом берегу Бугского лимана на месте современного с. Парутино, что подтвердили надписи с названием Ольвии на монетах и мраморных плитах.

Многолетние историко-археологические исследования дают возможность проследить основные этапы исторического развития Ольвии. Единого мнения о времени основания города пока нет. Одни исследователи относят это событие к рубежу VII—VI вв. до н. э., другие — к середине VI в. до н. э. [182, с. 5—8]. Прекращение жизни в Ольвии относится к IV в. н. э.

В последующие столетия в результате повышения уровня моря постепенно были затоплены низовья Днепра и Южного Буга и образовались современные контуры Днепро-Бугского лимана. Гавань, портовые сооружения и прибрежная часть Ольвии были затоплены лиманом. В последние десятилетия здесь весьма результативно ведутся подводные археологические исследования под руководством С. Д. Крыжицкой. Эти работы весьма перспективны. Но для более результативного изучения затопленной части Ольвии необходимо широкое применение новейшей гидролокационной, грунтососной и другой аппаратуры и оборудования для подводных работ.

Храм Деметры

Этот храм известен нам только из краткого упоминания Геродота. Описывая район современного Днепро-Бугского лимана, «отец истории» сообщает: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53).

Мыс Гипполая указывает также Дион Хрисостом. Описывая Ольвию, он отмечает, что город находится «немного выше так называемого Гипполаева мыса, на противоположном от него берегу. Мыс этот представляет собой острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, около которого сливаются обе реки» (XXXVI, 2).

Где же находился мыс Гипполая? Его общее местоположение ясно. Это — мыс в месте слияния Борисфена и Гипаниса. Начиная с XIX в. многие ученые отождествляли мыс Гипполая с современным мысом Станислав, расположенным между Днепровским и Бугским лиманами [94, с. 284]. Здесь и искали храм Деметры. Но даже самые тщательные поиски не дали никаких результатов. Поиски перенесли в соседние районы, но оказались также безре-

зультатными. Возникали споры, дискуссии, высказывались новые точки зрения, но и они не подтверждались.

Во второй половине XX в. начались планомерные археологические разведки берегов Днепро-Бугского лимана. Вновь был детально обследован и мыс Станислав. Но и эти поиски не дали результатов. Тогда Ф. М. Штителман высказала предположение о том, что храм Деметры находился на самой оконечности мыса Станислав и обрушился в лиман в результате интенсивного размыва прибрежной полосы (МИА, 1956, № 50, с. 257).

В последние десятилетия в ходе дальнейших исследований античных поселений Нижнего Побужья вопрос о храме Деметры время от времени поднимался вновь. Но никаких принципиально новых данных не было. И вопрос остался нерешенным.

Ключ к решению этой проблемы дала палеогеография. В предыдущем разделе мы уже говорили о том, что в античное время этот район выглядел иначе.

Из сообщения Диона Хрисостома ясно, что у мыса Гипполая сливались Гипанис и Борисфен, образуя далее лиман длиной почти в 200 стадиев (31,5 — 37 км). Устье лимана находилось там же, где ранее было устье Борисфена, у Очаковского мыса. Следовательно, вершина лимана и мыс Гипполая находились в 31,5 — 37 км восточнее Очаковского мыса.

Во времена Геродота лимана не было. Но общая конфигурация Гипполаева мыса была примерно такой же, какой видел ее Дион Хрисостом. За период, разделяющий описания этих авторов, существенные изменения произошли пока только к югу от мыса. Море затопило долину Борисфена и образовало лиман. Но образовавшийся лиман еще не подступил вплотную к крутому выступу Гипполаева мыса и не начал его интенсивно разрушать. В последующие столетия в результате дальнейшего наступления моря на сушу мыс Гипполая был разрушен. Рухнули в лиман и развалины храма Деметры. Метр за метром уничтожал лиман полуостров между затопленными долинами Днепра и Южного Буга, выравнивая свои берега.

Итак, согласно данным Диона Хрисостома, мыс Гипполая находился в 31,5—37 км восточнее Очаковского мыса. Уточнить его местоположение помогают геолого-географические данные. Проработка крупномасштабных батиметрических карт и других материалов показывает, что русла Борисфена и Гипаниса сливались примерно в 30—32 км к востоку от Очаковского мыса. Следовательно, здесь и нуж-

но искать храм Деметры. Отсюда до мыса Станислав еще 12—14 км. Иными словами, разрушенный лиманом полуостров между Борисфеном и Гипанисом равнялся, согласно этим расчетам, 12—14 км. На других участках лиман просто затопил долины этих рек. Затем, уже в результате абразии, усилившейся в последние столетия, началось интенсивное разрушение коренных берегов на всем побережье обширного Днепро-Бугского лимана.

Такова в общих чертах схематическая палеогеографическая реконструкция рассматриваемого района Днепро-Бугского лимана. Разумеется, и сама реконструкция, и локализация храма Деметры во многом еще гипотетичны и требуют дальнейшей аргументации и уточнений. Но вывод о том, что храм Деметры давно разрушен волнами и его остатки находятся на дне лимана под слоем современных осадков, представляется бесспорным. Вопрос только в том, где именно покоятся развалины этого храма. Ответ могут дать только подводные археологические исследования с применением гидролокатора, эжектора и другой новейшей аппаратуры и оборудования для подводного поиска в подобных условиях и последующими подводными раскопками.

Эксампей

При описании Гипаниса Геродот сообщает о горьком источнике Эксампее: «Третья река — Гипанис — движется из пределов Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади. Это озеро правильно называется матерью Гипаниса. Возникающая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и вода в ней пресная, а отсюда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая. Ведь в нее впадает горький источник; настолько горький, что, хотя и невелик по размерам, он придает свой вкус Гипанису, одной из немногих больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов. Название источника и той местности, откуда он вытекает, по-скифски — Эксампей, на языке же эллинов — Священные пути. Вблизи земли ализонов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52).

Сначала остановимся вкратце на сообщении об озере, из которого вытекает Гипанис. Ученые по-разному воспринимают эти слова Геродота: одни считают их вымыслом,

другие пытаются отыскать указанное озеро [94, с. 279]. Мне представляется, что сомневаться в правильности сведений «отца истории» нет никаких оснований. Дело в том, что в верхнем течении реки имеется много озер и болот. Именно они, как указывали еще Г. Думшин, Я. Зборжил и другие ученые, во время разливов превращались в одно большое озеро, считавшееся матерью Гипаниса. На наш взгляд, упоминаемое в источнике озеро находилось в районе Винницы. Здесь Южный Буг течет по широкой заболоченной долине, в которой особенно много озер и болот. В половодье они превращаются в одно большое озеро. И создается впечатление, особенно если не знать о верховьях реки, что Южный Буг вытекает именно из этого озера. На сведениях об этом и основано сообщение Геродота.

Вопрос о локализации Эксампея многие десятилетия вызывал оживленные споры и дискуссии [94, с. 280—281]. Одни исследователи считают, что это — Синюха, другие — Мертвовод, третьи — Гнилой Еланец, четвертые — Черный Ташлык.

Всестороннее изучение всего комплекса имеющих данных показывает, что Эксампеем называлась именно Синюха [12, с. 140—155]. Она, и только она, полностью соответствует данным Геродота и других источников. И сомневаться в правильности этого отождествления нет никаких объективных оснований. Иные же локализации в большей или меньшей степени противоречат письменным источникам и не выдерживают серьезной критики. Мало того, они неизбежно влекут за собой необходимость так или иначе поправлять Геродота и прибегать к различным допущениям, которые вызывают новые противоречия. А для этого у нас нет никаких оснований и главное — никакой необходимости. Отождествление Эксампея с Синюхой, и это следует подчеркнуть еще раз, полностью соответствует данным Геродота и других источников. И если какие-то отдельные признаки могут на первый взгляд кому-то показаться несоответствующими, то не надо делать поспешные выводы. Несоответствия эти — кажущиеся и объясняются в основном происшедшими географическими изменениями.

Один из основных вопросов связан со вкусом воды Эксампея. Почему же Синюха была горькой? Ответить на этот вопрос помогают сведения Витрувия Поллиона, изложенные в его сочинении «Об архитектуре»: «Есть источники, берущие свое начало из горького земного сока, с чрезвычайно горькой водой; такова река Гипанис в Понте. Река эта течет от истоков приблизительно 40 миль, имея воду

очень сладкую на вкус, затем достигает места, отстоящего от устья на 160 миль; там она принимает очень небольшой источник. Он, впадая в реку, делает всю огромную массу воды в ней горькой, так как течет по такой земле и жилам, откуда добывают сандарак, и вода в ней делается горькой» (VIII, 3, 11).

Отсюда ясно видно, что Витрувий связывает горький вкус воды Эксампей с землей, по которой он протекает. Действительно, названные притоки Южного Буга содержат фосфатные и медистые примеси, значительно ухудшающие вкус воды. Весьма показательны и сами названия этих речек — Синюха, Мертвовод, Гнилой Еланец, Черный Ташлык.

Но Эксампей выделялся среди соседних притоков особой соленостью. Это обстоятельство связано, по нашему мнению, с тем, что именно в верховьях Синюхи до недавнего времени существовало несколько соленых озерцов, в которых вода по солености не отличалась от морской. Здесь вплоть до начала XIX в. довольно интенсивно в больших количествах добывали соль. В древности здесь были, надо полагать, весьма значительные запасы соли. Они и придавали Синюхе исключительно горький вкус, который очень сказывался на качестве воды Южного Буга.

Геродот указывает также местность Эксампей, из которой вытекает одноименный источник: «Численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения: что их очень много и что скифов как таковых мало. Однако вот что мне наглядно показали. Есть между реками Борисфеном и Гипанисом местность, название которой Эксампей. Об этой местности я упоминал незадолго до того, сказав, что в ней есть источник горькой воды; вода, вытекающая из него, делает воду Гипаниса негодной для питья» (IV, 81). И далее: «отец истории» рассказывает, что в этой местности находится медный скифский котел толщиной в шесть пальцев, свободно вмещающий 600 амфор. Согласно легенде, скифский царь Ариант приказал всем жителям Скифии принести по одному наконечнику стрелы. Из собранных наконечников был изготовлен котел, который царь посвятил в Эксампей.

Основываясь на этих данных, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко попытались определить численность скифов [268, с. 51]. Для расчетов были взяты форма котла из кургана Солоха и наконечники скифских стрел VI в. до н. э. весом от 3,2 до 3,9 г.

В Вычислительном центре Института социально-экономических проблем АН СССР по программе А. Н. Мальгина

были проведены соответствующие расчеты, которые дали 36 вариантов количества наконечников стрел, необходимых для отливки котла. В наименьшем варианте вес котла 21 654 кг, емкость 11 760 л, количество наконечников — 6,155 млн шт. Наибольший вариант предполагает такие цифры: вес котла 41 771 кг, объем 19 440 л, количество наконечников — 13,009 млн шт.

Полученные цифры, конечно же, нереальны, даже в наименьшем варианте. Видимо, данные Геродота о котле Арианта неточны. Но это не дает оснований сомневаться в существовании самого котла. «Отец истории» описывает этот котел и связанные с ним события абсолютно реально. Бесспорно, в Эксампее стоял столь необычный памятник царю Арианту. Нельзя исключать, что знаменитый скифский котел уцелел в водовороте бурных событий прошедших веков и лежит где-то в верховьях Синюхи. Ведь его поисками всерьез никто не занимался.

В Эксампее находилось, как полагают исследователи, общескифское святилище [94, с. 282]. Отсюда и название «Священные пути».

Интересна мысль Д. С. Раевского о том, что урочище Эксампей является геометрическим центром «скифского четырехугольника» — простейшей модели организованного мира, или, иными словами, центром мира [211, с. 114].

Но Б. А. Рыбаков совершенно необоснованно отверг выводы Д. С. Раевского и привел такой довод: «...ведь сторона скифского квадрата равнялась 20 дням пути, а до Эксампей было всего четыре дня» [222, с. 211—212, примеч. 22]. Однако этот единственный аргумент Б. А. Рыбакова ошибочен и основан на недоразумении и недопонимании письменных источников.

Во-первых, Геродот говорит о четырех днях плавания, а не пешеходного пути. А это далеко не одно и то же. День пути равен, как указывает «отец истории», 200 стадиям, т. е. примерно 36 км, а день плавания, как показал целый ряд расчетов, по данным Геродота, 55—58 км [12, с. 145—148]. Следовательно, четыре дня плавания — это более шести дней пешеходного пути.

Во-вторых, по Геродоту, четыре дня плавания от моря приводят к устью реки Эксампей, а не к самой местности с таким же названием, где стоял котел Арианта. Эта местность находилась в верховьях реки, примерно в четырех днях пути от ее устья. Следовательно, святилище Эксампей находилось примерно в десяти днях пути от моря, т. е. в самом центре «скифского четырехугольника».

В связи с измерениями длины Гипаниса необходимо вкратце остановиться и на вопросе об устье Борисфена. Оно находилось, как принято считать, у современного Очаковского мыса, там, где сегодня расположено устье Днепро-Бугского лимана. Именно к этому мысу приводят расстояния, указываемые Псевдо-Скимном, Страбоном, Аррианом и другими античными авторами.

Но К. К. Шилик, занимаясь поисками Эксампея, пришел к иному выводу. Но его мнению, уровень моря во время пика фанагорийской регрессии снижался по сравнению с современным до 10 м и Одесская банка была надводным продолжением Кинбурнского полуострова, что удлиняло лиман на 45 км [275, с. 80, рис. 15]. Устье этого «удлиненного» лимана показано несколько восточнее современной Одессы, в районе с. Дофиновки. Отсюда исследователь и измерял длину Гипаниса. Поэтому устье Эксампея оказалось «смещенным» вниз по течению Гипаниса и этот приток был отождествлен не с Синюхой, а с Гнилым Еланцом.

Но эту реконструкцию опровергают сведения указанных античных авторов. По К. К. Шилику, расстояние от устья лимана до Ольвии превышало 80 км. Но Псевдо-Скимн и Страбон определяют расстояние от устья Борисфена до Ольвии, как уже говорилось, соответственно в 37,8 и 37 км. Соответствующие измерения приводят нас в район Очаковского мыса. К этому же мысу приходим мы, если измерять приведенные Аррианом расстояния от Никония к устью Борисфена. Эти и другие данные бесспорно показывают, что устьем Борисфена античные мореплаватели считали район современного Очаковского мыса.

Может быть, несмотря на то, что устьем Борисфена считался современный Очаковский мыс, Одесская банка все же была в надводном положении, но ограниченное ею водное пространство, являвшееся фактически лиманом, называлось еще морем?

В таком случае древнегреческие корабли входили в лиман фактически уже в районе Дофиновки и шли вверх к Ольвии. Затем, чтобы после Ольвии направиться к Крыму, они должны были вновь вернуться к Дофиновке и оттуда уже взять курс на восток. Иными словами, им необходимо было обогнуть Одесскую банку. А для этого потребовалось бы пройти от Очаковского мыса на запад 45 км (почти 300 стадиев) и еще столько же, чтобы вернуться к долготе Очаковского мыса. Но античные авторы свидетельствуют о том, что от Очаковского мыса суда шли прямо на восток к Тендровской косе. Так, Арриан в полном перипле сообща-

ет, что от западной оконечности Ахиллова бега, отождествляемой с оконечностью Тендровской косы до устья Борисфена, т. е. Очаковского мыса, 200 стадиев, т. е. 32 км (§ 84), а в кратком перипле — и того меньше, 150 стадиев, т. е. 24 км (§ 31). Эти цифры соответствуют современным измерениям.

Таким образом, письменные источники показывают несостоятельность реконструкции К. К. Шилика для классического — эллинистического времени. Оконечность Кинбурнского полуострова находилась тогда примерно там же, где и сейчас. А в районе Одесской банки над водой могли выступать лишь небольшие отмели.

Следовательно, в классическое — эллинистическое время уровень моря не был таким низким, как полагает К. К. Шилик, т. е. по сравнению с современным он не был опущен до 10 м. Сопоставление приведенных данных и проработка крупномасштабных батиметрических карт рассматриваемого района показывают, что уровень моря находился тогда на отметке примерно 5—7 м. Полученные цифры совпадают с выводами П. В. Федорова.

С локализацией притока Эксампей связаны также важные вопросы этногеографии Скифии. Рассмотрим некоторые из них.

Напомним сообщение Геродота о том, что, начиная от торжища борисфенитов, по Гипанису, «первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. Над ализонами живут скифы-пахари... Выше этих живут невры, а над неврами — земля, обращенная к северному ветру, на всем известном нам протяжении безлюдна» (IV, 17).

Локализация Эксампея дает возможность уточнить некоторые границы расселения указанных племен. Вернемся к словам Геродота о том, что «вблизи земли ализонов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52). Отсюда следует, что земля ализонов находилась в месте сближения Днестра и Южного Буга. Эта территория тянется от района Гайсина до Саврани. Следовательно, северная граница ализонов проходила примерно в районе Гайсина. А южная их граница находилась вблизи Саврани, т. е. несколько выше устья Эксампея. А само устье Эксампея было расположено, как свидетельствует Солин (XIV, 1), уже в земле каллипидов [12, с. 155—156].

Такому определению границ очень близки выводы ученых, занимающихся историей Скифии, основанные на изучении археологических культур этого региона [254, с. 226]. Близость независимых друг от друга локализаций окончательно убеждает в их правильности. Как мы видим, письменные и археологические источники взаимно дополняют и уточняют друг друга.

Гилея

Первое и, пожалуй, наиболее подробное описание Гилеи дает нам Геродот. После упоминания Ольвии и живущих к северу от нее племен «отец истории» продолжает: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея, если же идти вверх от нее — там живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену» (IV, 18).

А в другом месте при характеристике Борисфена Геродот сообщает: «Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания» (IV, 53).

Нетрудно заметить, что в первом отрывке протяженность земли скифов-земледельцев определена в одиннадцать дней, а во втором — в десять дней плавания. Исследователи нередко усматривают здесь противоречие [94, с. 236]. Но, если внимательно вчитаться в эти сообщения, мы увидим, что они не противоречат друг другу, а указывают два в некотором смысле разных расстояния, что уже отмечал Ю. Г. Виноградов [52, с. 79]. Одиннадцать дней плавания — это расстояние, на которое простирается земля, принадлежащая скифам-земледельцам, а десять дней плавания — это пространство, на котором непосредственно обитают эти племена. Отсюда следует, что один день плавания приходится на Гилею.

В параграфе, посвященном скифам-кочевникам, узнаем, что «вся эта земля, за исключением Гилеи, — безлесная» (IV, 19).

Излагая легенду об Анахарсисе, Геродот отмечает: «Когда же он прибыл в Скифию, то, углубился в так называемую Гилею (а она находится близ Ахиллова бега и вся полна разнообразнейшими деревьями)» (IV, 76).

А в легенде о происхождении скифов Геродот сообщает, что Геракл «прибыл в землю, которая называется Гилея» (IV, 9).

Характеризуя реку Гипакирис, «отец истории» указывает, что она «впадает в море близ города Каркинита, направо от себя оставляя Гилею и так называемый Ахиллов бег» (IV, 55).

Псевдо-Скимн со ссылкой на Эфора кратко сообщает, что «к востоку за Борисфеном так называемое Полесье (Гилея) заселяют скифы» (§ 844—845).

Помпоний Мела после описания Каркинитского залива сообщает: «Затем идут самые огромные в этих местностях леса и река Пантикап, отделяющая номадов и пахарей» (II, 5). И далее автор переходит к характеристике Ахиллова бега. Здесь речь идет, конечно же, о Гилее. Автор подчеркивает, что это — «самые огромные в этих местностях леса». Следовательно, он подразумевает, что весь описываемый регион достаточно богат лесами. А среди них особо выделяется Гилея. Это подтверждают и данные палеогеографов [179]. Действительно, в период фанагорийской регрессии, когда увлажненность материков Северного полушария была большей, чем теперь, по долинам более полноводных рек, особенно в их дельтах, росли густые пойменные леса, а склоны балок, низины были покрыты густыми перелесками.

Весьма показательна лаконичная характеристика Гилеи Плинием. Он отмечает, что эта «лесная страна дала морю, ее омывающему, название “Гилейского“, жители ее называются энекадиями» (IV, 83). Это сообщение свидетельствует о достаточно широкой известности Гилеи далеко за пределами Понта Эвксинского.

Стефан Византийский также лаконично сообщает в своем словаре: «Гилея — понтийская страна, иначе называемая Абика, т. е. Полесье». При этом дана ссылка на «Описание Понта» Александра Полигистора. Абика, надо полагать, скифское название Гилеи, на что указывал еще Л. А. Ельницкий (ВДИ, 1948, № 3, с. 327, примеч. 8).

Таковы основные сведения античных историков и географов о Гилее. При всей своей лаконичности они абсолютно однозначно указывают, что Гилея занимала обширную территорию современных Нижнеднепровских песков от Кинбурнского полуострова до Цюрупинска и Скадовска.

Необходимо сказать и о путанице, которую пытался внести в этот вопрос Б. А. Рыбаков. Он пришел к выводу о том, что существовали две разные Гилеи [222, с. 129—133,

140—142]. Первую он поместил на Нижнем Днепре, а вторую — на р. Ворскле, которую отождествил с Пантикапом Геродота. Всесторонний анализ имеющихся данных, а также рассуждений Б. А. Рыбакова показывает, что выделение двух Гилей совершенно искусственно и абсолютно ничем не обосновано. И Геродот, и другие античные авторы указывают одну-единственную Гилею — нижнеднепровскую. Сомневаться в этом и выдумывать еще одну Гилею нет никаких мало-мальски серьезных оснований. Такого рода попытка — не что иное, как насилие над текстом, с тем чтобы выдать желаемое за действительное и на этом возводить новые искусственные построения.

Итак, обратимся к району современного Кинбурнского полуострова. Кто знаком с этими местами, знает, что никаких лесов здесь нет. Наоборот, на многие десятки километров тут раскинулась настоящая пустыня — Нижнеднепровские пески. Но, как ни парадоксально, именно на месте этой песчаной пустыни в античное время шумели обширные лесные массивы Гилей.

В более ранние геологические периоды здесь была дельта древнего Днепра¹. Река выходила в море в районе современной Тендровской косы. Постепенно дельта переместилась в широтном направлении к своему современному положению, и конфигурация берегов приобрела соответствующие очертания. Все огромное пространство между старой и новой дельтой было покрыто плодородными иловыми наносами реки и изрезано множеством мелких рукавов и протоков. Здесь и разрослись огромные буйные леса, которые скифы называли Абикой, а греки — Гилеей. Как показал пыльцевой анализ из Кардашинского торфяника близ Цюрупинска, здесь произрастали дуб, вяз, ольха, береза, граб, клен, орех, липа и сосна [179, с. 362].

В последующие столетия в результате естественных географических изменений и нарастающей хозяйственной деятельности человека леса Гилей катастрофически быстро сокращались. В средние века они были еще довольно обширными. Весьма показательны, что во времена Древней Руси здесь существовал город Олешье, а в наше время — город Алешки, современный Цюрупинск. Эти лесные массивы обозначены на многих средневековых картах, где иногда дается даже античное название — Гилея, как, например, на карте Понта Эвксинского 1590 г. из исторического атласа Ортелия.

¹ Горещий Г. И. Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука, 1970. С. 419, 421.

К XVIII в. прежние лесные массивы сократились до весьма скромных размеров. Вот, к примеру, что пишет об этом П. О. Бурачков: «Поселившись на Кинбурнском полуострове в 1760 году, прадед мой застал всю левую сторону лимана от крепости Кинбурна до Алешек покрытую густым, хотя и не сплошным лесом, состоящим из дуба, березы, ольхи, бересты и осины, и звери, как, например, дикие козы, свиньи и даже олени, находили в них убежище» [47, с. 3].

Дальнейшие естественные географические изменения, а главное — хищническая вырубка привели к практически полному исчезновению лесов. И вот на месте лесной страны Гилеи раскинулись современные Нижнеднепровские пески.

Осмысливая в целом сведения античных авторов о Гилее, следует отметить, что из них наибольшее внимание Гилее уделяет Геродот. Его данные свидетельствуют о том, что в архаическое—классическое время роль Гилеи в жизни скифов и эллинов была весьма велика. Об этом же говорят и археологические материалы. Ведь именно в Гилес находилось Ягорлыцкое поселение VI—V вв. до н. э., довольно крупный ремесленно-производственный центр с удобной гаванью, работавший на богатейших местных сырьевых ресурсах (лес, как топливо, гематитовые пески для железодельного производства, кварцевые пески, сода для стеклоделательного производства и т. д.) [186, 187].

В эллинистическое время роль Гилеи, надо полагать, значительно уменьшилась. Ее лишь кратко упоминает передаваемый Псевдо-Скимном Эфор. А в описаниях Страбона, Арриана она вообще отсутствует. К этому времени Ягорлыцкое поселение уже не существовало. Другие более или менее крупные поселения неизвестны.

А сведения Помпония Мелы и Плиния Старшего с весьма показательной характеристикой Гилеи относятся, надо полагать, именно к архаическому—классическому времени.

Остров Борисфен (Борисфенида)

При описании района современного Днепро-Бугского лимана Страбон указывает реки Борисфен и Гипанис и «остров перед устьем Борисфена с гаванью» (VII, 3, 17). А составитель «Хрестоматии из "Географии" Страбона» приводит и название этого острова: «Устья реки Борисфена и остров

Борисфен находятся в углу Тамиракского залива» (из кн. VII). Клавдий Птолемей указывает в этом районе остров Борисфениду. Несомненно, речь идет об одном и том же острове.

Ранее этим островом считали современную Березань. Затем выяснилось, что Березань в античное время была, как уже говорилось, не островом, а полуостровом.

Всестороннее изучение всего комплекса имеющихся письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников позволило отождествить остров Борисфен (Борисфениду) с дельтовым островом, существовавшим на современном Кинбурнском полуострове между основным руслом Борисфена (совр. Днепровский лиман) и пересохшим ныне рукавом реки [10, с. 132—135; 12, с. 116—128]. Вкратце остановлюсь на основных выводах и положениях этой локализации.

Данные палеогеографии показывают, что в античное время, а также в средние века через современный Кинбурнский полуостров протекали, как минимум, два днепровских рукава, которые отделяли западную часть полуострова в виде двух дельтовых островов.

Палеогеографическая реконструкция подтверждается письменными и картографическими источниками. Клавдий Птолемей (III, 5, 2), Руфий Авijen (§ 720), составитель «Хрестоматии из "Географии" Страбона» (из кн. VII) указывают не *устье*, а *устья* Борисфена. Летописец Нестор в «Повести временных лет» сообщает, что Днепр впадает в море «тремя жерелы», т. е. устьями. Несомненно, что в этих сообщениях имеются в виду основное устье реки у Очаковского мыса, т. е. устье современного Днепро-Бугского лимана, а также устья пересохших ныне днепровских рукавов, протекавших через современный Кинбурнский полуостров. А средневековые морские компасные карты, так называемые портоланы, дают возможность наглядно убедиться в правильности полученной палеогеографической реконструкции. Почти на всех этих картах на месте современного Кинбурнского полуострова изображены два дельтовых острова: один — большой, другой — значительно меньше (см. атласы А. Норденшельда, В. Кордта, Б. Димитрова и др.). На некоторых из этих карт показан только один большой остров. Видимо, картографы в этих случаях указывали один из рукавов, а другой, менее значительный, не учитывали. Указанный рукав Днепра существовал вплоть до XVI—XVII вв. под названием «Запорожская протока».

Бронзовый грифон. Украшение конской сбруи

На берегу этого рукава в античное время существовало довольно крупное ремесленно-производственное Ягорлыцкое поселение [186, 187]. Была здесь и удобная спокойная гавань, куда заходили корабли из различных торговых центров.

Все это дает достаточно оснований для отождествления острова Борисфен (Борисфенида) с западной частью современного Кинбурнского полуострова. Такое предположение почти сто лет назад высказал В. В. Латышев [148, с. 297]. Но тогда еще не было

необходимых палеогеографических и археологических данных. И эта мысль осталась без должного внимания. Теперь же имеющиеся данные полностью подтверждают давнее предположение В. В. Латышева.

Необходимо подчеркнуть, что на карте «Понта Эвксинского» из исторического атласа А. Ортелия составленной в 1590 г., этот остров назван *Borysthenes insula*. Видимо, средневековый географ имел в своем распоряжении не дошедшие до нас источники, которые подробнее сообщали о местоположении острова Борисфен (Борисфенида). Хотя в тот период локализация указанного острова не представляла особых трудностей. Его местоположение было в прямом смысле очевидно. А последующее превращение этого острова в полуостров в результате исчезновения днепровских рукавов и отделение соседнего Березанского полуострова от материка значительно осложнили решение этого вопроса.

Таким образом, остров Борисфен (Борисфенида) отождествляется с западной частью современного Кинбурнского полуострова. На острове, как уже было сказано выше, в античное время существовало Ягорлыцкое поселение с удобной гаванью.

В результате трансгрессии море затопило часть острова и образовало довольно обширный Ягорлыцкий залив. Как показали подводные археологические исследования

А. С. Островерхова, на дне залива оказалась прибрежная часть Ягорлыцкого и других поселений (Спортсмен-подводник, 1986, № 77). Этот район весьма перспективен для дальнейших комплексных историко-археологических и paleogeographic исследований, в том числе и подводных.

Ахиллов бег

Ахиллов бег, отождествляемый с современной системой Тендровской и Джарылгачской кос, указывают почти все античные авторы. Если Геродот лишь кратко упоминает «так называемый Ахиллов Бег» (IV, 55), то последующие источники дают более подробные описания. ПсевдоСкимн приводит уже лаконичную характеристику: «Ахиллов Бег — морской бег, очень длинный и узкий» (§ 820—821).

Сведения Страбона дают уже достаточно полное представление об этом районе: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова Бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем — Ахиллов Бег, выдающийся в море полуостров; это — узкая коса, длиной около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — два стадия, а наименьшая — четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее перешеек, имеющий около сорока стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku» (VII, 3, 19).

Очень близкое этому описание содержится в полном перипле Арриана: «От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев, а в ширину имеющая 4 плефра; концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев. Посередине ее истмовидный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком (или с твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев. Если проплыть от Тамираки мимо упомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты, получают упомянутые 1200 стадиев. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев» (§ 84).

Сравнение этих двух отрывков показывает, что они, безусловно, восходят к одному общему источнику, что не-

однократно отмечали исследователи [217, с. 70—71; 121, с. 155—156; и др.]. И М. И. Ростовцев, и П. О. Карышковский считают этим источником Артемидора, но по разным соображениям и на различном материале. М. И. Ростовцев пишет: «Я уже говорил о том, что источником Страбона является, по всей вероятности, Артемидор из Эфеса. Но Артемидор не может быть и источником Анонима, так как в § 89 (63) данные Артемидора, совпадающие с расчетами Страбона, противопоставляются данным источника Анонима» [217, с. 71]. И далее он приходит к выводу, что Аноним пользовался периплом IV—III вв. до н. э. неизвестного автора, который послужил источником также для Артемидора. А П. О. Карышковский, анализируя процитированный отрывок Анонима, отмечает: «Это место Мюллер не возвел к какому-либо источнику; представляется вполне вероятным, что этим источником был Артемидор, прямая ссылка на труд которого приведена составителем перипла несколько ниже» [121, с. 155, примеч. 29].

Как мы видим, одна и та же ссылка на Артемидора в полном перипле Арриана (перипл Анонима, или Псевдо-Арриана) привела ученых к абсолютно противоположным выводам: П. О. Карышковский считает, что описание Ахиллова бега взято именно у Артемидора, М. И. Ростовцев исключает это.

В настоящее время, когда выяснилось, что перипл Арриана и так называемый перипл Псевдо-Арриана, или Анонимного автора, — это не два разных перипла, а краткая и полная редакция перипла Арриана, в основе которого лежит перипл неизвестного автора IV—III вв. до н. э., становится очевидным, что Артемидор, живший двумя столетиями позже, никак не мог быть автором описания Ахиллова бега. Наоборот, он сам, как и Страбон и Арриан, пользовался в числе других источников периплом IV—III вв. до н. э.

Страбон достаточно полно изложил имевшиеся у него данные и округлил длину косы до тысячи стадиев. Арриан в кратком перипле практически полностью опустил описание Ахиллова бега, а в полном перипле подробно охарактеризовал его.

Помпоний Мела не только описывает Ахиллов бег, но и объясняет происхождение его названия: «Затем выступающая длинная полоса земли соединяется с берегом узким перешейком, потом на большом пространстве понемногу умеренно суживается и, собирая свои длинные бока как бы в виде острия, прилежит в виде лежащего меча. Существует предание, что Ахилл, вступивший в Понтийское море с

враждебным флотом, праздновал там свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнял в беге себя и своих. Поэтому эта коса названа Ахилловым Бегом» (II, 5).

Евстафий в своих «Комментариях к “Землеописанию” Дионисия» приводит иное предание: «Бег Ахиллов, на котором живет племя тавров¹, представляет собой узкую и длинную косу; по Географу (т. е. Страбону.— М. А.), это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку, песчаный, в два стадия наибольшей ширины. Этот бег пробежал эллинский герой, Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон, дал этому месту свое имя. По наиболее распространенному преданию, Ифигения была ранее помолвлена за Ахилла; иные же говорят, что это другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время преследования, отчего это место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слово Алкея: “Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей”» (§ 306).

Так или иначе, предания связывают название косы с бегом Ахилла. И в лаконичных сообщениях некоторых древних авторов говорится просто об упражнениях знаменитого героя. Приведу еще раз слова Плиния, который указывает «полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом; длина его, как сообщает Агриппа, 80 миль» (IV, 82). Аммиан Марцеллин также лаконично характеризует «узкий берег, который туземцы зовут Ахилловым Бегом, так как он замечателен упражнениями этого фессалийского вождя» (XXII, 8, 41).

Клавдий Птолемей дает следующее описание этого района: «Устье реки Борисфена 57°30'— 48°30', устье реки Гипаниса 58°— 48°30', Роща Гекаты, мыс 58°30'— 47°30', перешеек Ахиллова бега 59°— 47°40', западный мыс Ахиллова бега, который называется Священный мыс, 57°50'— 47°30', восточный мыс, называющийся Мисаридой, 59°45'— 47°30', Кефалонес 59°45'— 47°50', Прекрасная (гавань) 59°30'— 47°45', Тамирака 59°20'— 48°30', устье реки Каркинита 59°40'— 48°30' (III, 5, 2)».

¹ Евстафий ошибочно помещает тавров на самой косе. Возможно, это ошибка позднейших переписчиков.

Сразу же отметим, что в силу специфики работы Птолемея конфигурация берегов здесь сильно искажена, координаты неточны. Поэтому приведенные данные могут быть использованы лишь в общем плане. Расстояния же между указанными пунктами несопоставимы со сведениями других авторов и реальной географией.

Таковы основные сведения античных историков и географов об Ахилловом беге.

Длина его равнялась, как указано в полном перипле Арриана, 1200 стадиям, т. е. 189 км. В настоящее время она составляет почти 150 км. Эта разница вполне естественна и легко объяснима. Дело в том, что система Тендра — Джарылгач находится в постоянной эволюции. Она изменяется под воздействием двух противоположных процессов. В результате повышения уровня море постепенно подтапливает эту косу. В то же время песчаные наносы моря постоянно увеличивают ее основание и она вновь появляется над уровнем воды. Скорость этих процессов различна и изменчива. Поэтому и длина Ахиллова бега, и его конфигурация в деталях время от времени менялись.

Ярким примером тому являются различные расстояния, приведенные Аррианом и Плинием. Неизвестный автор IV—III вв. до н. э. определил длину Ахиллова бега, как передает в полном перипле Арриан, в 1200 стадиев, или 189 км. А Агриппа в I в. до н. э. указал, согласно Плинию, 80 миль, или 118,5 км. Эта весьма существенная разница объясняется не ошибкой Агриппы, как обычно считали исследователи, а уменьшением длины косы за прошедшие два с лишним столетия. Процесс затопления морем Ахиллова бега значительно быстрее, чем его наращивание за счет песчаных наносов. В результате коса стала значительно короче.

По данным Птолемея, длина Ахиллова бега — 646 стадиев, которые при стадии в 185 м составляют 119,5 км. Этот результат практически полностью совпадает с цифрой Агриппы. Случайно ли такое совпадение? Конечно же, нет. При всех искажениях данных Птолемея длина Ахиллова бега меньше всего зависит от сетки координат и специфики работы. Географ знал его длину в линейных мерах, вероятнее всего, в милях и перевел их в координаты. Эти измерения близки по времени к данным Агриппы и указывают реальную протяженность косы на тот момент.

Палеогеографические изменения в этом районе повлекли за собой, как мы увидим далее, и соответствующие изменения в топонимике. В результате в описаниях антич-

ных авторов возникли, помимо указанных расхождений в длине Ахиллова бега, и другие несоответствия и неясности.

Комплексное изучение письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других данных показывает, что эволюция проходила примерно таким образом.

В период максимума фанагорийской регрессии, т. е. в классическое — эллинистическое время, Ахиллов бег примерно соответствовал современным Тендровской и Джарылгачской косам, даже был несколько длиннее. Судя по данным неизвестного автора перипла IV—III вв. до н. э., которые передают нам Страбон и Арриан в своем полном перипле, древняя коса была значительно уже и соединялась с материком узким перешейком длиной в 40 стадиев, или чуть более 6 км, который находился в районе современного Железного Порта и значительно расширился за прошедшее время.

Западная оконечность Ахиллова бега примерно соответствует современной оконечности Тендровской косы. Арриан в полном перипле сообщает, что она называлась Священной рощей Гекаты. Страбон же характеризует ее «как место, лишенное растительности, но называемое рощей и посвященное Ахиллу». Здесь действительно существовало святилище Ахилла. Его остатки были случайно обнаружены в 1824 г. при постройке Тендровского маяка группой матросов под командованием капитана Критского. Здесь был раскопан небольшой зольный холм, так называемый эшар, в котором найдены большое количество античной керамики, обломки мраморных рельефов, мраморные плиты с посвященными Ахиллу надписями, более 800 монет различных античных городов, боспорских и фракийских царей и римских императоров [256, с. 55 сл.; 109, с. 153 сл.].

Исследователи полагают, что Страбон правильно указал название этого места, а автор перипла «ошибочно приписал западной оконечности Ахиллова Дрома название мыса, лежащего невдалеке от него» [230, с. 119]. Этот мыс — Роща Гекаты, упоминаемый Птолемеем вблизи этой оконечности Ахиллова бега, локализуют обычно на современном Кинбурнском полуострове.

Но Птолемей указывает мыс Роща Гекаты на одной широте с западной и восточной оконечностями Ахиллова бега — $47^{\circ}30'$, т. е. на самой косе. По данным Страбона, расстояние от западной оконечности Ахиллова бега, которая названа у него Священным мысом, до мыса Роща Гекаты составляет 225 стадиев, или 42 км, при стадии вели-

чиной в 185 м. Думается, что какие-либо серьезные искажения в определении местоположения Роши Гекаты по отношению к Священному мысу маловероятны, поскольку привязка дана только по долготе и только к оконечности. Задача Птолемея была также проста, как и в случае с длинной Ахиллова бега, — пересчитать линейное расстояние в координаты по долготе. Зависимость от сетки координат здесь минимальна. Минимальными должны быть и ошибки при пересчете.

В свете изложенного представляется, что автор перипла не ошибся, назвав западную оконечность Ахиллова бега Священной рощей Гекаты. Видимо, это — первоначальное название рассматриваемого района. В дальнейшем в результате происшедших палеогеографических изменений деревья и кустарники здесь исчезли. И название перестало соответствовать действительности.

На оконечности косы было сооружено святилище Ахилла, о котором мы уже говорили. И Страбон, пользуясь, помимо перипла, еще каким-то более поздним источником, вполне обоснованно указывает здесь «место, лишенное растительности, но называемое рощей и посвященное Ахиллу».

А восточная оконечность Ахиллова бега в классическое—эллинистическое время примерно соответствовала современной оконечности Джарылгачской косы. Этот мыс назывался, как сообщают Страбон и Арриан, Тамиракой. Страбон при этом добавляет, что здесь была обращенная к материку гавань. Следы этой гавани практически не выявлены. За прошедшие тысячелетия топография этого района в деталях существенно изменилась. Поэтому для поисков и изучения указанной гавани необходимы комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования, в том числе и подводные.

Примерно в конце II—I вв. до н. э. конфигурация Ахиллова бега претерпела существенные изменения. В результате повышения уровня моря и других геологических процессов западная и восточная оконечности отделились от основного тела косы и превратились в острова. Длина Ахиллова бега соответственно уменьшилась: от 189 км, по данным полного перипла Арриана, до 118,5—119,5 км, согласно сведениям Плиния (со ссылкой на Агриппу) и Птолемея.

Западная оконечность Ахиллова бега со святилищем Ахилла превратилась в небольшой вытянутый песчаный остров. Этот остров изображен на многих средневековых

портоланах и более поздних картах. Он существовал под названием Тендры вплоть до XIX в. Затем остров соединился с Тендровской косой и стал ее современной оконечностью.

Таким образом, примерно с конца II—I вв. до н. э. в северо-западной части Понта Эвксинского существовало два посвященных Ахиллу острова — остров Левка, называемый также островом Ахилла (совр. остров Змеиный), и, видимо, безымянный остров, который позже был назван Тендрой. Появление второго острова ввело в заблуждение многих античных авторов. Вследствие этого они указывают здесь только один остров — Левку и приводят весьма путанные сведения о его местоположении, так как сливают в одно целое описание двух различных островов.

Наиболее яркий пример такого слияния сведений о двух разных островах дает Плиний. После указания Ольвии от сообщает: «Назад по берегу — Ахейская гавань, затем Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом; длина его, как сообщает Агриппа, 80 миль» (IV, 83). И далее, в разделе об европейских островах читаем: «Перед Борисфеном есть указанный остров Ахилла, который называют еще Левка и Макарон. Этот остров, по современным показаниям, лежит в 140 милях от Борисфена, 120 милях от Тиры и 50 милях от острова Певка. Окружность его около 10 миль» (IV, 93).

Начнем со второго отрывка. Здесь бросаются в глаза следующие основные противоречия и несоответствия.

1. Остров указан «перед Борисфеном... в 140 милях от Борисфена». Не слишком велико расстояние в 140 миль, чтобы считать, что этот же остров лежит «перед Борисфеном»? Поскольку это «современные показания», то отмеченное расстояние измерено, надо полагать, непосредственно в милях, а не переведено из стадиев в мили. Соответствующий пересчет показывает, что 140 миль составляют 207 км. Здесь, бесспорно, имеется в виду остров Левка. Прямое расстояние от основного устья Борисфена, т. е. от современного Очаковского мыса до этого острова, равно примерно 190 км. Разница, как мы видим, значительна и вполне объяснима. А указание «перед Борисфеном» относится, надо полагать, к острову Тендре.

2. Остров указан в 120 милях от устья Тиры. Расстояние от устья Тиры до Левки почти вдвое меньше. В то же

время Плиний сообщает, что «в 120 милях от Тире река Борисфен...» В обоих случаях фигурирует, одинаковое число миль. Безусловно, речь идет об одном и том же расстоянии. Следовательно, здесь имеется в виду остров «перед Борисфеном», т. е. Тендра.

3. Остров указан в 50 милях от острова Певка. Приведенные 50 миль — это, о чем уже говорилось, не что иное, как 400 стадиев Псевдо-Скимна со ссылкой на Деметрия Каллатийского от острова Ахилла до земли, которые Плиний пересчитал в мили по соотношению 8:1. Следовательно, в этом случае подразумевается остров Левка.

4. Окружность острова составляет около 10 миль. Остров Змеиный совсем крохотный. Сегодня его окружность не достигает даже 3 км. В древности она равнялась, как сообщает Павсаний в «Описании Эллады», 20 стадиям, т. е. примерно 3,5 км. Указанная Плинием цифра больше примерно в четыре раза. Следовательно, здесь не может идти речь об острове Левка. Расстояние около 10 миль практически соответствует примерно 70 стадиям, которым, по сведениям Филострата-младшего, как мы увидим далее, равна окружность острова с храмом со стороны Меотийского озера. Здесь, безусловно, идет речь об одном и том же острове. А находился он, как мы увидим, на месте современной оконечности Тендровской косы.

Вернемся теперь к сведениям Плиния, где указаны «Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом» (IV, 83). Здесь, бесспорно, имеется в виду остров Левка. Если указанные 125 миль до оконечности Ахиллова Дрома измерены непосредственно милями, что вероятнее всего, то это расстояние составляет 185 км. Прямое расстояние от острова Змеинового до оконечности Тендровской косы равно примерно 170 км. Разница, как мы видим, незначительна и вполне объяснима.

Таким образом, изложенные противоречия и несоответствия весьма наглядно показывают, что Плиний слил воедино имевшиеся у него сведения о двух разных островах — Левке и Тендре. Причиной путаницы послужило, надо полагать, именно то обстоятельство, что на том и другом острове существовал храм Ахилла. В результате остров Левка, названный Ахилловым островом, описан в разделе, посвященном району Борисфена. А в разделе об европейских островах фигурирует «указанный остров Ахил-

ла, который называют еще Левка и Макарон», вместивший в себе признаки обоих островов. А остров Тендра в описании Плиния фактически «исчез». Было бы заманчиво предположить, что название Макарон относилось именно к острову Тендре. Но это пока лишь догадка, которую в настоящее время проверить невозможно.

Аналогичную путаницу допустили и другие античные авторы. Например, Филострат-младший в своем «Рассказе о героях» сообщает, что остров Ахилла — «один из понтийских островов, лежащий ближе к негостеприимной стороне, которая для въезжающих в устье Понта приходится слева; в длину он имеет 30 стадиев, а в ширину не более четырех; на нем растут тополя и вязы, вокруг храма в порядке, а остальные как попало; храм построен со стороны Меотийского озера (которое впадает в Понт и равно ему по величине)... Посейдон, приняв в соображение огромное протяжение Понта и то обстоятельство, что вследствие отсутствия островов для мореплавателей нет пристанища, поднял упомянутый мной Белый остров, предназначив его Ахиллу и Елене для жительства, а морякам для стоянки на море. Владычествуя над всей влажной стихией и заметив, что реки Термодонт, Борисфен и Истр изливаются в море неудержимыми и вечно текущими потоками, Посейдон запрудил ил, который несут реки из Скифии в море, и образовал упомянутый остров, прочно утвердив его в глубине Понта» (XIX, 16).

В этих исключительно важных сведениях обращают на себя особое внимание следующие данные.

Во-первых, величина острова. Длина его — 30 стадиев, ширина — не более 4 стадиев. Следовательно, окружность острова насчитывает примерно 70 стадиев. Эти 70 стадиев практически равны «около 10 милям» Плиния. Конечно же, это — не случайное совпадение. Здесь фигурирует один и тот же остров и одно и то же измерение его. И Плиний, и Филострат-младший пользовались, надо полагать, общим источником. При этом Плиний перевел стадии в мили по соотношению 8:1.

Во-вторых, форма острова. Он вытянулся в длину, если считать стадий в 157,7 м, на 4,7 км, при ширине не более 631 м. Иными словами, остров представлял собой длинную узкую полосу суши. Конечно же, это — не Змеинный. Столь специфическая форма острова заставляет обратить взор к Ахиллову бегу. Наибольшая его ширина составляет, как указывает Страбон, 2 стадия, а наименьшая — 4 плетра (плефра), равного 29,6 м. У Филострата-младшего мак-

симальная ширина — вдвое больше. Но обратимся к словам Арриана, который, описывая косу, сообщает, что «концы ее имеют вид островов». Эти слова означают, что оконечности были шире самой косы. Такая конфигурация наблюдается и сегодня. И объясняется это закономерностью формирования песчаных наносов в этих районах. Таким образом, различие в цифрах о ширине косы и острова не противоречит его отождествлению с западной оконечностью Тендровской косы.

В-третьих, указание о том, что расположенный на острове «храм построен со стороны Меотийского озера». Эти слова, как и сведения о размерах острова, имеют исключительно важное значение для его локализации. Ведь если бы речь шла о храме на острове Левке, никому и в голову не пришло бы определять его местоположение относительно Меотиды. Да и сделать это было невозможно и не нужно. Такой ориентир абсолютно ничего не давал. А главное — храм Ахилла на Левке находился в юго-западной части острова, со стороны дельты Истра, т. е. в направлении, как раз противоположном тому, которое могло лишь весьма приблизительно указывать путь к далекой Меотиде.

Район же Ахиллова бега, «привязанного» к устью Борисфена и Каркинитскому заливу, античные авторы при общем географическом ориентировании конкретно связывают с Меотидой. Страбон, например, сообщает: «Вся эта страна очень холодна вплоть до мест, лежащих между Борисфеном и устьем Меотиды; из самых приморских местностей холодным климатом отличаются самые северные, именно устье Меотиды и еще более устье Борисфена» (VII, 3, 18). И далее географ подробно описывает местности между названными ориентирами. А Плиний, охарактеризовав низовья Борисфена, переходит к Каркинитскому заливу и отмечает: «Омывая огромные пространства, где обитают многие народы, море идет большим заливом, не достигая пяти миль до Меотиды, (IV, 84). Эти и другие письменные источники наглядно показывают, что античные историки и географы абсолютно ясно представляли себе, в каком направлении от устья Борисфена и расположенной недалеко от него западной оконечности Ахиллова бега лежит Меотида, и при необходимости указывали этот ориентир. Именно так и поступил Филострат-младший, уточняя, в какой именно части острова расположен названный им храм. Безусловно, здесь имеется в виду оконечность Ахиллова бега, отделившаяся в виде отдельного острова.

В-четвертых, Филострат-младший сообщает, что на острове, «растут тополя и вязы, вокруг храма в порядке, а остальные как попало». На Левке никаких деревьев, как известно, не было. А западная оконечность Ахиллова бега называлась, как сообщают Арриан и Страбон, рошей. Такое название было дано, конечно же, не случайно. Этот район примыкал к знаменитой Гилее. Следовательно, описанная картина относится именно к острову, отделившемуся от западной оконечности Ахиллова бега.

В-пятых, Филострат-младший приводит два различных объяснения относительно происхождения острова Ахилла. Сначала он сообщает, что Посейдон «поднял остров Белый», а затем рассказывает, как тот «запрудил ил, который несут реки из Скифии в море, и образовал упомянутый остров». Остров Левка — тектонического происхождения. Следовательно, первая версия относится именно к нему. А ставшая островом западная оконечность Ахиллова бега, как и вся коса и прилегающее к ней побережье, представляет собой аллювиальные наносы древней дельты Борисфена, перекрытые песчаными наносами моря. А во время пики фанагорийской регрессии эти илы обнажились и были хорошо видны. Таким образом, происхождение этого острова соответствует второму объяснению.

Итак, рассмотренные в этих пунктах сведения наглядно показывают, что Филострат-младший, как и Плиний, слил в своем описании сведения о двух разных островах — Левке и Тендре. Причина путаницы также заключается в том, что на обоих островах существовал храм Ахилла.

Клавдий Птолемей указывает Ахиллов, или Белый остров, под координатами $57^{\circ}30'$ — $47^{\circ}50'$ (III, 10, 8), т. е. всего в 200 стадиях, или 37 км северо-западнее западной оконечности «Ахиллова бега, который называется Священный мыс». Это уже не та оконечность, роша, которую указывают Страбон и Арриан, а новая. А указываемый Птолемеем остров и есть та, ранняя оконечность, отделившаяся от остальной косы. Расстояние от новой оконечности до острова, т. е. ширина разделившего их «пролива», у географа, видимо, несколько больше действительного. Но это преувеличение вполне объяснимо спецификой работы Птолемея. Весьма показательным, что остров указан на одной долготе с устьем Борисфена, в 333 стадиях, или 62 км. Это расстояние примерно в два раза больше действительного, но в абсолютном измерении указанное искажение не столь уж значительно и также вполне объяснимо. В целом же

приведенные цифры убедительно свидетельствуют о том, что Птолемей под Ахилловым, или Белым островом, указывает координаты бывшей западной оконечности Ахиллова бега, ставшей отдельным островом. Змеиный же не указан вообще. Его название дано отмеченному острову у Ахиллова бега. Как мы видим, Птолемей впал в ту же ошибку, что и Плиний, и Филострат-младший, а также многие другие авторы.

В свое время Г. Келер, М. И. Ростовцев, П. О. Карышковский, М. В. Скржинская и другие исследователи высказывали аналогичный вывод о том, что указанные античные авторы в своих описаниях слили воедино сведения о двух разных островах [330, с. 632 сл.; 215, с. 187; 121, с. 150, примеч. 6; 228, с. 28]. Но вторым островом ученые считали Березань. Теперь, когда бесспорно установлено, что Березань в античное время была полуостровом, необходимо сделать соответствующую поправку: не Березань, а Тендра.

Необходимо отметить также, что ранее, когда еще не было достаточно полной картины об эволюции западной оконечности Ахиллова бега, автор настоящей книги относил соответствующие сведения Плиния и Филострата-младшего к западной части Кинбурнского полуострова, отождествляемого с островом Борисфеном (Борисфенидой) [10, с. 132—135; 12, с. 121—128]. Ныне же, с получением новых данных комплексное изучение имеющихся источников убедительно показывает, что речь идет об острове, отделившемся от западной оконечности Ахиллова бега, т. е. об острове Тендре.

Обратимся теперь к восточной оконечности Ахиллова бега. В классическое—эллинистическое время она, как уже говорилось, примерно соответствовала современной оконечности Джарылгачской косы и называлась Тамиракой.

Примерно в конце II—I вв. до н. э. в результате повышения уровня моря и других геологических процессов восточная часть Ахиллова бега отделилась от остальной косы и превратилась, как можно понять из сведений античных авторов, в три небольших острова.

Страбон при описании Каркинитского, или Тамиракского залива, сообщает: «В этом заливе есть три острова, а вдоль берега — мели и немногие подводные камни» (VII, 4, 1).

Плиний в разделе, посвященном европейским островам, после «смешанного» описания острова Ахилла продолжает:

«Остальные острова — в Каркинитском заливе: Кефалоннес, Сподуса и Макра» (IV, 93).

Сопоставление этих сведений и проработка крупномасштабных батиметрических карт Каркинитского залива дают основания отождествить указанные Страбоном и Плинием острова, что предполагал еще Л. А. Ельницкий (ВДИ, 1949, № 2, с. 284, примеч. 8). Эти острова изображены почти на всех средневековых портоланах и более поздних картах. В последующие столетия они вновь соединились с упомянутой оконечностью и отождествляются с восточной частью современной Джарылгачской косы. Следы других древних островов в заливе не прослеживаются. Мелкие острова в районе устья р. Каланчак и верховьях залива образовались уже в последние столетия и не могут отождествляться с указанными античными авторами островами, как это полагали некоторые исследователи (ВДИ, 1948, № 2, с. 233, примеч. 10; ВДИ, 1949, № 2, с. 284, примеч. 8).

Обратимся теперь к данным Птолемея. Восточная оконечность Ахиллова бега названа у него Мисаридой. Но это уже не тот мыс, который указывают Страбон и Арриан под названием Тамирака, а новый, образовавшийся после отделения от косы указанных выше островов. Тамирака же находится у Птолемея примерно в 520 стадиях (96 км) севернее Мисариды и примерно в 110 стадиях (20 км) западнее устья р. Каркинита. Вторую цифру надо признать близкой к действительности. Первая же цифра очень преувеличена. Надо полагать, географ «привязал» Тамираку именно к Каркиниту, т. е. пересчитал линейное измерение и получил соответствующие координаты. Вследствие неизбежных при состыковке двух соседних участков искажения расстояние между Мисаридой и Тамиракой оказалось чересчур «растянутым». Кроме того, сказались существенные ошибки при ориентировке указываемых объектов относительно друг друга. Так, например, Прекрасная гавань помещена к северу от Мисариды, тогда как в действительности она находилась в противоположном направлении — на юг от мыса, через Каркинитский пролив.

Примерно в 167 стадиях, или 31 км, на север от Мисариды Птолемей указывает Кефалоннес. Это тот самый остров Кефалоннес, который Плиний называет в Каркинитском заливе вместе с двумя другими островами: Сподусой и Макрой. Но Птолемей почему-то не говорит о топографии Кефалоннеса, как, впрочем, и Тамираки.

Тамирака Птолемея также была островом. Во времена источника Страбона и Арриана (полный перипл) Тамирака представляла собой восточную оконечность Ахиллова бега, а затем отделилась от остальной косы и превратилась в остров.

Вернемся теперь к сведениям Плиния. Он указывает рассматриваемые острова в такой последовательности: Кефалоннес, Сподуса и Макра. Отсюда следует, что в более ранние времена, т. е. до конца II—I вв. до н. э., Макра была оконечностью Ахиллова бега. При этом обращает на себя внимание тот факт, что оба названия весьма близки: *Та-ми-рака* — *М-акра*. В первом случае вторая часть названия представляет собой, надо полагать, испорченное *акра*, т. е. *мыс*. Ведь эта местность действительно была мысом.

Именно так характеризуют ее Страбон, Арриан и другие античные авторы. Плиний правильно передает это слово, но у него оказалась испорченной первая часть названия. Если источник Страбона и Арриана правильно передал первую часть названия, то из сказанного следует, что восточная оконечность Ахиллова бега, отделившаяся потом в отдельный остров, именовалась Тамиакрой.

Обратимся теперь к краткому периплу Арриана. Здесь дано весьма лаконичное описание рассматриваемого района: «От Прекрасной Гавани до Тамираки триста стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов — триста восемьдесят стадиев, а отсюда до реки Борисфена — сто пятьдесят» (§ 31). Как мы видим, это описание существенно отличается от сведений, изложенных в полном перипле. Здесь практически отсутствует характеристика Ахиллова бега, названного одним словом — Эионы. Под Эионами в соответствующих местах подразумеваются восточная и западная оконечности Ахиллова бега. Но какой же объект назван Тамиакрой? Ведь автор ничего не говорит об этом, а только приводит это название.

Видимо, такого рода неясности привели Л. А. Ельницкого к локализации гавани Тамираки на южном берегу Каркинитского залива у озера Бакал, которое отождествляется им с упоминаемым в кратком и полном перипле Арриана озером (ВДИ, 1947, № 4, с. 202; примеч. 4; ВДИ, 1948, № 1, с. 273, примеч. 1). И Бакальская коса соответственно должна быть отождествлена с мысом Тамиакрой. Основываясь на этих выводах, мы ранее пытались нало-

жить приведенные Аррианом расстояния на современную карту [14, с. 119, рис. 6].

Выявленная эволюция восточной оконечности Ахиллова бега позволила объяснить существовавшие неясности и противоречия в этих вопросах. Комплексное рассмотрение имеющихся данных показывает, что для локализации гавани Тамираки у озера Бакал, отождествления этого озера с упоминаемым Аррианом озером, а Бакальской косы — с мысом Тамиракой нет никаких оснований и никакой необходимости.

Полученная палеогеографическая реконструкция позволяет теперь предложить следующее объяснение сведений Арриана.

В полном перипле Тамиракой названа, как уже говорилось, восточная оконечность Ахиллова бега, которой примерно соответствует оконечность современной Джарылгачской косы. Расстояние от Прекрасной гавани, существовавшей на месте современного поселка Черноморского, до Тамираки автор перипла определяет в 300 стадиев, или 47 км. Эта цифра примерно соответствует действительной. И далее следует описание Ахиллова бега.

А в кратком перипле Арриан использовал другой, более поздний источник, относящийся ко времени, когда Тамирака стала уже *островом*. Данный источник определяет расстояние от острова Тамираки до устья небольшого озера, которое находилось «внутри Тамираки», т. е. Тамиракского, или Каркинитского, залива, тоже в 300 стадиев, или 47 км. Это озеро существовало где-то в верховьях современного Каркинитского залива. Указанное расстояние не противоречит такой локализации. Далее читаем, что «от устья озера до Эионов — триста восемьдесят стадиев», или 60 км. Здесь измерено обратное расстояние от упомянутого озера, но уже не до острова Тамираки, а мимо него далее на запад до новой оконечности Ахиллова бега, называемой просто Эионами. Отсюда следует, что расстояние между старой и новой оконечностью Ахиллова бега равнялось 80 стадиям, или 13 км.

Сравнение сведений античных авторов позволяет предположить, что изменения в восточной оконечности происходили в такой последовательности. Сначала образовался остров Тамирака, который, видимо, указан в кратком перипле Арриана. Спустя некоторое время появился и остров Кефалонес (Кефалоннес). И источник (или источники) Клавдия Птолемея называет уже два острова: Кефалонес и

Тамираку. Затем от одного из этих островов отделился остров Сподуса. И Плиний перечисляет уже три рассматриваемых острова. Соответственно в такой последовательности датируются и сведения источников.

Разумеется, высказанные здесь выводы и предложения требуют дальнейшего изучения и дополнительной аргументации. Будем надеяться, что комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования в западной и восточной оконечности Ахиллова бега дадут новые важные результаты, которые позволят полнее и точнее осветить эти вопросы. Необходимо подчеркнуть также перспективность целенаправленных подводных археологических исследований в этих районах.

Глава 6. Крымское побережье

Познакомимся теперь с античными городами побережья Крыма. Прилегающая к морю территория Западного и Южного Крыма входила в Херсонесское государство, а прибрежная часть Восточного Крыма составляла часть Боспорского царства. Поэтому многочисленные исследования по античной истории этих мест, тогдашней географической обстановки до сих пор не теряют научного интереса. К сожалению, из-за ограниченного объема представляемой на суд читателя книги мы не имеем возможности полностью осветить все возникающие при этом историко-географические проблемы и вынуждены лишь сжато изложить только самые основные сведения о поселениях, возникших более 2 тысяч лет тому назад на известном любому читателю нашей страны Крымском полуострове.

Херсонесское государство

Херсонес Таврический, один из наиболее крупных античных городов Причерноморья, одновременно являлся и столицей одноименного государства, занимавшего территорию Западного Крыма. Античные авторы описывают весь этот район в своей обычной манере — сухогато и лаконично, хотя основные сведения ими изложены ясно и четко. У современных исследователей каких-либо серьезных проблем при изучении рассматриваемого региона практически нет, но нерешенных вопросов, конечно же, много.

Один из таких вопросов связан с определением границы между Ольвийским и Херсонесским государствами. Ранее исследователи традиционно проводили эту границу по Каркинитскому заливу. Однако работы последних лет свидетельствуют о том, что влияние Ольвии некоторое время простиралось и на часть территории Северо-Западного Крыма. Вот, к примеру, что пишет об этом М. И. Золотарев: «Близость исторического развития Нижнего Побужья и Северо-Западного Крыма в конце VI—V в. до н. э. и ольвийское влияние в последнем дает нам право предположить, что Северо-Западное Причерноморье и Северо-

Западный Крым этой эпохи составляли единый экономико-географический район. Позднее ольвиополиты утрачивают влияние в этом районе и с середины IV в. до н. э. Северо-Западная Таврика подчиняется Херсонесскому государству и стремительно им осваивается. С завершением этого процесса к концу IV в. до н. э. формируется и окончательно складывается новый Таврический экономико-географический район с центром в Херсонесе» [110, с. 93].

Это предположение, разумеется, требует дальнейшего подтверждения, но и теперь оно представляется достаточно убедительным. Что же касается вопроса о границе между Ольвийским и Херсонесским государствами, то автору настоящей книги кажется, что было бы правильнее говорить не о *границе*, а о *пограничной зоне*. Ведь античные государства находились в скифской земле и вряд ли граничили друг с другом. Скорее, нужно говорить о скифо-ольвийской и скифо-херсонесской границах.

Познакомимся вкратце с населенными пунктами Херсонесского государства, упоминаемыми античными авторами.

Прекрасная Гавань (Калос Лимен)

Прекрасная Гавань кратко упоминается в краткой (§ 30—31) и полной (§ 83) редакции перипла Арриана, а также в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (III, 5, 2) и в херсонесской присяге. Возможно, именно этот пункт имеет в виду Страбон, указывая у Каркинитского, или Тамиракского, залива «городок и другую гавань херсонесцев» (VII, 4, 2). Если это так, то сведения Страбона относятся к более раннему времени, чем данные Арриана. Ведь у Страбона гавань еще безымянна, а у Арриана уже имеет собственное имя — Прекрасная Гавань.

Этот пункт отождествляется с городищем, расположенным на Тарханкутском полуострове на месте теперешнего пос. Черноморское в глубине удобной бухты [18, с. 56]. Это городище возникло, надо полагать, в IV в. до н. э., когда Херсонес освоил эти обширные плодородные равнины. Его историческая судьба оказалась самым тесным образом связанной с Херсонесом.

Имеющиеся данные свидетельствуют и о том, что Прекрасная Гавань была одним из значительных центров Херсонесского государства, она играла определенную роль в его политической и экономической жизни.

Специально хочется подчеркнуть особую роль Прекрасной Гавани как порта-убежища на этом довольно трудном участке плавания от Ольвии к Херсонесу и тем более — от Истра к Херсонесу напрямик через открытое море. Может быть, в первую очередь именно поэтому ее назвали Прекрасной Гаванью?

Город Керкинитида (Каркинитида)

Это — второй по величине город Херсонесского государства, располагавшийся на месте современной Евпатории. Он возник, как считают, во второй половине VI в. до н. э. [141]. Основали его, по всей вероятности, ионийские переселенцы, давшие ему название, как полагают исследователи, по имени предводителя первых переселенцев.

Первое время Керкинитида развивалась как самостоятельный город со своей собственной сельскохозяйственной округой. А примерно в середине IV в. до н. э. Керкинитида вошла в состав Херсонесского государства, с которым и связала в дальнейшем всю свою судьбу.

Керкинитида кратко упоминается многими античными авторами, а также в херсонесской присяге. Название города стоит на его монетах, встречается в надписях на мраморных плитах. Но каких-либо конкретных сведений о нем в письменных источниках практически нет.

Долгое время дискутируется вопрос о двух разных городах с этим названием. Некоторые исследователи, основываясь на лаконичных указаниях древних авторов и минимальном разночтении в названии, полагают, что в этом районе существовали два города: один — Керкинитида — на месте современной Евпатории, а другой — Каркинитида, в верховьях Каркинитского залива. Но эта гипотеза не нашла своего подтверждения.

Керкинитида была не только крупным аграрным и ремесленным центром, но и значительным портом. Город играл большую роль в мореплавании в этом регионе, особенно если учесть, что других гаваней на значительном участке Крымского побережья между Херсонесом и Прекрасной Гаванью не было.

Гавань Керкинитиды, портовые сооружения в результате повышения уровня Черного моря оказались под водой. Для их изучения необходимы комплексные подводные археологические исследования.

Бронзовое напершие

Херсонес Таврический

В нескольких километрах от центра Севастополя, в его крайней западной точке находятся развалины Херсонеса Таврического, города, широко известного античному миру. Херсонес Таврический был основан в исключительно удобном месте — на обширном скалистом мысу, образованном берегом моря и нынешней Карантинной бухтой, которая представляла и представляет собой отличную гавань [18, с. 45 сл.].

Время основания Херсонеса остается спорным. Ранее считалось, что первыми его жителями были выходцы из Гераклеи Понтийской и Делоса в 422—421 гг. до н. э. Но в последние годы в результате раскопок накапливаются материалы, относящиеся к концу VI в. до н. э. Эти находки дают основания предполагать, что ионийские переселенцы основали здесь свое поселение именно в VI в. до н. э. А в 422—421 гг. до н. э. этот пункт пережил свое второе рождение. Одна из главных причин тому — исключительно выгодное местоположение города. Древнегреческие мореходы, осваивая Понт Эвксинский, проложили краткие пути через открытое море: от нынешнего турецкого побережья к Крыму и от устья Дуная также к Крыму. Оба маршрута вели именно к району Херсонеса. В результате были освоены краткие морские пути: Гераклея — Херсонес — Каллатис — Гераклея, так называемый «черноморский треугольник» [14, с. 54—58]. Выгодное географическое положение обеспечило быстрое экономическое развитие и процветание Херсонеса. Кстати, само слово «Херсонес» в переводе с древнегреческого означает «полуостров».

Примерно до середины IV в. до н. э. Херсонес оставался сравнительно небольшим городом, центром транзитной морской торговли. Экономические связи с местными племенами тавров, видимо, отсутствовали или были

Общий вид раскопок Херсонеса

весьма незначительными из-за их враждебного отношения к эллинам.

В IV в. до н. э. в экономическом развитии Херсонеса наступил коренной перелом. Город быстро освоил всю территорию Гераклейского полуострова, подчинил себе Керкинитиду, основал на равнинном побережье Западного Крыма Прекрасную Гавань и целый ряд укрепленных и неукрепленных поселений. Так Херсонес превратился в обширное государство с мощной производственной сельскохозяйственной базой. Были налажены тесные торговые связи со многими античными центрами Причерноморья и Средиземноморья.

Следует специально сказать о гавани Херсонеса. В результате повышения уровня Черного моря она, как и гавани других античных городов, оказалась под водой. Но, находясь в глубине узкой и удобной бухты, она гораздо лучше других была защищена от разрушительной силы волн и поэтому сохранилась несравненно больше. Теперь это — один из наиболее перспективных объектов для подводной археологии. Именно здесь К. К. Шилик выявил следы средневековой регрессии, которую назвал корсуньской, по имени города в тот период — Корсунь. Это название

представляет собой не что иное, как искаженное слово «Херсон».

Этот район очень важен и перспективен для изучения вопроса о фанагорийской регрессии и уточнении уровня моря в различные периоды античного времени.

В последние годы здесь проводились подводные археологические исследования под руководством М. И. Золотарева. Они дали весьма интересные результаты и показали необходимость дальнейших работ с широким применением новейшей аппаратуры и оборудования. Будем надеяться, что такие комплексные широкомасштабные исследования в скором времени начнутся. Эти работы дадут возможность изучить херсонесскую гавань, портовые сооружения, прибрежные здания и другие строения. Ведь по Северному Причерноморью до сих пор нет конкретных данных об устройстве античных гаваней.

Кроме того, подводные археологические исследования затопленной части Херсонеса дадут возможность полнее осветить историю города, особенно в начальный период.

Гавань Символов

Эта гавань находилась на месте современного г. Балаклава. Несмотря на свою незначительность, она была широко известна печальной славой пиратского убежища. Страбон, например, красочно сообщает, что это — «бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтой Символов» (VII, 4, 2). Таврские пираты отличались особой жестокостью. Как пишет Геродот, «они приносят в жертву Деве и потерпевших кораблекрушение, и тех эллинов, которых они захватят, выплыв в море, таким образом: совершив предварительные обряды, они ударяют их дубинкой по голове. Одни говорят, что тело они сбрасывают вниз со скалы (ведь святилище воздвигнуто на скале), а голову втыкают на кол; другие же соглашаются с тем, что голову втыкают на кол, однако говорят, что тело не сбрасывают со скалы, но предают земле. Сами же тавры говорят, что то божество, которому приносят жертвы, — это Ифигения, дочь Агамемнона» (IV, 103).

Исключительно удобное положение бухты позволяло таврам практически безнаказанно разбойничать в этом районе моря, о чем сообщают и другие античные авторы. Археологических подтверждений этих сведений пока нет,

так как целенаправленные исследования здесь пока не проводились. А между тем такие исследования должны быть весьма перспективными и результативными.

Этот район также может быть перспективным и для подводных археологических работ. Здесь на дне моря лежат остатки древнегреческих кораблей, потопленных таврскими пиратами или затонувших в результате кораблекрушений у этих негостеприимных берегов. Будем надеяться, что такие исследования в скором времени начнутся и принесут важные и интересные результаты.

Мыс Бараний лоб

В описаниях античных авторов этот мыс — крайняя южная точка Крыма. Детальное изучение письменных источников показало, что под этим названием фигурируют два различных мыса: у Псевдо-Скилака, Страбона, Плиния — это мыс Сарыч, а у Арриана, Псевдо-Скимна, Птолемея — мыс Ай-Тодор [12, с. 39—42]. Но это расхождение имеет вполне убедительное объяснение. Ведь южная оконечность Крыма не выклинивается в море каким-то одним, резко выделяющимся мысом, а выдается в общем довольно плавной линией. Для плывущих из Херсонеса в Феодосию был особенно приметен мыс Сарыч, а для тех, кто плыл в обратном направлении, величественно вырисовывался мыс Ай-Тодор, внимание к которому усиливает соседняя гора Ай-Петри.

Название мыса Бараний лоб связано с мифом о золотом руне. В приписываемом Плутарху сочинении «О названиях рек и гор и об их произведениях», например, читаем следующее: «Фрикс, лишившись в Эвксинском Понте своей сестры Геллы и этим, естественно, опечалившись, остановился на вершине одного холма. Когда же его заметили какие-то варвары и стали взбираться туда с оружием в руках, то златорунный баран, взглянув вперед и увидев приближавшуюся толпу, человеческим голосом разбудил спящего Фрикса и, взяв его на свою спину, привез к колхам. По этому-то случаю холм и назван был Бараньим лбом» (XIV, 4).

Как бы там ни было, но основная достопримечательность мыса Бараний лоб заключалась в том, что он был конкретным ориентиром для мореплавателей при переходе через открытое море. На противоположном берегу в современной Турции аналогичным ориентиром был мыс Карамбис (соврем. Керемпе).

Вот, к примеру, что сообщает об этих мысах Дионисий в своем «Описании населенной земли»: «А посередине с обеих сторон выдаются в море два мыса, один южный, называемый Карамбисом, другой—северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый туземцами Бараньим лбом; оба эти мыса сближаются друг с другом, хотя и не слишком близко, а на такое расстояние, какое грузовое судно проходит в три дня. Отсюда можно увидеть, что Понт состоит как бы из двух морей и по своей округлости похож на сгиб согнутого лука: правый берег представляет собой тетиву, так как описывает прямую линию, и только один Карамбис выходит за эту линию и смотрит к северу; вид же рогов представляет левый берег, который извивается двумя изгибами, похожий на рога лука» (§ 151—160).

Здесь обращает на себя внимание расстояние между мысами — три дня плавания. День плавания, по Псевдо-Скилаку, равен 500 стадиям. Получается, что, по данным Дионисия от мыса Карамбис до мыса Бараний лоб 1500 стадиев.

Страбон сообщает: «Карамбис от города Херсонеса отстоит на 2500 стадиев, а от Бараньего лба на гораздо меньшее число их» (VII, 4, 3). Расстояние от Херсонеса до Бараньего лба Страбон не указывает. Но он, как выяснилось во второй главе, пользовался измерениями Варрона, который основывался на измерениях Псевдо-Скилака. А из сопоставления их данных получается, что на побережье от Херсонеса до Бараньего лба приходилось 1000 стадиев. Следовательно, расстояние от Карамбиса до Бараньего лба определяется также в 1500 стадиев, или в 236,5 км, если считать величину стадия в 157,7 м. Действительное же расстояние между мысами составляет 263 км. Расхождение, как мы видим, незначительное, особенно если учесть, что античный автор измеряет днями плавания.

Плиний сообщает, что расстояние между мысами составляет 170 миль, т. е. 252 км (IV, 86). Это измерение, как мы видим, более точное.

Рассмотрим теперь такой интересный вопрос. Страбон, сообщив расстояние между указанными мысами, добавляет, что «многие из тех, которые проплывали этот пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря» (VII, 4, 3). Д. Я. Беренбейм специально рассмотрел этот вопрос и поставил под сомнение сообщение Страбона [26]. Но исследователь подошел к этому, по нашему, слишком прямолинейно. Если современным море-

плователям не удастся увидеть одновременно оба мыса, то это не значит, что их не видели античные мореходы. И сомневаться в правильности совершенно конкретного сообщения Страбона нет достаточных оснований.

Лампада

Этот пункт упоминается в кратком и полном перипле Арриана (§ 30 и 78). Приведенные в перипле расстояния приводят в район современного пос. Малый Маяк [14, с. 112]. Слово «Лампада» в переводе с древнегреческого означает «факел, светильник». Это дает основания полагать, что речь идет о маяке. Об этом свидетельствуют и более поздние названия этого пункта — Кучук Лампад, Малый Маяк. Античный маяк служил важным ориентиром на этом пустынном побережье, особенно если учесть, что условия плавания в этом районе были весьма сложными.

Вероятно, здесь была и стоянка для кораблей, где мореплаватели при необходимости могли найти пристанище. Однако каких-либо конкретных археологических данных по этому району пока нет. Для его изучения необходимы целенаправленные археологические исследования, в том числе и подводные.

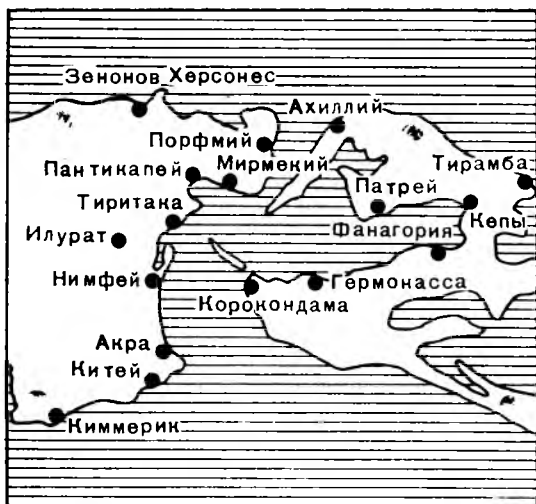
Гавань Афинеон

Находилась она, по данным краткого и полного перипла Арриана (§ 30 и 78), в районе современного пос. Курортное. Точное ее местоположение остается пока неизвестным. Для поиска этой гавани необходимы целенаправленные археологические исследования, в том числе и подводные. Арриан сообщает, что здесь была спокойная стоянка для кораблей. Это указание свидетельствует о том, что гавань Афинеон играла немаловажную роль в мореплавании в этом районе как удобный транзитный пункт.

Конечно же, в исторической географии Херсонесского государства существует целый ряд других проблем, не затрагиваемых здесь. Они требуют специального изучения.

Боспорское царство

В этом разделе мы познакомимся с Боспорским царством — крупнейшим государственным образованием Северного Причерноморья, которое объединило древнегреческие города, существовавшие на обоих берегах Боспора **Киме-**

Боспор Киммерийский (карта-схема)

рийского, современного Керченского пролива. Эти города возникли в VI в. до н. э. в результате освоения древнегреческими переселенцами указанного региона. Первое время они существовали как самостоятельные города-государства. Но в 480 г. до н. э. города, расположенные непосредственно на берегах пролива, объединились в одно государство, которое получило название Боспор. Центром государственного объединения стал город Пантикапей, существовавший на месте современной Керчи.

С конца V в. до н. э. Боспорское царство стало расширяться. Династия Спартокидов, которая пришла к власти в 438 г. до н. э., стремилась присоединить к своим владениям соседние древнегреческие города.

В конце V в. до н. э. в состав Боспорского царства вошел город Нимфей. Как это произошло — добровольно или насильно, современной науке пока неизвестно.

Потом взоры Спартокидов обратились на Феодосию. Этот крупный город с прекрасной гаванью был серьезным конкурентом в торговле и мешал Боспорскому царству установить свое полное влияние в Восточном Крыму. Но Феодосия воспротивилась притязаниям Спартокидов и оказала серьезное сопротивление. На помощь ей пришла Герраклия Понтийская, опасавшаяся, что вслед за Феодосией Боспор будет угрожать Херсонесу Таврическому. Борьба за Феодосию затянулась на многие годы. Видимо, лишь в

80-х годах IV в. до н. э. она была присоединена к Боспорскому царству и лишена независимости.

Таким образом, территория Боспорского царства простиралась на запад — вплоть до Феодосии, на восток — до предгорий Северного Кавказа, включая район современного Новороссийска, на север — до устья Дона, античного Танаиса, где боспорскими правителями был основан одноименный город.

Здесь существует много интересных и важных проблем античной географии. Но из-за ограниченного объема мы не можем рассмотреть их в этой книге. Они — предмет специального изучения. Поэтому мы ограничимся, как и в предыдущем разделе, лишь общим кратким ознакомлением с этим регионом в русле нашей основной задачи — анализа конкретных географических описаний и линейных расстояний.

Феодосия

Это — один из немногих древнегреческих городов, имя которого сохранилось и поныне. Город был основан в очень удобном во всех отношениях месте, имел прекрасную гавань, которую специально отмечают античные авторы, быстро развивался и процветал.

Изучение Феодосии крайне осложнено средневековыми и современными постройками. В конце прошлого века при строительстве морского порта здесь были обнаружены остатки античного мола. Благодаря стараниям известного русского ученого А. Л. Бертье-Делагарда этот материал был собран и сохранен для науки. С этими находками связано проведение одних из первых в нашей стране и в мире вообще комплексных историко-археологических и палеогеографических исследований. Они были проведены в 1905 г. другим русским ученым Л. П. Колли. Он с помощью водолаза провел подводные исследования в Феодосийском порту, где в 1894 г. при дноуглубительных работах землечерпалками было извлечено около 4000 свай [126]. Здесь удалось обнаружить 15 античных амфор, которые доказывали, что мол относился именно к античному времени. На основе полученных результатов Л. П. Колли пришел к важному выводу о местном понижении берега в историческое время.

После этого каких-либо серьезных подводных археологических исследований здесь, к сожалению, не проводили. А между тем этот район может быть весьма перспективным для такого рода работ.

Киммерик

Город был небольшим и находился на возвышенном мысу у левого берега устья современного оз. Элькен у подножия известной горы Опук. В полном перипле Арриана отмечается, что здесь есть удобная стоянка для кораблей (§ 76).

Напротив Киммерика в море в нескольких километрах от берега находятся три небольших скалистых островка, так называемые Скалы-корабли, также упоминаемые в перипле. Только Арриан указывает не три, а два островка. За прошедшие столетия морская стихия постепенно разрушила эти два островка и превратила их в три небольшие отдельные скалы.

Значительные изменения произошли и в районе гавани Киммерика. Ее точное местоположение неизвестно. Для изучения этого района необходимы целенаправленные подводные археологические исследования.

Китей

Перед входом в Боспор Киммерийский, современный Керченский пролив, на пути мореплавателя лежал небольшой город Китей. Он находился на высоком обрывистом берегу моря у небольшой бухты. Большая его часть в настоящее время разрушена морем. Гавань, прибрежные сооружения полностью уничтожены волнами. Примерные подсчеты показывают, что разрушенная часть Китея составляет не менее 10 га. Аналогичные серьезные разрушения наблюдаются при изучении других античных городов, существовавших на берегах Боспора Киммерийского.

Акра

Это селение находилось где-то в районе современного с. Заветное. Название его в переводе с древнегреческого означает «мыс». Здесь произошли значительные разрушения берега, в результате которых Акра, видимо, полностью оказалась на дне моря.

В последние годы А. Н. Шамрасм и К. К. Шиликом здесь проводились подводные археологические исследования, давшие весьма интересные и важные результаты. Для окончательного решения вопроса о местоположении Акры необходимы дальнейшие подводные поиски.

Нимфей

Как уже говорилось, Нимфей вошел в состав Боспорского царства в конце V в. до н. э. Этот довольно крупный античный центр находился на возвышенном мысу у современного с. Героевка, имел прекрасную гавань, которую специально отмечает Страбон (VII, 4, 4). Гавань города, портовые сооружения и прибрежные постройки в результате повышения уровня моря оказались под водой. Примечательно, что эта трансгрессия, следы которой были изучены именно здесь, названа нимфейской. Этот район весьма перспективен и для комплексных подводных историко-археологических и палеогеографических исследований.

Тиритака

Тиритака также являлась небольшим городом, она располагалась на территории современной Керчи в устье незначительной речки, в удобном для гавани месте. Это поселение занимало важное стратегическое положение в оборонительной системе Боспорского царства. Славилось оно и своими рыбозасолочными промыслами.

Пантикапей

Наконец, мы в своем кратком изложении дошли до столицы Боспорского царства Пантикапея, конечного (или начального) пункта многих античных измерений. Этот крупный центр античного мира находился в центральной части современной Керчи: на низменной приморской террасе, склонах и горе Митридат. Страбон, например, сообщает о нем следующее: «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основал он милетянами» (VII, 4, 4). Арриан в полном перипле также сообщает, что город имел обширную гавань и верфи (§ 76).

Пантикапей занимал исключительно выгодное географическое положение во всех отношениях, что и определило его ведущее положение в регионе. Поэтому вполне естественно, что для целого ряда античных авторов этот город был опорной точкой описания Понта Эвксинского. Хотя в более подробных описаниях, например, в перипле Арриана отправной точкой считается устье Меотиды, т. е. наиболее узкая часть Боспора Киммерийского, находившаяся не-

сколько выше Пантикапея, между Порфмисом и Ахилловым селением.

От устья античные мореплаватели начинали и измерения расстояний по Меотиде. Страбон, например, пишет: «Отсюда по прямому морскому пути до Танаиса и до острова, лежащего между его устьями,— две тысячи двести стадиев; расстояние будет немного больше этой цифры, если плыть вдоль берега Азии, и более чем тройное, если плыть до Танаиса по левой стороне Меотиды... Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев» (VII, 4, 5).

Обращает на себя внимание итоговая цифра в 9000 стадиев, часто повторяющаяся и в других источниках. Она получена, надо полагать, не практическим путем, а в результате сложения и округления предыдущих цифр, которые приводит сам Страбон. Плавание по левой стороне Меотиды составляет, по Страбону, более 6600 стадиев (2200 стадиев умножить более чем втрое). А плавание по правой, азиатской, стороне составляет немного больше, как сообщает Страбон, 2200 стадиев. В сумме и получаются указанные 9000 стадиев.

На этом мы и завершим наше знакомство с античной географией Северного Причерноморья. Конечно же, многие из рассматриваемых проблем далеки еще от окончательного решения. Но даже такое краткое изложение истории заселения, которое происходило в античное время на прилегающей к Черному морю территории нашей страны от юго-западных ее окраин до Крымского полуострова, позволит читателю получить представление о той неизменной склонности человека, которая всегда ведет его открыть что-то новое, освоить неведомые ему земли.

Заключение

Античные историки и географы донесли до нас лаконичные, но исключительно интересные и ценные описания Северного Причерноморья и прилегающих к нему регионов. Эти сведения привлекают внимание исследователей на протяжении уже нескольких столетий. Тем не менее здесь уже существует немало загадок и тайн, нерешенных проблем и неизученных вопросов.

В письменных источниках выявлено достаточно много противоречий, расхождений, несоответствий, неясностей. Они объясняются большей частью не ошибками древних авторов, как обычно было принято считать ранее, а двумя основными причинами: 1) соединениями текстов разных редакций (контаминацией) и разновременных сведений, 2) палеогеографическими изменениями в рассматриваемом регионе.

Поэтому в последние десятилетия все очевиднее проявляется необходимость комплексного подхода к проблеме: всестороннего изучения письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников. Комплексный подход на стыке гуманитарных и естественных наук дает все более ощутимые, порой — исключительно важные результаты.

Все большее значение приобретают результаты комплексных подводных историко-археологических и палеогеографических исследований, так как в результате повышения уровня Черного моря и других палеогеографических изменений многие античные города и поселения, гавани и острова, маяки и святилища частично или полностью оказались под водой. Кроме того, десятки затонувших античных кораблей лежат на дне моря, лиманов, озер. Назрела острая необходимость их всестороннего изучения. Подводная археология в нашей стране находится, к сожалению, в плачевном положении и нуждается в мощной поддержке. Будем надеяться, что в скором времени она должна получить новый импульс для своего развития.

Автором разрабатывается программа комплексных историко-археологических и палеогеографических исследова-

ний. Особое место в ней занимает судостроительное направление. Здесь, как уже говорилось, имеется определенный опыт.

В 1989 г. под научным руководством автора был построен первый в нашей стране и один из нескольких в мире парусно-весельных кораблей типа античной диеры под названием «Ивлия». На этой диере было совершено плавание по маршрутам античных мореходов из Черного моря в Средиземное. Особенно впечатляющим был переход по оваянному античными мифами и легендами Боспору Фракийскому, современному Босфору.

Первые результаты вдохновили на дальнейшую работу в этом направлении. Весной 1991 г. по инициативе группы моряков, ученых, писателей, журналистов и других энтузиастов была создана новая общественная организация — Российская ассоциация истории мореплавания и кораблестроения (АССМОР). Ассоциация приступила к разработке и реализации многолетней комплексной программы «300 лет Российскому флоту», посвященной славному юбилею этого великого события в отечественной и мировой истории.

Познакомим читателя с основными направлениями этой программы.

1. Строительство старинных кораблей с максимальным приближением к изучаемому периоду (технология, общий вид, интерьер, парусное и весельное вооружение, таран, пушки, оружие, одежда, предметы быта и т. д. и т. п.). Уже начата работа по подготовке к строительству старинного фрегата.

2. Плавание на построенных кораблях по маршрутам великих мореплавателей с выполнением обширных программ комплексных исследований по древней истории, археологии, истории мореплавания и кораблестроения, экологии, океанологии, палеогеографии, морской медицине, по испытанию новой техники, оборудования, снаряжения, приборов, материалов, с проведением рекламно-пропагандистских мероприятий, выставок, выставок-продаж, деловых встреч и т. д.

3. Создание «Музея истории русского мореплавания и кораблестроения». Проведение тематических музейных выставок в нашей стране и за рубежом.

4. Поиски и изучение затонувших кораблей с древнейших времен до наших дней. Подъем и музеефикация наиболее интересных объектов. Составление историко-археологической карты находок.

5. Составление «Атласа морских захоронений». Увековечение памяти погибших моряков, установление фамилий, поиски документов, родственников погибших и т. д.

6. Создание «Музея подводного мира».

7. Создание Балтийского, Дальневосточного, Черноморского и других научно-исследовательских центров (офисы, лаборатории, научные и учебные корпуса, гостиницы, научно-исследовательские суда и другие плавсредства).

8. Издание серии художественных книг «Библиотека морских приключений», серии научно-популярных книг «300 лет Российскому флоту», красочного юбилейного альбома «Славная летопись Российского флота. 1696—1996 гг.», отдельных книг, альбомов, буклетов, проспектов, открыток, календарей и т. д.

9. Издание иллюстрированного журнала «Морские приключения».

10. Создание полнометражного научно-популярного фильма «300 лет Российскому флоту», серий короткометражных фильмов: «Героические корабли», «Выдающиеся флотоводцы», «Хроника затонувших кораблей», «Тайны морских глубин» и др.

11. Проведение благотворительных теле-, радиомарафонов, концертов, встреч, лотерей и других мероприятий.

Ассоциация приглашает заинтересованные советские и зарубежные организации, предприятия, фирмы, моряков, кораблестроителей, ученых, писателей, художников, кинорежиссеров, кинооператоров, различных специалистов, смелых, предприимчивых бизнесменов, всех, кому дорога история России, принять участие в разработке, финансировании и реализации этой программы. Ассоциация ждет ваших предложений, поддержки, помощи, участия в работе. Мы должны изучать, знать и помнить нашу историю, беречь и умножать славные традиции Российского флота, хранить овсянные славы и легендами старинные реликвии. Ведь это — наше прошлое! Без него нет настоящего и будущего!

В связи со всем этим очевидна и острая необходимость создания историко-археологической карты затопленных и затонувших памятников. Такая карта чрезвычайно важна для решения многих сложных и интересных проблем.

Лежащие под водой древние города и поселения, гавани и острова, маяки и святилища, корабли и другие объекты являются археологическими памятниками и охраняются законом. По существующему законодательству исследовать

их могут только квалифицированные специалисты, имеющие специальное разрешение — Открытый лист, выдаваемый Институтом археологии той республики, в пределах которой находится памятник. Это положение, разумеется, известно. И все же не будет лишним еще раз подчеркнуть, что всякие любительские исследования должны быть строго запрещены. Такие дилетантские изыскания только губят археологический памятник, наносят непоправимый ущерб науке.

Также важны для науки затопленные и затонувшие объекты более поздних времен, включая и период Великой Отечественной войны. Их исследованиями должны заниматься квалифицированные специалисты научно-исследовательских учреждений.

Создание историко-археологической карты затопленных и затонувших памятников — одна из основных задач деятельности недавно созданной Российской ассоциации истории мореплавания и кораблестроения. Ассоциация совместно с Институтом археологии и другими научно-исследовательскими учреждениями разрабатывает многолетнюю комплексную программу историко-археологических исследований.

Поэтому автор пользуется случаем обратиться с настоятельной просьбой к морякам, рыбакам, водолазам, аквалангистам, ко всем специалистам, работающим под водой, — немедленно сообщать о всех случайных подводных находках в местные музеи, общества охраны памятников истории и культуры, отделы культуры, а также в Институт археологии (117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19). Этим вы спасете для науки историко-археологический памятник и окажете большую помощь ученым.

Что же может встретиться во время подводных работ? Чаще всего — древняя керамика. Обнаружив под водой обломки амфор, другой посуды или целые экземпляры, достаточно взять лишь несколько образцов. Полностью собирать все находки нельзя. Этим можно уничтожить обнаруженный комплекс, и тогда объект потеряет свою ценность. Необходимо определить границы распространения находок, условия залегания, рельеф дна, глубину, как можно точнее определить координаты или дать точную привязку к берегу и т. д.

Не секрет, что памятники старины давно являются предметом коллекционирования, бизнеса и т. п. На их поиске, подъеме, дальнейшей продаже или коллекционировании специализируются сотни созданных для этой цели

групп и одиночек. Зачастую они не всегда осознают, что этим наносят непоправимый ущерб науке. Мало того, что затонувшие памятники изо дня в день безжалостно разрушаются водной стихией. Их также безжалостно уничтожает человек, когда случайно, а чаще — сознательно и целенаправленно. Поэтому хочется еще раз настойчиво обратиться к читателю с призывом бережно относиться к памятникам истории и культуры как на суше, так и под водой и активно содействовать их охране от разрушения и разрушителей.

Но одними призывами проблему не решить. Положение дел здесь весьма плачевное. Существующие структуры охраны памятников истории и культуры, к великому сожалению, не способны успешно решать свои задачи, особенно — на море. Здесь много объективных и субъективных факторов. Главная же причина — отсутствие средств. А между тем в стране ежегодно гибнут и расхищаются сотни ценнейших историко-археологических памятников. Где же выход?

На мой взгляд, эту важнейшую проблему можно решить следующим образом. Необходимо срочно создать специализированную государственную или общественную организацию по охране памятников истории и культуры под водой. Она должна быть наделена соответствующими правами и полномочиями, обеспечена первоначальным финансированием или кредитованием и мощной материально-технической базой. Ее дальнейшая деятельность будет строиться на принципах хозрасчета и самоокупаемости. Собственная финансово-хозяйственная деятельность даст возможность этой организации развиваться и успешно решать задачи охраны, изучения и спасения памятников истории и культуры, находящиеся под водой.

Несколько слов о старинных кораблях. На небольших глубинах могут попасться следы кораблекрушения. Наиболее верный признак — груз корабля, чаще всего амфоры. Большое скопление целых амфор свидетельствует, бесспорно, о том, что здесь в древности затонул корабль. Сам корабль большей частью может быть замыв песком или илом и на поверхности от него могут быть только отдельные части и предметы. Поэтому при подводных работах важно обращать внимание на каменные и свинцовые якоря, штоки, свинцовые листы обшивки, различные деревянные предметы и детали.

Гораздо лучше сохраняются корабли на больших глубинах. Здесь хорошо виден корпус корабля, его очертания,

особенности конструкции и т. д. Такие объекты представляют исключительно важный интерес для ученых.

Но совсем недавно неожиданно выяснилось, что лежащие на больших глубинах и защищенные от разрушительного влияния волн и хищнического разграбления аквалангистами старинные корабли безжалостно уничтожаются рыболовецкими сейнерами. Во время лова рыбы мощные тралы сейнеров захватывают лежащие деревянные парусники. Нередко вместе с рыбой рыбаки извлекают из тралов доски от обшивки кораблей, амфоры и т. д.

Поэтому пользуюсь возможностью обратиться к рыбакам с просьбой как можно точнее и детальнее фиксировать координаты и обстоятельства таких случаев и передавать ученым эту информацию вместе с находками.

Изучение объектов на больших глубинах — очень трудная задача. Здесь много упирается в отсутствие новейшей техники, оборудования, снаряжения. Эти проблемы могут быть решены путем создания совместных экспедиций с нашими зарубежными коллегами. В этом направлении уже есть первый опыт.

В мае 1991 г. автор участвовал в первой советско-американской подводной экспедиции на Черном море под руководством известного американского океанографа и археолога В. Баскома. Основная задача экспедиции заключалась в поиске интересных объектов и изучении возможностей перспективных совместных исследований. Поиски велись с помощью локатора бокового обзора и подводного телевидения. Эти работы показали широкие возможности и перспективы совместных исследований.

Здесь нам довелось воочию столкнуться с печальной картиной уничтожения тралом рыболовецкого сейнера старинного парусного корабля неизвестного времени. В нейтральных водах примерно в 40 км от крымских берегов на глубине 100 м локатором было выявлено небольшое всхолмление. Спустили аппарат подводного телевидения «Фантом». После недолгих поисков на экране телевизора появилась проутюженная тяжелым тралом едва возвышающаяся песчаная площадка. То там, то здесь из нее торчали доски обшивки, части шпангоутов и другие детали корпуса. Здесь нашел вторую гибель старинный деревянный парусник. Площадка действительно напоминала могильный холмик. Можно только представить себе, сколько уже таких могильных холмиков на дне Черного моря!

Но здесь же еще немало затонувших кораблей, которые пока избежали столь трагической участи. И наша зада-

ча — спасти от уничтожения эти уникальные памятники! Медлить нельзя!

Это со всей очевидностью показывает, что программа комплексных подводных историко-археологических исследований требует серьезной государственной и общественной поддержки. Только в этом случае возможна ее широкомасштабная реализация. Хочется надеяться, что в самое ближайшее время произойдет коренной перелом и начнется серьезная работа.

Несомненно, что много интересных затонувших и затопленных историко-археологических памятников еще ждут своих исследователей. Впереди новые исследования, новые загадки и разгадки, поиски и находки, открытия и разочарования. А в основе всего лежит многолетний скрупулезный труд ученых и огромная помощь любителей отечественной истории!

Литература

1. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
2. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
3. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979.
4. *Агбунов М. В.* Сопоставление древних устьев Дуная, упоминаемых античными авторами // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
5. *Агбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. № 1.
6. *Агбунов М. В.* Давньогрецький Ніконій // Археологія. 1979. № 32.
7. *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // ВДИ. 1979. № 2.
8. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. 1981. № 1.
9. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1983. № 4.
10. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1984. № 4.
11. *Агбунов М. В.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов о Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1982 г. М.: Наука, 1984.
12. *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985.
13. *Агбунов М. В.* [Рецензия] // СА. 1985. № 2.— Рец. на кн.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
14. *Агбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987.
15. *Агбунов М. В.* Античная археология и палеогеография // КСИА. 1987. Вып. 191.
16. *Агбунов М. В.* Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.
17. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1989.
18. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
19. Арриана перипл Понта Эвксинского / Пер. А. Фабра; примеч. Н. Н. Мурзакевича. Одесса: Гор. тип., 1836.
20. *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1949. № 85, вып. 13.
21. *Артамонов М. И.* Роль климатических изменений VIII—VII вв. в переселении киммерийцев в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. // Этнография народов СССР. Л.: Наука, 1971.
22. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Наука, 1974.
23. Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология.
24. *Атавин А. Г.* Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М.: Наука, 1987.
25. *Беккер П. В.* Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям // ЗООИД. 1853. Т. 3.
26. *Беренбейм Д. Я.* О пути греков через Черное море // СА. 1958. № 3.
27. *Беренбейм Д. Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4.

28. *Блаватская Т. В.* Западпонтитийские города в VII—I вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
29. *Блаватский В. Д.* О северной окраине Скифии Геродота // *МИА*. 1969. № 169.
30. *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М.: Наука, 1976.
31. *Блаватский В. Д.* Дионисий Ольвианский // *СА*. 1978. № 3.
32. *Блаватский В. Д.* О древней навигации и задачах подводной археологии // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
33. *Блаватский В. Д., Кошеженко Г. А.* Открытие затонувшего мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
34. *Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.* Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава // *СА*. 1969. № 3.
35. *Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.* Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения // *Морские подводные исследования*. М.: Наука, 1969.
36. *Бларамберг И. П.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // *ЗООИД*. 1848. Т. 2, ч. 1.
37. *Бларамберг И. П.* О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонам // *ИГУАК*. 1889. № 7/8.
38. *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений // *Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук*. 1899. Т. 64, № 12.
39. *Брашинский И. Б.* Понтийская экспедиция Перикла // *ВДИ*. 1958. № 3.
40. *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
41. *Брашинский И. Б.* Значение черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. // *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968.
42. *Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство // *ВДИ*. 1973. № 3.
43. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
44. *Брун Ф. К.* О местоположении Тираса // *ЗООИД*. 1853. Т. 3.
45. *Брун Ф. К.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии южной России. Одесса, 1879—1880. Ч. 1—2.
46. *Бурачков П. О.* Заметки по древней географии Новороссийского края // *ИРГО*. 1875. Т. XI, вып. 3, 5.
47. *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих // *ЗООИД*. 1875. Т. 9.
48. *Бурачков П. О.* Заметки по исторической географии южнорусских степей // *Киев. старина*. 1886. № 4.
49. *Бучинский И. Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев.: Гос. сельхозиздат УССР, 1963.
50. *Бучинский И. Е.* Меняется ли климат? М., 1963.
51. *Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Древние укрепления Северного Крыма // *ВДИ*. 1986. № 2.
52. *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира*. М.: Наука, 1976.
53. *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. М.: Наука, 1983.
54. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М.: Наука, 1989.
55. *Вишневецкий В. И., Войцены В. С., Крупник Л. И., Ранюк Ю. Н.* Методы подводных исследований, применявшиеся при археологических работах в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. // *Морские подводные исследования*. М.: Наука, 1969.
56. *Воеводский Л. Ф.* О происхождении названия Черного моря // *Тр. VI Археол. съезда*. Одесса, 1988. Т. 2.
57. *Войцеховский С. Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // *Зап. Сев.-Кавк. краевого о-ва археологии, истории и этнографии*. 1929. Кн. 1, т. 3, вып. 5/6.

58. *Воронов Ю. Н.* О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады) // Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974.
59. *Воронов Ю. Н.* Диоскуриада-Сébastopolis-Шхум. М.: Наука, 1980.
60. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
61. *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1.
62. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
63. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116.
64. Геология Азовского моря. Киев: Наук. думка, 1974.
65. Геология и гидрогеология западной части Черного моря. София: Изд-во Болг. АН, 1979.
66. Геология шельфа УССР: Керченский пролив. Киев: Наук. думка, 1981.
67. Геология шельфа УССР: Лиманы. Киев: Наук. думка, 1984.
68. Геология шельфа УССР: Литология. Киев: Наук. думка, 1985.
69. Геология шельфа УССР: Среда, история и методика изучения. Киев: Наук. думка, 1982.
70. Геология шельфа УССР: Тектоника. Киев: Наук. думка, 1987.
71. Геология шельфа УССР: Твердые полезные ископаемые. Киев: Наук. думка, 1983.
72. *Геродот.* История: В 9 кн. /Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
73. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Древности: Тр. Моск. археол. о-ва. 1870. Т. 2, вып. 3.
74. Гидрология устьевой области Дуная. М.: Гидрометеониздат, 1963.
75. *Голенцов А. С.* Локализация города Керкинтитиды и реки Гипакирида по историко-археологическим данным // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
76. *Гошкевич В. И.* Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ. // Древности: Тр. Моск. археол. о-ва. 1909. Т. 22, вып. 1.
77. *Гошкевич В. И.* Где был древний Одесс? // ЗООИД. 1915. Т. 32.
78. *Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись великого пра-Днепра. М.: Наука, 1970.
79. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. Вып. 36.
80. *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Изд-во МГУ, 1971.
81. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
82. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона: Проблема источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986 г. М.: Наука, 1988.
83. *Греч Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
84. *Гриневич К. Э.* Исследование подводного города в 1930—1931 гг. М., 1931.
85. *Гриневич К. Э.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1964. № 1.
86. *Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ. 1958. № 2.
87. *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинтитиды // ВДИ. 1970. № 2.
88. Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
89. *Дзэнс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность степного Крыма. Л.: Наука, 1970.
90. *Дзэнс-Литовский А. И.* Пересыпи и лиманы Азово-Черноморского побережья и степного Крыма // Природа. 1938. № 6.
91. *Дитмар А. Б.* География в античное время. М.: Мысль, 1980.
92. *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

93. *Доватур А. И.* Обозначение морей у Геродота // ВДИ. 1982. № 3.
94. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1982.
95. *Доманский Я. В.* О характере греческой колонизации и послеколонизационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
96. *Долуханов П. М.* Геолого-геоморфологическая характеристика городища Чайка // КСИА. 1970. Вып. 124.
97. Древнее Причерноморье: Тез. докл. конф., посвящ. памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1989.
98. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укрепленных, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4.
99. *Ельницкий Л. А.* Новый источник географии древнего Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1.
100. *Ельницкий Л. А.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1938. № 2.
101. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Географгиз, 1961.
102. *Ельницкий Л. А.* Древнейшие заокеанские плавания. М.: Географгиз, 1962.
103. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
104. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
105. *Жебелев С. А.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1.
106. *Зедгендзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159.
107. *Зенкович В. П.* Берега Черного и Азовского морей. М.: Географгиз, 1958.
108. *Зенкович В. П.* Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М.: Изд-во АН СССР, 1958—1960. Т. 1—2.
109. *Зограф А. Н.* Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 1941. № 7.
110. *Золотарев М. И.* Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2.
111. *Золотарев М. И., Ионес Э. Б.* Геоакустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.: Наука, 1979.
112. *Зубарев В. Г., Масленников А. А.* Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемию // СА. 1987. № 3.
113. *Иванов Г. И., Шмуратко В. И.* Об особенностях колебаний уровня Черного моря в послеледниковое время // Вод. ресурсы. 1982. № 3.
114. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия // Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 2.
115. *Инадзе М. П.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
116. *Исаченко А. Г.* Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971.
117. *Кадеев В. И.* Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 годах // Морские подводные исследования. М.: Наука, 1969.
118. *Каллистов Д. П.* Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Ист. зап. 1945. Т. 16.
119. *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Из-во ЛГУ, 1949.
120. *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз, 1952.

121. *Карышковский П. О.* К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. 1966, Вып. 5.
122. *Карышковский П. О.* Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО, 1967, Т. 2 (35).
123. *Карышковский П. О., Клейман И. В.* Древний город Тира. Киев: Наук. думка, 1985.
124. *Кетпен П. И.* Древности северного берега Понта. М., 1828.
125. Киммерийцы и скифы: Тез. докл. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987. Ч. 1—2.
126. *Колли Л.* Следы древней культуры на дне морском // ИТУАК. 1909, № 43.
127. *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
128. *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
129. *Кордт В. А.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. 1; 1906. Сер. 2, вып. 1; 1910. Сер. 2, вып. 2.
130. *Кордт В. А.* Матеріяли до історії картографії України. Київ, 1931, Ч. 1.
131. *Кошеленко Г. А.* Введение: Древнегреческий полис // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1.
132. *Кречетов П. Н.* Границы и очертания Геродотовой Скифии // Древности: Тр. Моск. археол. о-ва. 1889. Т. 13, вып. 1.
133. *Кречетов П. Н.* Письма о Геродотовой Скифии // ЗООИД. 1889. Т. 15.
134. *Кругликова И. Т.* Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. № 28.
135. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
136. *Кругликова И. Т.* Синдская гавань. Горигиппия. Анапа. М.: Наука, 1977.
137. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
138. *Куклина И. В.* Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3.
139. *Куклина И. В.* Трактат «О воздухе, водах и местностях» как исторический источник по истории скифов // Вспом. ист. дисциплины. 1970. Вып. 3.
140. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.
141. *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида VI—II вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1990.
142. *Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.
143. *Лалин В. В.* Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
144. *Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1966.
145. *Лалина Т. А.* Источники географических книг Плиния Старшего — Август и Агриппа // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987.
146. *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
147. *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1906. Т. 1—2. Пер. переиздан: ВДИ. 1947—1949. № 1—4.
148. *Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
149. *Левковская Г. М.* Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа // КСИА. 1970. Вып. 124.
150. *Лесков А. М.* Курганы, находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
151. *Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья.* Л.: Наука, 1988.

- Ломоури Н. Ю.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957. № 4.
- Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
- Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и Восточное Причерноморье. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Лоция Азовского моря. Л., 1937.
- Лоция Черного моря. Николаев, 1851.
- Лоция Черного моря. Л., 1937. См. также другие издания.
- Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения древнегреческими мореходами // МИА. 1954. Вып. 33.
- Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Малинин А. А.* Заметки по географии древней Таврики: К Страбону VII, 4, 2 // ЖМНП. 1913. № 11.
- Марченко К. К.* Дополнения к палеогеографии района Елизаветовского городища на Дону // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1977. № 1.
- Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1.
- Марченко К. К.* Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1983. № 1.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981.
- Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.
- Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.
- Мельник А. Н., Шатунова Н. В.* Отечественная гидроархеология: История и прогресс // Методы естественных наук в археологии. М.: Наука, 1987.
- Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
- Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1988.
- Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История: В 9 кн. М., 1886. Т. 2.
- Муравьев С. Н.* Страбон, XI, 3, 2. Ханес, Ройтакес, Сандобанес — реки античной Колхиды // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
- Муравьев С. Н.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986 г. М.: Наука, 1988.
- Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.
- Мурзакевич Н. Н.* Поездка на остров Левка, или Фидониси, в 1841 г. // ЗООИД. 1844. Т. 1.
- Надеждин Н. Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // Там же.
- Невесский Е. Н.* Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М.: Наука, 1967.
- Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.
- Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Окороков А. В.* Якоря корабельные. М.: НИИ культуры, 1986.
- Окороков А. В., Таскаев В. П.* Подводная разведка памятников истории и культуры. М.: НИИ культуры, 1988.
- Ольвия и ее округа. Киев: Наук. думка, 1986.
- Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3.
- Онайко Н. А.* Архазический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.

185. *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания: Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до наших дней. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
186. *Островерхов А. С.* Склеробна майстерня з Ягорлицького поселення // *Археологія*. 1978. Т. 25.
187. *Островерхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // *ВДИ*. 1979. № 3.
188. *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // *СА*. 1981. № 1.
189. *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI—III вв. до н. э.) // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наук. думка, 1983.
190. *Охотников С. Б.* Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1990.
191. *Панов Д. Г.* Развитие берегов восточной части Азовского моря в голоцене // *Теоретические вопросы динамики морских берегов*. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
192. *Пападимитриу С. Д.* Местоположение древней Одессы // *ЗООИД*. 1912. Т. 30.
193. *Пападимитриу С. Д.* Еще о местоположении древней Одессы // *ЗООИД*. 1915. Т. 32.
194. *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
195. *Петреску И. Г.* Дельта Дуная: (Происхождение и развитие). М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
196. *Писаревский Н. П.* Античные авторы о камарах // *Норция*. Воронеж, 1978. Вып. 2.
197. *Писаревский Н. П.* Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском // *Кавказ и Средиземноморье*. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1980.
198. *Подосинов А. В.* Из истории античных географических представлений // *ВДИ*. 1979. № 1.
199. *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*, 1983 г. М.: Наука, 1984.
200. *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985.
201. *Пончевный М. О.* Географический очерк Боспорского царства // *Кубанский сборник*. Екатеринодар, 1891. Т. 2.
202. *Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985.
203. *Природа Одесской области*. Киев; Одесса: Вища шк., 1979.
204. *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
205. *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
206. *Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара*. Парутино: ИА АН УССР, 1985.
207. *Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья: Тез. докл. Запорожье*, 1987.
208. *Пятышева Н. В.* Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 // *Тр. ГИМ*. 1966. Вып. 40.
209. *Раевский Д. С.* О местоположении древнего Евпатория // *ВДИ*. 1968. № 3.
210. *Раевский Д. С.* Неаполь или Палакий? // *ВДИ*. 1976. № 1.
211. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
212. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
213. *Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеголов А. Н.* Городине Рудь — Мэтонию Птолемея? // *ВДИ*. 1981. № 4.

214. *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. (Сб. Ист.-филол. о-ва при Харьк. ун-те; Т. 31).
215. *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. Вып. 65.
216. *Ростовцев М. И.* Эллиństwo и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918.
217. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925.
218. *Русяева А. С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
219. *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка, 1979.
220. *Русяева А. С.* Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия: Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
221. *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4.
222. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
223. *Салищев К. А.* Основы картоведения. М.: Изд-во МГУ, 1948.
224. *Самойлова Т. Л.* Тира в VI—I вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1988.
225. *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: Наука, 1986.
226. *Секерская Н. М.* Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1989.
227. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
228. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977.
229. *Скржинська М. В.* Опис Північного Причорномор'я в «Периплі ойкумени» псевдо-Скілака і «Перієгеси» псевдо-Скімна // Археологія, 1980. № 35.
230. *Скржинская М. В.* «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
231. *Скржинская М. В.* О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // ВДИ. 1989. № 4.
232. *Смирнов А. П.* Скифы. М.: Наука, 1966.
233. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
234. *Смолин В. Ф.* Главная династия скифских царей по Геродоту // Гермес. 1915. № 17.
235. *Смолин В. Ф.* К вопросу о названии Черного моря в древности // ИТУАК. 1916. № 53.
236. *Смолин В. Ф.* К вопросу об источниках Страбона по Боспорскому царству // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
237. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.
238. *Спасский Г.* О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах // ЗООИД. 1848. Т. 2, ч. 1. Переизд. см.: Археолого-нумизматический сборник. М., 1850.
239. *Спиридонов Д. С.* Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли. ИТУАК. 1918. № 54.
240. *Стемповский И. А.* Известие о новых открытиях по части древностей в Южной России // Библиогр. листы. 1824. № 24.
241. *Стемповский И. А.* Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древностей в Одессе. СПб., 1826.
242. *Стемповский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. СПб., 1827.
243. *Стемповский И. А.* Два письма Стемповского к Бларамбергу о местоположении города Танаиса // Прописки. 1854. Т. 4.
244. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1989.
245. *Страбон.* География: В 17 кн./Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1964.

246. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
247. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
248. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803—1805. Ч. 1—2.
249. Суручан Н. К. Опыт доказательства местонахождения скифского укреплениия Алектора и Золотого берега Константина Багрянородного // Тр. VI Археол. съезда. Одесса, 1888. Т. 2.
250. Танфильев Г. И. География России, Украины и примыкающих к ним с запада территорий в пределах России 1914 г. Одесса, 1922. Ч. 2, вып. 1.
251. Таскаев В. Н. Известия древнегреческих авторов о морской торговле, торговом и военном флоте Северного Причерноморья / Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1972.
252. Таскаев В. Н. К вопросу о морской торговле греческих городов Причерноморья в VI—II вв. до н. э. // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1974.
253. Тереножкин А. И. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
254. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. И. Мелитопольский курган. Киев: Наук. думка, 1988.
255. Толмазин Д. М., Шнайрман В. А., Ациховская Ж. М. Проблемы динамики вод северо-западной части Черного моря. Киев: Наук. думка, 1969.
256. Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Пг., 1918.
257. Томсон Д. О. История древней географии. М.: Географгиз, 1953.
258. Тохтасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2.
259. Тохтасьев С. Р. Апатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2.
260. Трофимова М. К. Из истории эллинистического пиратства // ВДИ. 1963. № 4.
261. Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851—1856. Вып. 1—2.
262. Федоров П. В. Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет // Колебания морей и океанов за 15 000 лет. М.: Наука, 1982.
263. Фирсов Л. В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 3.
264. Хазанов А. М. Социальная история скифов М.: Наука, 1975.
265. Хенниг Р. Неведомые земли. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. Т. 1.
266. Хоммель Х. Ахилл — бог // ВДИ. 1981. № 1.
267. Цыбульский С. О. Греческие и римские суда. СПб., 1901.
268. Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.
269. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
270. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
271. Шелов Д. Б. Из античной литературной традиции о Митридатových войнах (Посейдоний и Цицерон) // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
272. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1984 г. М.: Наука, 1985.
273. Шершов А. П. История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
274. Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

275. Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. Киев: Наук. думка, 1975.
276. Шилик К. К. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.: Наука, 1977.
277. Шилик К. К. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
278. Шилик К. К., Федоров Б. Г. Геоакустическое исследование подводной Ольвии // СА. 1968. № 4.
279. Широкова Н. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1979. Вып. 5.
280. Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М.: Наука, 1981.
281. Шишова И. А. Представление об океане у античных авторов // ВДИ. 1982. № 3.
282. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.: Изд-во АН СССР, 1957. (Зап. Геогр. о-ва СССР. Н. С.; Т. 16).
283. Штерн Э. Р. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. 1901. Т. 23.
284. Шуйский Ю. Д., Иванов Г. И. О смещении береговой линии в северо-западной части Черного моря // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. Киев: Наук. думка, 1968. Вып. 2.
285. Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2.
286. Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1972. № 2.
287. Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976.
288. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
289. Эйхвальд Э. И. Страбоновы известия о Кавказе и Южной России // Б-ка для чтения. 1838. Т. 30.
290. Эллинистическая техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
291. Юргевич В. Н. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического изучения // Тр. VI Археол. съезда. Одесса, 1888. Т. 2.
292. Юргевич В., Маркопуло А. Страбона Географии кн. VII // ЗООИД. 1877. Т. 10.
293. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М.: Наука, 1982.
294. Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1.
295. Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1.
296. Яковенко Э. В. К истории возникновения гидронима «Боспор Киммерийский» // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф.; ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
297. Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 36.
298. Яценко И. В., Раевский Д. С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 1980. № 5.
299. Яцунский В. К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
299. Alexandrescu P. Autour de la date de fondation d'Histria // Studii clasice. 1962. Vol. 4.
300. Alexandrescu P. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug // Rev. archeol. N. S. 1975. Fasc. 1.

301. *Aly W.* Strabon von Amaseia: Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. Bonn: Habicht, 1957.
302. *Armayer O.* Did Herodotus ever go to the Black Sea? // *IISPh.* 1978. T. 82.
303. *Aujac G.* Strabon et la science de son temps. P., 1966.
304. *Aujac G.* La géographie dans le monde antique. P., 1975.
305. *Babes M.* Peuce — Peucini // *Peuce.* 1977. Vol. 6.
306. *Baschmakoff A.* La synthèse des periples pontiques. P., 1948.
307. *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation // *Philologus.* 1920. Suppl. Bd. 14. H. 1.
308. *Boardman J.* The Greeks overseas: Their early colonies and trade. L.: Thames and Hudson, 1980.
309. *Bunbury E.* A history of ancient geography. N. Y., 1959. Vol. 1—2.
310. *Casson L.* The ancient mariners. L., 1960.
311. *Chotald H.* Le Periple la mer Noire par Arrien. P.: Didot, 1860.
312. *Cotet P.* Evolutia morfohidrografică a Deltei Dunării // *Probl. geogr.* 1960. Vol. 7.
313. *Cumont F.* Fragment de bouclier portant une liste d'étapes // *Syria.* 1925. T. 6, fasc. 1.
314. *Cuntz O.* Die Geographie des Ptolemaeus. B., 1923.
315. *Danoff Chr.* Pontos Euxinos // *RE.* 1962. Suppl. Bd. 9.
316. *D'Anville J.* Géographie ancienne. P., 1782. T. 1—3.
317. *Detlefsen D.* Die Quellen des Plinius in der Beschreibung des Pontus // *Philologus.* 1886. Bd. 46.
318. *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B., 1909.
319. *Diller A.* The tradition of the minor Greek geographers. Oxford: Batey, 1952.
320. *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abchases en Colchidie en Georgie et en Grimee. P., 1839—1843. Vol. 1—5.
321. *Ebert M.* Südrussland im Altertum. Bonn: Schroeder, 1921.
322. *Ehrhardt N.* Miletus und seine Kolonien. Frankfurt a.M. etc.: Lang, 1983.
323. *Eichwald E.* Alte Geographie des Capischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands. B.: Morin, 1838.
324. *Forbiger A.* Handbuch der alten Geographie. Leipzig, 1848. Bd. 3.
325. *Gaidukevič V.* Das Bosporanische Reich. B.; Amsterdam: Akad.-Verl.; Hakkert, 1971.
326. *Graham A.* Colony and mother city in ancient Greece. Manchester: Univ. press, 1964.
327. *Hansen A.* Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippokrates. Dorpat, 1844.
328. *Höffer U.* Periegese des sogenannten Scymnos // *Rhein. Museum.* 1933. Bd. 82.
329. *Kiepert H.* Topographisch = historischer Atlas von Hellas und den hellenischen Colonien. B., 1851.
330. *Koehler H.* Memoire sur les îles et la course consacrées a Achille dans le Pont-Euxin // *Mem. Acad. imp. sci. St. Petersburg.* 1826. T. 10.
331. *Kothe H.* Skythenbegriff bei Herodot // *Klio.* 1969. Bd. 51.
332. *Lindner F.* Skythien und die Skythen des Herodot und seine Ausleger. Stuttgart, 1841.
333. *Mannert K.* Geographie der Griechen und Römer. Leipzig, 1820. T. 4.
334. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge: Univ. press, 1913.
335. *Mörner N.-A.* Eustatic changes during the last 20 000 years and a method of separating the isostatic and eustatic factors in an uplifted area // *Palaeogeogr., Palaeoclimatol. Palaeoecol.* 1971. T. 9.
336. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. B. Weidmann, 1892. Bd. 3.
337. *Müller K.* Geographi graeci minores. F., 1855—1861. Vol. 1—2. Tabulae.
338. *Neumann K.* Die Hellenen im Scythenlande. B., 1855. Bd. 1.
339. *Neumann K.* Strabons Landeskunde von Kaukasien // *Jb. Class. Philol.* 1884. Suppl.—Bd. 13.

340. *Nordenskiöld A.* Facsimile-Atlas to the early history of cartography. Stockholm, 1889.
341. *Nordenskiöld A.* Periplus, an essay of the history of charte and sailing directions. Stockholm, 1897.
342. *Onajko N.* Die Lokalisierung von Bata bei Strabon // *Klio*. 1977. Bd. 59, H. 2.
343. *Pippidi D.* Scythica Minora: recherches sur les colonies grecques du littoral roumain de la mer Noire. Buc.; Amsterdam: Acad. RSR; Hakkert, 1975.
344. *Pippidi D., Berciu D.* Din istoria Dobrogei. Buc.: Acad. RSR, 1965.
345. *Reinach Th.* Mitridate Eupator: König von Pontos. Leipzig, 1895.
346. *Roebuck C.* Ionian trade and colonization. N. Y., 1959.
347. *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. B.: Schoetz, 1931. Bd. 1.
348. *Sallmann K.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. B.; N. Y., 1971.
349. *Schnabel P.* Text und Karten des Ptolemäus. Leipzig: Koehler, 1939.
350. *Seibert J.* Metropolis und Apoikie: historische Beiträge zur Geschichte ihrer gegenseitigen Beziehungen. Würzburg: Gugel, 1963.
351. *Silberman A.* Quelques remarques sur la composition du periple d'Arrien // *Rev. études greeq.* 1978. T. 91, N 432—433.
352. *Spruner K., Menke T.* Atlas antiquus. Gothae, 1865.
353. *Stern F. von.* Bemerkungen zu Strabons Geographie der Taurischen Chersonesos // *Hermes*. 1917. Bd. 52.
354. *Stuckius I.* Arriani historici et philosophi Ponti Euxini et maris Erythrai periplus ad Abrianum Casarem. Geneva: Vignov, 1577.
355. *Ükert F.* Geographie der Griechen und Römer von den frühesten Zeiten bis auf Ptolemaus. Weimar, 1846. T. 3, Abt. 2.
356. *Unger G.* Die Abfassungszeit des sogenannte Skylax // *Philologus*. 1874. Bd. 33.
357. *Walbank F.* Historical commentary on Polybios. Oxford, 1957—1967. Vol. 1—2.
358. *Wasowicz A.* Olbia Pontique et son territoire // *Ann. litt. Univ. Besancon*. 1975. Vol. 168.
359. *Westberg Fr.* Zur Topographie des Herodot. III. 7. Herodots Stadion // *Klio*. 1914. Bd. 14, H. 3.
360. *Zahariade M.* Noi consideratii istorice asupra scutului de la Dura Europos // *Stud. si cerc. ist. veche si arheol.* 1975. T.26, № 4.

Список сокращений

- ВДИ** — Вестник древней истории
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия археологической комиссии
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАА — Новости академической археологии
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
HSPH — Harvard Studies in Classical Philology, Cambridge
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft/Neue Beard., begonnen von G. Wissowa; Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Описание Северного Причерноморья античными авторами	31
Глава 2. Окружность Понта Эвксинского.....	92
Глава 3. Низовья Дуная.....	112
Глава 4. Нижнее Поднестровье.....	131
Глава 5. Ольвийский район.....	155
Глава 6. Крымское побережье.....	203
Заключение	217
Литература	224
Список сокращений.....	236

Агбунов М. В.

А 23 Античная география Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1992.— 240 с. 19 ил.— (серия «Страницы истории нашей Родины»).

ISBN 5-02-005860-2

В книге собраны воедино и всесторонне рассмотрены историко-географические сведения античных авторов по Северному Причерноморью — от устья Дуная до Приазовья. Читатель знакомится с городами и поселениями, гаванями и островами, храмами и святыщами, которые существовали здесь уже более 2 тысяч лет тому назад. Автор книги дает целый ряд важных палеогеографических реконструкций отдельных районов для той эпохи. Они помогают понять, какие изменения в географическом облике Северного Причерноморья произошли с тех времен до наших дней. Дана и общая картина развития географических знаний о Северном Причерноморье в античное время. Выводы и наблюдения автора книги позволяют ему предложить программу перспективных комплексных историко-археологических и палеогеографических исследований.

Для географов, историков, археологов и широкого круга читателей.

ББК 63.2

**Агбунов .
Михаил Васильевич**

**АНТИЧНАЯ ГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

**Серия «Страницы истории
нашей Родины»**

Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Научно-популярная литература»

Редактор издательства В. С. Ванин
Художник Т. В. Болотина
Художественный редактор Н. Д. Богачев
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Т. М. Ефимова, Л. В. Щеголев

ИБ № 47243

Сдано в набор 22.07.91.
Подписано к печати 24.10.91.
Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,0. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 901.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77
ул. Станиславского, 25